

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

**КИТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ИЗОЛИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ**

X МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
МАТЕРИАЛЫ

Москва, 20–21 июня 2000 г.

Москва 2000

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Проект № 00-04-14012 г

Редакционная коллегия

В.М.СОЛНЦЕВ (отв. редактор)
И.Н.КОМАРОВА (отв. секретарь)
К.В.АНТОНЯН

Редактор
Г.А.МАРТЫНОВА

В книге представлены исследования по грамматическому строю современного китайского языка, диалектам китайского языка, языкам национальных меньшинств Китая, а также ряду других изолирующих языков, опирающиеся на обширный языковой материал. Значительное место в книге занимают проблемы лексикологии, грамматики, рассматриваются вопросы фонетики, истории изучения и методики преподавания китайского языка.

The book presents studies in modern Chinese, its dialects as well as in the languages of ethnic minorities of China and also studies in other isolating languages, based on the vast linguistic data. The book contains materials on theoretical description of the grammar, lexicology and phonetics of the Chinese language, some papers deal with the history of studies and methods of its teaching.

© Институт языкознания РАН, 2000

Памяти
выдающегося ученого

Вадима Михайловича
Солнцева

Bleu murex

СЛОВО О ВАДИМЕ МИХАЙЛОВИЧЕ

На протяжении долгой и напряженной жизни в лингвистике и для лингвистики В.М.Солнцева влекли к себе и вдохновляли три комплекса проблем: архитектура языка, общая для всех частных разновидностей (система и структура), ее реализации в «типовых проектах» и, наконец, уникальные здания, выстроенные по индивидуальным чертежам. Иначе говоря, в поле зрения В.М.Солнцева входили: Язык, языки-индивиды — китайский и вьетнамский в первую очередь — и языковые типы (изолирующие языки). Эти три объекта постоянно взаимодействовали в лингвистическом сознании В.М.Солнцева, образуя нераздельное и неслиянное триединство.

Любовь к конкретным языкам, их варьированию, их существованию в естественных условиях заставляли В.М.Солнцева совершать изнурительные экспедиции во Вьетнам, собирать редкий языковой материал, чтобы затем ввести его в лингвистический обиход и координировать с общей концепцией языка. Факты и теории не распались в исследовательской практике Вадима Михайловича на суверенные государства.

Исследовательская работа Вадима Михайловича неотделима от его деятельности как руководителя и организатора науки. В современном мире полифункциональность человека наносит губительный удар единству его личности. Сравнение человека с двуликим Янусом стало эвфемизмом, ибо он многолик. Меняя свои роли, маски и имиджи, следуя разным моделям поведения, совершая множество разнообразных поступков и деяний, участвуя в социальных и межличностных играх, человек утрачивает целостность, а характеризующие его высказывания — параметр истинности. В.М.Солнцева этот процесс не коснулся. Он обладал яркими индивидуальными

чертами, множеством «особых примет», интересов и эстетических предпочтений — В.М.Солнцев был любителем и знатоком поэзии, у него, возможно, были свои пристрастия, но он сохранял целостность, в основе которой лежало нетронутое исполнением официальных функций человеческое начало. В.М.Солнцев — человек. Он понимал людей и им сострадал. Его поведение во всех сферах деятельности было естественно и человечно. Неизменно соблюдая социальные конвенции, В.М.Солнцев в то же время не изменял своей природе. Он не *играл* те роли, которые ему приходилось исполнять. Ему не нужны были имидж, ни советник по имиджу. Точно так же, как язык для В.М.Солнцева был един во множественности, была едина и сама личность Вадима Михайловича во множественности видов его деятельности.

В.А. АНДРЕЕВА

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА

Синонимия — характерное явление языков разных типов, в то же время в каждом языке она обладает различными особенностями, связанными со спецификой лексико-грамматического состава данного языка и, следовательно, спецификой синонимических источников. Наиболее широко представленной и функционально разнообразной во вьетнамском языке является лексическая синонимия.

Лексическая система современного вьетнамского языка представляет собой динамично развивающуюся и постоянно изменяющуюся сложную систему, образуемую различными по происхождению, сфере употребления, стилистической значимости группами лексических единиц, характеризующимися различной степенью смысловой близости или противопоставленности. Попытаемся рассмотреть эту систему в нескольких аспектах применительно к определению источников возникновения лексической синонимии.

С точки зрения происхождения во вьетнамском языке различаются как исконно вьетнамские лексические единицы (большой частью односложные), так и весьма многочисленные китайские лексические заимствования. Проникновение единиц китайского происхождения во вьетнамский язык происходило в течение очень долгого исторического отрезка времени и шло различными путями, поэтому различна и степень ассимилированности китайских слов и морфем, некоторые из них давно проникли в язык и освоены им настолько, что носители почти не ощущают их иноязычного происхождения, другие же заимствовались относительно недавно, и их иноязычное происхождение явственно ощущается. Активное участие в словообразовательном процессе наряду с вьетнамскими элементами большого числа ханьвьетских свободных и связанных морфем разной степени ассимилированности, а также заимствование — иногда в дополнение к уже имевшимся в языке исконно вьетнамским единицам — готовых к употреблению ханьвьетских лексических единиц привело к тому, что в современном вьетнамском

языке (если понимать под современным языком язык второй половины XX века) существовало и существует относительно большое количество так называемых полных, или абсолютных, синонимов, семантически тождественных, но имеющих различное происхождение. Между ними происходила и продолжает происходить своего рода борьба, вытеснение одних синонимов другими на периферию языка, одни из них уже устарели (например, *máy bay* (вьет.) 'самолет' вытеснило *phì cơ* (кит.) с тем же значением, другие — устаревают, однако значительное количество продолжает существовать параллельно, например, *nước ngoài* (вьет.) — *ngoại quốc* (кит.) 'заграница'; *người nước ngoài* — *người ngoại quốc* 'иностранец', *tiếng nước ngoài* — *ngoại ngữ* 'иностраный язык'). Здесь следует заметить, что на функционирование этих синонимов оказали определенное влияние факты внеязыковой действительности, а именно параллельное существование в течение нескольких десятков лет двух главных вариантов вьетнамского языка — северного и южного. На Севере превалировала тенденция предпочтительного употребления синонимов исконно вьетнамского происхождения (естественно, там, где имелось два семантически и функционально тождественных варианта), что во многом было связано с провозглашенным Президентом Хо Ши Мином движением за чистоту вьетнамского языка. На Юге же такой тенденции не наблюдалось. Например, из трех слов со значением 'аэропорт, аэродром' на Севере слово вьетнамского происхождения *sân bay* вытеснило из употребления слова *phì trường* (обе морфемы хань-вьетские), *trường bay* (*trường* — ханьвьетское), в то время как на Юге *phì trường* осталось в активном употреблении.

Таким образом, отчасти мы уже затронули еще одну оппозицию устарелое и современное — как источник существования синонимии. В современном вьетнамском языке существует сложная система устаревшей лексики как (в основном) ханьвьетского происхождения, так и (в гораздо меньшей степени) исконно вьетнамской. С точки зрения проблемы синонимии здесь важно различать, с одной стороны, историзмы, вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначавшихся ими понятий и поэтому не имеющие синонимов в современном языке, и, с другой стороны, архаизмы,

устаревшие и устаревающие слова, а также так называемые несовременные слова (вышедшие из употребления в течение 15—20 последних лет), которые называют существующие реалии и понятия, однако по тем или иным причинам вытеснены из употребления синонимичными лексическими единицами. Они, в отличие от своих синонимов, используются обычно только с определенными стилистическими целями — для воссоздания реальной обстановки в исторических произведениях, для создания высокосторжественного стиля в публицистике либо в художественных текстах.

Иногда наблюдается обратная картина: в силу постоянного стремления языка к обновлению своих лексических средств и по ряду других причин вышедшие из употребления слова вдруг возвращаются в активное употребление, вытесняя употреблявшиеся прежде синонимы. Так случилось, например, со словом *nhà hàng* ‘ресторан’, которое еще в вышедшем в 1991 г. Толковом словаре вьетнамского языка имело помету *устар.*, а ныне широко употребительно во вьетнамском языке.

Следующий источник существования синонимии — диалектизмы, собственно лексические и семантические, имеющие параллели в литературном языке. Диалектизмы употребляются в художественной литературе как средство стилизации, для создания местного колорита. В современном вьетнамском языке вопрос отнесения лексических единиц к диалектизмам вызывает известные споры. Выше нами уже затрагивался вопрос о существовании двух главных вариантов вьетнамского языка северной и южной частей Вьетнама. Думается, что было бы разумным не считать южный вариант вьетнамского языка южным диалектом, и наоборот, северный вариант — северным диалектом, а признать существование единого общенационального вьетнамского языка, поскольку жители Севера и Юга без труда понимают друг друга, а вследствие динамичного развития современного вьетнамского общества, миграции населения, развития средств связи и средств массовой информации эти два варианта все более и более сближаются, обогащая и дополняя друг друга. Исходя из этой точки зрения, предпочтительнее было бы считать семантически тождественные лексические единицы, употребляющиеся на Севере и на Юге,

синонимами, а не диалектизмами. Например, южное *hớt tóc* ‘стричься’, употребляющееся преимущественно на Юге, можно считать синонимом северного *cắt tóc*, тем более что и в Ханое можно встретить вывеску с надписью *hớt tóc* (‘стрижка’). Конечно, при этом существует и большое количество диалектизмов, употребляющихся в более ограниченном территориальном пространстве и непонятных большинству носителей вьетнамского языка.

Далее следует отметить такой источник синонимии, как существование термина и общеупотребительного слова с тем же значением. Например, ‘сера’ — *lưu huỳnh* (термин) и *diêm sinh* (общеупотр.), ‘мочевой пузырь’ — *bàng quang* (термин) и *bọng đái* (общеупотр.).

Еще одним источником существования синонимических единиц во вьетнамском языке является существование широкого спектра стилистически и экспрессивно маркированной лексики. По одну сторону от стилистически нейтрального лексического ядра языка располагается книжная, поэтическая, высокая, официально-деловая, газетно-политическая, научная лексика, по другую — разговорная, просторечная, грубая, жаргонная и иная подобная лексика. Следует заметить, что в лексике высокого, книжного, научного стиля весьма значительна доля лексических единиц китайского происхождения, что связано с тем, что большое количество ханьвьетских элементов заимствовалось во вьетнамский язык письменным, книжным путем. Часто при совпадающем или близком предметно-логическом значении употребление ханьвьетской лексической единицы придает высказыванию торжественный, официальный, книжный, поэтический оттенок. Например, слово *trăng* ‘луна’ исконно вьетнамского происхождения стилистически нейтрально, в то время как китаизм *nguyệt* является архаизмом и носит поэтический оттенок. Ср.: *bóng trăng* (нейтр.) — *bóng nguyệt* (учм., поэт.) — ‘лунный свет’. *Nguyệt* также может входить в сложное слово в качестве связанной морфемы, например, *nguyệt thực* ‘лунное затмение’ (научный термин).

Еще несколько примеров: *bướm* — ‘бабочка, мотылек’ — нейтральное, китаизм *hồ điệp* с тем же значением — поэтическое, устаревшее; *hỏi vợ* ‘свататься’ — нейтральное, китаизм *cầu hôn* с тем же

значением — торжественный стиль, архаизм, *vợ* 'жена' — нейтральное, китаизм *phù nhân* — официальное ('супруга'). Подобный ряд можно продолжить. Однако иногда наблюдаются и иные явления. Например, слово *giáo viên* 'учитель', где обе морфемы ханьвьетские, имеет нейтральный оттенок, в то время как слово *nhà giáo*, где *nhà* — исконно вьетнамский компонент, характерно для торжественного, официального стиля. Например, *Ngày nhà giáo* — 'День учителя' (праздник), *nhà giáo nhân dân* 'народный учитель' (звание). Данное явление нуждается в дополнительных наблюдениях. Конечно, отнюдь не всегда стилистическая маркированность синонимической единицы связана с ее происхождением, например, исконно вьетнамские слова *ăn* и *xơi*, имеющие общую сему 'поглощать пищу', различаются стилистически. *Ăn* — нейтральное 'есть', *xơi* — 'кушать, откусывать, отведывать' — высокий, торжественный стиль, употребляется при приглашении к столу высоких, дорогих гостей.

Таким образом, нами затронуты следующие источники возникновения и существования синонимии во вьетнамском языке: исконно вьетнамские и ханьвьетские лексические единицы, устаревшая и современная лексика, диалектизмы, наличие двух главных вариантов вьетнамского языка, терминология и общеупотребительная лексика, стилистически и экспрессивно маркированная лексика. Ввиду ограниченных временных рамок мы не коснулись здесь таких свойств синонимов, как дифференциация оттенков одного и того же лексического значения, выделение того или иного признака понятия, различная степень интенсивности действия или признака. Источником таких синонимов являются словообразование (происходящее во вьетнамском языке, как языке изолирующего типа, в основном путем словосложения и редупликаций — повтора), лексическая полисемия, развитие производных и фразеологически связанных значений слова и т. д. Эти и некоторые другие проблемы будут рассмотрены в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

- Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1990.
Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М.: Наука, 1974.

Đỗ Hữu Châu. Giáo trình Việt ngữ. Tập II (Từ hội học). — Hà Nội, 1962.

Nguyễn Văn Tu. Từ vựng học tiếng Việt hiện đại. — Hà Nội, 1968.

Nguyễn Đức Tồn. Về phương pháp biên soạn từ điển đồng nghĩa tiếng Việt. — Trong cuốn Một số vấn đề từ điển học. — Hà Nội, 1997.

Hoàng Phê, Hoàng Văn Hành, Đào Thanh. Sổ tay dùng từ. — Hà Nội, 1980.

А.А. Антиповский

ЛАО ШЭ: БОЛЕЗНЬ. ТЕАТР И ЦВЕТЫ

I. Китай при маньчжурском господстве продолжал жить по законам, установленным еще древними китайскими императорами. Только в 1905 г., например, была отменена система сдачи государственных экзаменов, введенная еще в 140 г. до н. э., согласно которой государственные должности — от уезда до столицы — могли занимать люди, прошедшие специальный отбор. Схоластика и начетничество были заложены в этой системе почти с самого начала. От грамотных людей требовалось знание текстов, написанных до III в. до н. э. Естественно, всякая живая мысль подавлялась. С другой стороны, китайская интеллигенция хорошо знала свой древний «мертвый» язык, читала, цитировала его. За эти века и тысячелетия была создана колоссальная литература. Все это отличает китайскую интеллигенцию от западной, которая не знает (кроме специалистов) свой древний «мертвый» язык, не знает свой западный вэньянь — латынь, старославянский.

На начало XX в. в Китае приходятся большие политические, социально-экономические и культурные изменения, подготавливавшиеся как изнутри, так и извне, и приведшие, в конечном итоге, к кардинальному изменению не только социального строя, но и к изменению общественного мышления. Творчество китайских писателей — современников XX века и писателей старшего поколения (Чэнь Дусю, Ху Ши, Чжоу Цзожэнь, Лу Синь, Лин Юйтан, Е Шэнтао, Мао Дунь, Лао Шэ, Ба Цзинь, Сюй Дишань, Ху Епинь и многие другие) со всей очевидностью свидетельствует об этом.

Живой разговорный язык, третировавшийся в Китае до первой четверти XX в., стал потом мощной основой в борьбе против старого

языка. Передовым отрядом в этой борьбе стали названные писатели. Среди них особенно заметна фигура Лао Шэ, который выделяется блестящим знанием современного народного языка и культуры вообще. Маньчжурская династия, стремительно катившаяся к закату, толкала людей к поиску путей предотвращения этого процесса, с одной стороны, с другой — к желанию уйти от действительности, забыться. Благодаря особой — знаменной системе устройства маньчжурской (китайской) армии маньчжуры в Пекине жили обособленно, их национальная культура в городе была сосредоточена в «Большом доме» в своеобразном обществе маньчжурской культуры, расположенном в районе проживания семьи Лао Шэ [Сун Юньи 1988].

Развалившаяся китайская, номинально маньчжурская, империя обрекала большую часть общества на жалкое существование. Особенно сильно это сказывалось на младшем поколении, принадлежавшем к национальной элите. С Лао Шэ, по-видимому, это и произошло. Нельзя забывать смерть его отца. Замкнутость и некоторая отчужденность в детские годы, о чем пишет Шу И — сын писателя, являются отражением не только общей национальной, но и семейной драмы.

Любовь Шу Шэюя (Лао Шэ) к народному творчеству, к театру проявились в раннем детстве, когда он вместе со своим школьным другом Ло Чанпэйем часто бывал в чайной своего дяди по материнской линии и смотрел постановки разных бродячих театральных групп — профессиональных и не вполне профессиональных. Народный театр нес сочный, живой и богатый язык. Неслучайно впоследствии один из друзей стал писателем с мировым именем, другой — крупным ученым-лингвистом. Они сохранили дружбу до конца своих дней. Увлечение театром все больше росло. Лао Шэ стал завзятым театралом, как скажет потом Шу И.

Увлечение народным театром способствовало глубокому знанию народного языка, который Лао Шэ глубоко изучил и умело пользовался им, слыл большим мастером. В начале 30-х гг. его, по-доброму, называли «королем смеха», а закрепившееся за ним прозвище «пекинец» являло собой высшую похвалу писателю, очень хорошо знавшему горожан Пекина, их говор [Шу И 1987].

Лао Шэ разучивал и пел самые разные арии из репертуара национального театра, но главным образом партии злодеев (*хэйтоу*), старух (*лаодань*), стариков (*лаошэн*), молодых женщин (*хуадань*), молодых людей (*сяошэн*). В операх *кунцзюй* он больше тяготел к исполнению женских партий. Но были исключения. Так, в пекинской опере он пел арии Чжан Фэя — воина и полководца.

Во время занятий по китайскому языку он пел разные арии, что иногда повергало учащихся в смятение или вызывало веселье. Пел он не только на уроках музыки, но и на занятиях по национальному языку, истории [Шу И 1987].

II. В двадцать два года Шу Шэюй, будущий писатель с мировым именем Лао Шэ, тяжело заболел. Вернее, это был первый симптом его тяжкого недуга, не покидавшего его всю жизнь. После этого первого неприятного «звонка» молодой человек начал более активно и целенаправленно заниматься различными видами спорта, прежде всего искусством владения мечом. Он увлекся настолько, что танцевал с мечом и позже даже написал «Руководство по танцу с мечом», а художник Янь Болунь проиллюстрировал это «Руководство» схемами и рисунками. Газета «Чэньбас» сообщала тогда, что Лао Шэ является специалистом по «ушу», писала о необходимости распространения «ушу» в массах. Кстати, и Шу Шэюй (Лао Шэ) и Янь Болунь не без успеха это сделали. В мае 1921 г. они провели общепекинские объединенные спортивные соревнования учащихся начальных школ по «ушу».

Работая в Лондоне, Лао Шэ не прекращал занятия спортом. В начале 30-х гг. корреспондент газеты «Сюэшен хуабас» писал об «удивительных танцевальных движениях», исполнявшихся молодым человеком. В них было все: неумелый полет птенца ласточки, отважившегося впервые взлететь, и упавшего в воду и промокшего насквозь, беспомощного маленького животного... Спортивные упражнения, способствующие укреплению тела, защищают его. Иными словами, он постигал искусство спортивной борьбы без оружия (*цюаньшу* 'искусство кулачного боя').

В 1933 г. Лао Шэ заболел вторично. Болезнь его скрутила так, что он чувствовал себя, «как схваченный карп». Врачи оказались бессильны. И он опять стал усиленно заниматься физическими

упражнениями, опять стал в совершенстве осваивать искусство спортивной борьбы без оружия, искусство владения тростью, искусство владения мечом. Не допуская перерывов в спорте, совершенствовал свои упражнения. Он овладел шаолинской школой бокса (старый атакующий стиль), гимнастикой *тайцзицюань*, владением булавой добродетелей *тайцзи*, постиг искусство складывания рук и т. д.

Его увлечение спортом было настолько серьезно, что он в своем дворике в г. Циндао устроил тренировочную площадку с 18 спортивными снарядами, и человек, впервые попадавший туда, думал, что оказался в доме военного, но никак не в доме известного писателя.

В конце праздника Весны в 1935 г. Лао Шэ выступил на вечере, посвященном проводам старого Нового года в Шаньдунском университете, и показал приемы борьбы «ушу». Выступление профессора было полной неожиданностью для студентов и профессорско-преподавательского состава.

Однако коварный остиг упорно подкрадывался к нему. Летом 1949 года в Нью-Йорке во время занятий гимнастикой *тайцзицюань* его ноги перестали двигаться. Врачи предписали ему ходить с тросточкой. Писатель стал называть себя «человеком о трех ногах».

В 1965 г. в Токио Лао Шэ даже померился силами со своим японским собратом по перу Сирояма Сабуро, который назвал удары Лао Шэ «по-настоящему успешными».

Хорошее знание национальной борьбы писатель использовал в своем творчестве. Языковой материал, своеобразная лексика придавали особую специфику его произведениям. В 1935 г. был написан рассказ «Оружие, терзающее душу» (в русском переводе «Разящее копье»). Лао Шэ остался доволен своим рассказом настолько, что во время пребывания в США переделал его в самостоятельную драму, написанную на английском языке. Три наставника по боксу, их искусство в рассказе и драме демонстрируют разные школы и разные направления в спортивной борьбе и разное отношение учителей к национальному наследию прошлого — передавать или не передавать искусство «удара, поражающего пятерых тигров».

Значительность темы восточной борьбы вроде бы невелика. Но не следует забывать, однако, важность спортивных оздоровительных, укрепляющих тело и дух упражнений, которые помогают многим людям и, в частности, помогли писателю, позволили ему долгие годы жить и творить. Вот почему в его больших произведениях (романах «Развод» и «Четыре поколения под одной крышей») нет недостатка в описании сцен такой борьбы [Лао Шэ 1984].

III. Надо признать, что семья Шу Шэюя была очень деятельна, она постоянно находилась в поиске своего места под солнцем. Конечно, этому были свои причины — время было тяжелое. Хочется привести пример со старшим братом Шу Шэюя, которого звали Шу Цзысян и который был на десять лет старше Шэюя. Кстати, считается, что Цзысян стал прототипом литературного героя Лао Шэ рикши Сянцзы из знаменитого романа «Верблюды Сянцзы» («Рикша»). Шу Цзысян, имея большую семью (девять человек детей), бился как рыба об лед. Чтобы прокормить семью, он испробовал много профессий: работал уборщиком мусора, рикшей, полицейским, но все было неудачно. Потом он занялся разведением цветов. После этого к нему даже пришла слава в городе, но особенно он стал известен в западном районе — Сичжимэне [Шу И 1987]. Писатель Лао Шэ тоже начал разводить цветы в Дэншикоу. Он превратил свой дворик в цветник. Цветы помогали ему более продуктивно работать. Он делал перерывы, выходил во дворик и отдыхал, копаясь в саду. Среди этих цветов была захоронена урна с его прахом (после трагической гибели в 1966 г.). Там она покоилась до 1975 г., до времени его реабилитации.

ЛИТЕРАТУРА

- Сун Юньи. Лао Шэ и концепция китайской культуры (Лао Шэ юй чжунго вэньхуа гуаньнянь). — Шанхай, 1988.
- Шу И. Последние два дня из жизни Лао Шэ (Цзуйхоудэ лян тянь). — Гуанчжоу, 1987.
- Шу Шэюй (Лао Шэ). Введение в литературу. Курс лекций (Шу Шэюй. Вэньсуэ гайлунь цзяньги). — Пекин, 1984.

В.И.Антонов, Е.В.Баринаова

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: ОБОЗНАЧЕНИЯ ТЕМПА В РУССКОМ, КИТАЙСКОМ И ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКАХ

«Создавая музыкальное произведение, композитор записывает его на бумаге нотными знаками, когда он намеревается выразить... свои чувства, мысли... он записывает их иероглифами в нотах» [6].

В международной практике широко используется итальянская музыкальная терминология — как в устной, так и в письменной речи, как в специальной музыковедческой литературе и в нотах (нотных изданиях), так и в художественной — прежде всего поэтической — литературе.

На письме итальянские термины встречаются в итальянском написании как иноязычные включения в текст в виде заимствований.

Итальянская музыкальная терминология используется прежде всего для обозначения словесных указаний композитора в нотах (нотных изданиях). Это относится, например, к таким указаниям, как музыкальный темп (итал. *allegro* 'весело, живо', итал. *andante* 'шагом, не спеша', итал. *adagio* 'медленно'), характер исполнения музыкального произведения (итал. *alla marcia* 'в характере марша', итал. *con anima* 'с душой, с чувством'), динамические оттенки (итал. *forte* 'громко', итал. *piano* 'тихо', итал. *diminuendo* 'постепенно всё тише'), агогические пометы (итал. *tempo rubato* 'в свободном темпе', букв. 'похищенное время') и другие.

В партитурах также используются итальянские названия музыкальных инструментов. Кроме того, итальянская терминология широко применяется музыковедами в теоретических исследованиях по теории и истории музыки, при анализе музыкальных произведений.

Совершенно очевидно, что во многих языках до освоения ими итальянской музыкальной терминологии уже существовала своя музыкальная лексика, свои музыкальные понятия. Заимствование языком некоторой части музыкальных итальянских терминов может приводить к параллельному использованию в языке двух вариантов одного термина — исконного и заимствованного итальянского.

Приведем пример. В русских нотных изданиях при обозначении одного из быстрых музыкальных темпов используется рус. *весело*,

живо или, чаще, итал. *allegro*. Иногда может встретиться итальянский термин в русской записи — *аллегро*, при этом рус. *аллегро* чаще всего будет выступать в качестве названия музыкального произведения (или его части), но не в роли термина, обозначающего музыкальный темп произведения. Напротив, в музыковедческой литературе рус. *аллегро* предпочтительнее, хотя возможно и итал. *allegro*.

Особым случаем является употребление смешанных словосочетаний типа *сонатное allegro* (название музыкальной формы), хотя чаще встречается именно русский вариант — *сонатное аллегро*.

Наряду с исконной терминологией достаточно широко используется оригинальная музыкальная терминология других языков — русского, французского и немецкого, иногда совпадающая по значению с определенными итальянскими терминами. Впрочем, не исключено, что композитор, знакомый с итальянской терминологией, может намеренно использовать отечественную лексику (особенно часто — в произведениях для детей для большей доступности). Так, вместо итал. *allegro* в произведениях русских композиторов можно встретить рус. *весело*, *живо*, вместо итал. *tempo rubato* — рус. *в свободном темпе* и т. п.

В страны Восточной и Юго-Восточной Азии, в частности в Китай и Вьетнам, европейская музыкальная культура стала активно проникать с XVIII в. и особенно в XIX—XX вв. К этому времени в этих странах существовала своя музыкальная лексика. Пришедшая с европейскими музыкальными произведениями терминология в китайский и вьетнамский языки вошла либо в виде фонетических заимствований, либо в виде калек. Эти термины были включены в китайские и вьетнамские словари, энциклопедии.

Так, в китайский терминологический музыкальный словарь «Иньюэ бяоцин шуйюй цзыдянь» [6] входят иностранные музыкальные термины, а именно итальянские (большинство), а также французские, немецкие, английские и даже латинские музыкальные термины и соответствующие им кальки.

Приведем примеры перевода достаточно полно представленных в данном словаре итальянских терминов, имеющих отношение к обозначению музыкального темпа:

Итал. термины	Кит. термины	Перевод китайских терминов на русский
<i>accelerando</i>	цзянькуайды	‘понемногу убыстря’
<i>adagio</i>	цунжунды;	
	маньманьды	‘легко, неторопливо, медленно’
<i>agitato</i>	бунинды;	‘неспокойно; панически;
	цзинхуанды;	взволнованно’
	цзидунды	
<i>allegretto</i>	шаоманьды суду	‘немного медленнее’
<i>allegro</i>	гаосин;	‘радостно; сравнительно бодро’
	цзяо хободы суду	
<i>grave</i>	яньцзюньды;	‘строго; тяжело’
	чэньчжунды	
<i>largo</i>	дады; гуанкоды	‘большой; широко’
<i>lento</i>	маньманьды	‘медленно’
<i>presto</i>	цзисуды	‘поспешно’
<i>rallentando,</i>		
<i>ritardando</i>	цзянь мань	‘постепенно медленно’
<i>ritenuto</i>	тумань	‘внезапно медленно’
<i>rubato</i>	цзыюды цзецзоу	‘свободный ритм’
<i>tempo primo</i>	цзаосяньды суду	‘ранний темп’
<i>vivace, vivo</i>	хояоды	‘оживленно’

Следует отметить, что кальки — китайские эквиваленты интернациональным терминам — не всегда точно соответствуют по значению, например, итальянским, ср.: *allegretto* ‘оживленно’ (по-китайски дано: ‘немного медленнее), *allegro* ‘весело, живо’ (по-китайски дано: ‘радостно; сравнительно бодро’) и т. п.

Нужно иметь ввиду, что в разных китайских словарях толкования международных (итальянских) музыкальных терминов варьируются. Ср.:

- (1) итал. «*allegro* 1. гаосин; цзяо хободы суду [‘радостно; сравнительно бодро’] *tempo* [6, 5] — «куайбань 2. инь [‘муз.’] аллегро» [9, 552] (см. также в [10]);
- (2) итал. «*presto* цзисуды [‘поспешно’, букв. ‘быстро’ + ‘скорость, темп’] (*tempo*)» [6, 72] — цзибань [букв. ‘быстро’ + ‘бань (муз. инструмент из двух дерев. дощечек)’] престо» [9, 407] и т. п.

Во вьетнамском языке ситуация несколько иная. Если в китайский язык интернациональные музыкальные термины в основном вошли в виде калек, то во вьетнамский язык часть терминов вошла в виде фонетических заимствований, а часть — в виде калек. Отметим, что большинство составляет именно кальки.

Интересно при этом отметить, что в основной корпус словаря, как правило, включают фонетические заимствования, а кальки или толкования дают в приложении.

Обратимся к Русско-вьетнамскому словарю музыкальных терминов [12]. В основную часть словаря вошло много заимствованных из итальянского языка терминов, в том числе обозначающих музыкальные темпы, а именно в основном корпусе словаря этим, заимствованным русским языком интернациональным музыкальным терминам соответствуют те же термины, заимствованные вьетнамским языком, но в фонетической записи, соответствующей нормам вьетнамского языка.

Приведем примеры:

Рус.	Вьет.
<i>адажио</i>	<i>adajiô</i>
<i>аллегро</i>	<i>alêgô</i>
<i>анданте</i>	<i>andantê</i>
<i>ларго</i>	<i>lacgô</i>
<i>престо</i>	<i>pretô</i>

А в приложение вошли итальянские термины (на итальянском языке) с вьетнамским толкованием — *nghĩa*. Отметим, что только терминов, обозначающих музыкальный темп, в приложении приведено более чем в 10 раз больше, чем в основном корпусе.

Приведем некоторые примеры из приложения [12, 68—69]:

Итал.	Вьет.	Перевод
<i>adagio</i>	<i>khoan thai</i>	‘медленно, не спеша, степенно’
<i>allegro</i>	<i>nhanh</i>	‘быстро, скоро’
<i>largo</i>	<i>cực chậm</i>	‘очень медленно’
<i>lento</i>	<i>chậm</i>	‘медленно’
<i>presto</i>	<i>rất nhanh</i>	‘очень быстро, очень скоро’.

ЛИТЕРАТУРА

- Баринаева Е.В., Нгуен Ван Тхак. Русско-вьетнамский словарь музыкальных терминов и понятий. — М.: Ин-т языкознан. РАН. — Рукопись.
Большой китайско-русский словарь: В 4 т. — М., 1983—1984.
Большой русско-китайский словарь. — Пекин, 1961.
Вьетнамско-русский словарь. — М., 1961.
Глебова И.И., Соколов А.А. Вьетнамско-русский словарь. — М., 1990.
Иньюэ бяоцин шуюй Цыдянь. — Пекин, 1958.
Китайско-русский словарь. — М., 1955.
Музыка: Большой энцикл. словарь. — Изд. 2-е (репр.). — М., 1998.
Хань э цыдянь: Китайско-русский словарь. — Пекин, 1977.
Чжунго да байкэцюаньшю [Китайская большая энциклопедия]. — Юньюэ удао [Музыка. Танец]. — Пекин; Шанхай, 1989.
Энциклопедический музыкальный словарь. — М., 1959.
Thuật ngữ âm nhạc Nga — Pháp — Hán Việt — Việt [Музыкальные термины: Русско-французско-ханвьетско-вьетнамские]. — Ханой, 1969.

К.В.Антонян

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМА ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

Данная работа посвящена анализу семантики глагольного дополнительного элемента *shang* в китайском языке.

Shang является представителем класса глагольных морфем, которые могут функционировать и как самостоятельные глаголы (СГ), и как дополнительные элементы (ДЭ) к глаголу. Его употребления в качестве ДЭ разнородны: в некоторых из них отчетливо ощущается исходное лексическое значение этой морфемы (то есть значение направления), в некоторых *shang* передает то или иное грамматическое значение (в частности, значение результативного завершения действия и значение начала действия). Такой широкий спектр употреблений, а также антонимичность двух грамматических значений *shang* делают его интересным предметом рассмотрения.

Основная задача работы заключается в следующем.

1. Составить системы значений ДЭ *shang* и СГ *shang*.

2. Рассмотреть механизмы взаимодействия значения *shang* и значения оформляемого им глагола.

3. Выявить взаимосвязи результативного и начинательного значений *shang*.

В качестве корпуса примеров нами были использованы все примеры сочетаний глаголов с ДЭ *shang*, приведенные в «Словаре сочетаемости глаголов» («Dongci yongfa cidian» — DCYF) (1). Словарь DCYF содержит 2117 словарных статей. Всего нами было обнаружено 1776 предложений с ДЭ *shang*.

1. *Shang* как самостоятельный глагол

У *shang* как самостоятельного глагола в словаре DCYF выделяется 12 значений, в том числе следующие: 1) 'подняться', ср. *shang shan* 'подняться на гору'; 2) 'в', 'идти в', ср. *shang gongyuan* 'идти в парк'; 7) 'разместить одну вещь на поверхности другой'; 'соединить вместе две части одной вещи', ср. *shang boli* 'установить стекло', *shang xiuzi* 'пришить рукав'; 8) 'нанести вещество на какую-л. поверхность', ср. *shang qi* 'нанести лак'; 10) 'натянуть', ср. *shang xian* 'натянуть струны'; 11) 'в установленное время начать (работу)', ср. *shang ban* 'выйти на работу'.

2. *Shang* как дополнительный элемент

Лю Юэхуа выделяет три типа значений ДЭ *shang*: 1) направительные значения, 2) результативные значения, 3) видовые значения (значение начала действия) [Liu Yuehua 1989, 291]. Обобщая материал, приведенный в работах Лю Юэхуа, Дэн Шоусиня [Teng Shou-hsin 1977], а также в словарях (1) и (4), можно привести следующую систему основных значений *shang* как ДЭ.

1. Пространственные значения.

1.1. В ходе выполнения действия, обозначенного оформляемым глаголом (V1), предмет перемещается снизу вверх.

(а) *Xiongying fei-shang le lantian* 'Орел взлетел в небо'.

2. Результативные значения.

2.1.1. Действие V1 достигает результата, причем результат состоит в том, что нечто прикрепляется к чему-то, добавляется к чему-то, устанавливается на чем-то.

(b) *Chuanghu guan-shang le* 'Окно закрыли'.

2.1.2. Действие V1 достигает результата.

(c) *Luyinji, dianshiji women jia ye mai-shang le* 'Магнитофон и телевизор наша семья тоже приобрела'.

2.1.3. Субъекту действия удастся осуществить действие V1.

(d) *Zhe ge haizi zao jiu xiang yang yu, zhe hui ke yang-shang le* 'Этот ребенок давно мечтал разводить рыбок, и вот его мечта осуществилась'.

3. Начинательное значение: действие V1 началось и продолжается.

(e) *Haizimen you rang-rang-shang le* 'Дети опять расшумелись'.

3. Соотносимость значений СГ *shang* и ДЭ *shang*

Можно заметить, что в разных употреблениях ДЭ *shang* его связь с последующей именной группой (ИГ) ощущается в различной степени.

В некоторых употреблениях она очень отчетлива. Это выражается, в частности, в том, что из предложения может быть вычленено сочетание *shang* + ИГ: при этом оно окажется грамматически правильным, и его смысл будет соответствовать данному употреблению. Так, из примера (а) можно вычленить словосочетание *shang lantian* 'подняться в небо'. Это говорит о том, что значение ДЭ *shang* в данном употреблении не отличается от значения СГ *shang*.

Приведем еще несколько примеров, в которых представлены случаи совпадения значения ДЭ *shang* с каким-либо из значений самостоятельного глагола *shang*:

deng-shang shan 'подняться на гору' (ср. *shang shan* 'подняться на гору');

Yifu xiuzi cai-xiao le, feng-bu-shang le 'Рукава выкроили слишком маленькие, не получится пришить' (ср. *shang xiuzi* 'пришить рукав');

Lian-shang you shui, mo-bu-shang you (ср. *shang you* 'нанести крем');

kao-shang daxue 'поступить в университет' (ср. *shang daxue* 'приступить к учебе в университете').

Подобные примеры составляют 137 предложений, т. е. 7,6 % всего корпуса примеров.

Большинство же корпуса примеров составляют предложения, в которых уже невозможно вычленить сочетание *shang* + ИГ либо из-за отсутствия ИГ, либо из-за того, что *shang* как самостоятельный глагол не может присоединять такие дополнения.

Тем не менее в определенной мере вещественное значение *shang* в подобных примерах присутствует. Оно выражается, в частности, в невозможности заменить *shang* на какой-либо другой ДЭ без изменения смысла предложения. Так, в предложении:

(f) *Zhi-shang you you hua-bu-shang* 'Бумага испачкана жиром, на ней невозможно рисовать' —

форма *hua-bu-shang* 'невозможно нарисовать' обозначает невозможность ничего нарисовать на бумаге именно из-за свойства поверхности: бумага «не принимает» рисунка. Поэтому данная форма не полностью синонимична сочетаниям глагола *hua* с другими ДЭ, в частности, форме *hua-bu-liao* (исходное лексическое значение ДЭ *liao* — 'завершить'), которая обозначает невозможность достижения действием «рисовать» результата, объясняемую такими причинами, как отсутствие принадлежностей, нехватка времени, неумение рисовать, и форме *hua-bu-zhao* — (исходное лексическое значение ДЭ *zhao* — 'коснуться'), которая обозначает невозможность нарисовать нечто из-за того, что говорящий, например, не может дотянуться до висящего слишком высоко листа бумаги или до доски.

В составе корпуса примеров удалось выделить «серии», объединяемые общностью ситуации, задаваемой глагольным комплексом *VI * shang*.

Это серии «**прикрепление**» (в которых *shang* оформляет такие глаголы, как *dīng* (1) 'прибивать', *fēng* 'пришивать', *bì* 'закрывать' и др.), «**соприкосновение**» (*ai* (1) 'соприкасаться', *yao* (2) 'сцепляться' и др.), «**установка**» (*an* (2) 'установить', *bai* (1) 'поставить', *fang* (10) 'помещать' и др.), «**размещение на поверхности**» (*zai* (1) 'сажать растения', *zhong* 'сажать' и др.), «**разбрасывание по поверхности**» (*jiao* (2) 'поливать', *sa* 'разбрасывать' и др.), «**добавление**» (*bu* (1) 'заделывать', *tian* (1) 'заполнить' и др.), «**намазывание**» (*sa* (3) 'мазать', *mo* (1) 'мазать', *pu* (2) 'пудрить' и др.), и «**нанесение знаков на поверхность**» (*da* 'печатать', *hua* (1)

‘рисовать’, qian <1> (1) ‘подписать’, xie (1) ‘писать’) и некоторые другие¹.

В вышеприведенных примерах речь идет о вещественном, материально понимаемом соединении, прикреплении, нанесении на поверхность. В них значение ДЭ *shang* отчетливо восходит к значениям (7) и (8) самостоятельного глагола *shang*, а именно к значениям ‘соединить’ и ‘нанести вещество на поверхность’.

Прикрепляемые и соединяемые «предметы» могут и не быть выраженными ни в предложении, ни в контексте. Они могут осознаваться говорящими благодаря знаниям о мире. Так, в предложении:

(g) *Quing ba shu he-shang* ‘Закройте, пожалуйста, книги’ — соединяемыми «предметами» являются половинки раскрытой книги, которые при закрывании книги соединяются.

Представлены и более абстрактные серии. В них ситуация, задаваемая глагольным комплексом *VI * shang*, также может мыслиться как некоторое соединение или наложение друг на друга двух разных сущностей, но это уже не материально понимаемое соединение.

Это серии *«столкновение с некоторыми обстоятельствами»* (hui <1> ‘встретить’, peng (2) ‘встретить’, yu ‘встретить’ и др.), *«соответствие (кому-л. / чему-л.)»* (dui (4) ‘подходить’, ‘соответствовать’, rei (2) ‘подбирать’, ‘сочетать’ и др.), *«включение в группу»* (baokuo ‘включать’, shu (1) ‘посчитать кого-л.’ и др.), *«установление отношений»* (jiao (3) ‘завязать (дружбу)’, lianluo ‘связаться’, lianxi ‘связаться’, rap (2) ‘установить отношения’, qianlian ‘впутать’ и др.), *«приписывание»* (an (3) ‘дать (прозвище)’, yuan ‘обвинять’, zai (2) ‘свалить вину’) и некоторые другие.

Существуют, однако, и такие примеры, в которых в значении ДЭ *shang* уже трудно увидеть что-то вещественное. В них *shang* передает чисто абстрактное значение результативного завершения или возможности осуществления действия *VI* (см. примеры (c) и (d)).

¹ Цифрами в угловых скобках обозначены омонимы, цифрами в круглых скобках — разные значения одного и того же глагола. Нумерация соответствует нумерации словаря DCYF.

4. Количественное соотношение типов употреблений *shang*

Весь корпус примеров удалось разбить на следующие три группы.

1) Группа А, в которой ДЭ *shang* передает некоторый вещественный (пусть даже в некотором метафорическом смысле) результат; 2) группа В, которой ДЭ *shang* передает некоторый абстрактный результат; 3) группа С, в которой ДЭ *shang* передает значение начала действия. Их количественное соотношение таково (см. диаграмму 1):

Группа А: 19,3 % (343 примера);

Группа В: 7,4 % (131 пример);

Группа С: 73,3 % (1302 примера).

В составе группы А может быть выделена подгруппа таких употреблений, в которых значение ДЭ *shang* не является метафоризованным и полностью совпадает с одним из значений СГ *shang*. Эта подгруппа составляет 137 примеров, то есть 7,6 % всего корпуса примеров.

5. Механизмы перехода от лексического значения к грамматическому

Всякая глагольная морфема, имеющая знаменательное значение, задает некоторую ситуацию. Образующие глагольный комплекс морфемы задают две ситуации, в каждом конкретном случае по-разному соотносящиеся друг с другом.

Так, в примере (а) глагольный комплекс задает две ситуации: ситуацию *fei* 'лететь' и ситуацию *shang lantian* 'подняться в небо'. Вторая ситуация возникает как результат первой. Однако связь между ними достаточно произвольна: они взаимосвязаны только в данном конкретном событии. Вообще же говоря, у действия *fei* 'лететь' может быть много различных результатов, ср. *fei-xialai* 'слететь вниз', *fei-jin wu* 'влететь в комнату' т. п.

В глагольном комплексе (h) *mo-shang you* 'намазать жиром' значение ДЭ *shang* соответствует значению (8) СГ *shang* 'нанести на поверхность'. В этом примере ситуация, задаваемая *shang*, полностью входит в ситуацию, задаваемую *mo*. *Shang you* 'нанести жир на поверхность' является естественным результатом действия

mo you ‘мазать жиром’. Таким образом, лексическое значение *shang* в данном примере дублируется значением *mo* ‘мазать’. В предложении:

(i) *Shangbianr you you, yanse shang-bu-shang* ‘Поверхность покрыта жиром, краску не нанесешь’ — совпадение ситуаций, задаваемых первым и вторым компонентами, видно особенно ярко, так как первый и второй компонент просто совпадают.

В примерах (h) и (i) ДЭ *shang* не содержит никаких сем, которые не передавались бы другими элементами предложения (например, оформляемым глаголом). В этих примерах роль *shang* — выделительная. За счет двойного выражения (в первом и во втором компонентах глагольного комплекса) значение ‘нанесение на поверхность’ оказывается выделенным.

Взаимодействие ситуаций, задаваемых первым и вторым компонентами глагольного комплекса, может происходить и более сложным образом. По-видимому, можно говорить не просто о взаимодействии значений первого и второго компонентов глагольного комплекса, но о взаимодействии целых систем знаний (фреймов), стоящих за данными компонентами.

Например, глагол *zhu* ‘варить’ сам по себе не обозначает размещения чего-либо на чем-либо. Но выполнение действия, им обозначаемого, предполагает предварительное размещение сосуда с пищей на огне. Это и создает возможность сочетания *zhu* с ДЭ *shang* в значении ‘разместить’:

(k) *Miantiao wo zhu-shang le* ‘Лапшу я уже поставил варить’.

Ситуация, задаваемая в этом предложении *shang* (‘размещение’ является не результатом ситуации, задаваемой первым компонентом, а скорее наоборот: она является необходимым условием осуществления действия *zhu*. Выделенной здесь оказывается начальная часть ситуации *zhu* ‘варить’.

Получается, что в примерах (h)–(k) ДЭ *shang* не столько передает некоторое лексическое значение, сколько выполняет функцию усиления и выделения некоторой фазы ситуации.

В ходе метафоризации значения *shang* этот элемент получает возможность присоединения ко все более широкому кругу глаголов. Он может присоединяться уже и к глаголам, значение которых

и представляемая этим значением типовая ситуация никак не связаны с исходным лексическим значением *shang*. Следы исходного лексического значения *shang* проявляются только в некоторых ограничениях на сочетаемость: *shang* не может сочетаться с глаголами, обозначающими движение вниз, уменьшение, сжатие.

Выделение и усиление, возникавшие сначала за счет пересечения номинативных значений первого и второго компонентов, превращаются в функцию второго компонента. *Shang* получает возможность присоединения к глаголам самой различной семантики (с учетом вышеупомянутых ограничений), обозначая достижение действием естественного для данного действия результата (ср. пример (с)).

Важно отметить, что дополнительные элементы *shang* и *xia*, являющиеся антонимами в своих исходных пространственных значениях (соответственно 'подняться' и 'спуститься'), в ряде случаев оказываются синонимичными как морфемы, обозначающие результативное завершение действия. Ср. следующие примеры: *mai-shang* и *mai-xia* 'купить', *bao-shang* и *bao-xia* 'снять (напр., дом)', *li-shang* и *li-xia* 'заключать (напр., договор)'.

ЛИТЕРАТУРА

- Dongci yongfa cidian (Словарь сочетаемости глаголов). — Shanghai, 1987.
Liu Yuehua. Quxiang buyu de yufa yiyi (Грамматические значения дополнительных элементов направления) // Lui Yuehua zhu. Hanyu yufa lunji (Избранные статьи по грамматике китайского языка). — Beijing, 1989.
Teng Shou-hsin. A grammar of verb particles in Chinese // Journal of Chinese Linguistic. 1977. Vol. 5, 1.
Xiandai hanyu ba bai ci (Словарь «Восемьсот слов современного китайского языка»). — Beijing, 1984.

SUMMARY

This paper deals with problems of the semantic analysis of complements of direction in Mandarin Chinese. Complements of direction (henceforth called CDs) form a closed class. Many of them have developed, apart from original directional meanings, also the grammatical meanings.

The interrelationship of different meanings of these morphemes is an interesting linguistic problem, which has been, by now, approached by very few linguists. The main papers to be mentioned are Teng Shou-hsin (1977) and Liu Yuehua (1988, 1989).

The CD analyzed in this paper is *shang* 'to go up, to ascend'.

The corpus for this study was done on the basis of the «Dictionary of verbal uses» («Dongci yongfa cidian». Shanghai, 1987).

There are uses where *shang* retains, at least to some extent, its original lexical meaning and, therefore, denotes some «material» result. In such uses *shang* combines with verbs denoting following types of actions: *attachment, coming into contact, placing, scattering about, adding, plotting, spreading* and some others.

There are uses where *shang* combines with verbs denoting more abstract situations such as *correspondence, inclusion, attribution, coming across certain circumstances, establishing relations* and some others. Uses of this type demonstrate metaphorical extension of the original lexical meanings of *shang*.

There are also uses where *shang* seems to have been totally bleached. It has become a purely functional morpheme conveying the idea of the resultative completion of an action.

It's a notable fact that *shang* and *xia*, being antonymous in their original lexical meanings (resp. 'up' and 'down') and in one of their derived meanings (resp. 'come into contact' and 'separate'), can be synonymous as abstract morphemes denoting the resultative completion of an action (cf. *mai-shang* and *mai-xia* 'to buy', *bao-shang* and *bao-xia* 'to rent', *li-shang* and *li-xia* 'to conclude (a treaty)' etc.).

Н.Н.Воропаев

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ДИСКУРСА ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДА НА СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Расширяющиеся международные контакты делают особо актуальными вопросы межкультурной коммуникации. В процесс международного сотрудничества вовлекается все большее число специалистов, работающих в разных профессиональных областях. Успешная межкультурная профессиональная коммуникация предполагает, наряду с владением иностранным языком, умение воспринимать и адекватно интерпретировать формы коммуникативного поведения во всем многообразии их варьирования от культуры к культуре. Наметившийся в последнее десятилетие переход на антропологическую парадигму исследований в лингвистике привел к возникновению новой области гуманитарных исследований, находящейся на стыке языкознания и культурологии, — лингвокультурологии. Лингвокультурология ориентирована на корреспонденции языка и культуры в синхронном аспекте. Ее материал —

живые коммуникативные процессы и различные дискурсы как источники культурной информации в языковых единицах и выражениях. В нашей работе мы делаем попытку эксплицировать некоторые социокультурные реалии современного китайского общества на материале фразеологизмов дискурса официального доклада чиновников городской администрации одного из городов КНР. Мы проанализировали тексты 36 докладов, которые зачитывались на съезде городского Народного политического консультативного совета одного из городов КНР в 1997 году. С докладами выступали представители разных партий и ведомств. Тематика докладов затрагивает все сферы общественной жизни: идеологическое воспитание, финансы, образование, здравоохранение, социальную работу, правопорядок и многое другое. В среднем каждый доклад состоит из 3000 иероглифов. Практически в каждом докладе мы обнаружили словосочетания, которые были взяты в кавычки, что сразу же обращало на них внимание. При дальнейшем продуцировании докладов было замечено, что многие из этих словосочетаний повторяются из доклада в доклад. Но самым интересным оказалось то, что даже после многократного прочтения контекста словосочетания в кавычках оставались непонятыми нами, их невозможно было адекватно перевести на русский язык. И только при сотрудничестве с информантами — носителями языка эти словосочетания были расшифрованы. Как выяснилось, они устойчивы в своем составе и структуре, целостны по значению, воспроизводятся в виде готовой речевой единицы и таким образом соответствуют термину «фразеологизм». Более точно их можно назвать связанными фразеологическими словосочетаниями, то есть словосочетаниями, образующими фразеологическое целое, значение которого не равняется сумме значений входящих в него слов. Далее эти фразеологизмы-словосочетания мы будем для краткости именовать фраземами. Как уже было сказано выше, эти фраземы не поддаются моментальному адекватному переводу, хотя и записаны самыми употребительными иероглифами. Для ясности перейдем к примерам:

1. “三厅一室” ‘три зала одна комната’

экспликация: 歌厅 ‘караоке-зал’, 舞厅 ‘танцевальный зал,

дискотека', **游戏厅** 'игровой зал с электронными автоматами', **游戏厅** 'бильярдная'

микроконтекст 1: **全市中小學生向“三厅一室”**

告别签名仪式, ... (Учащиеся средних и начальных школ всего города приняли участие в церемонии подписания отказа от посещения караоке, танцевальных, игровых залов и бильярдных.)

микроконтекст 2: **这种局面远远满足不了青少年活动和社会发展需要, 致使“三厅一室”成为部分青少年的活动场所, 引发和造成了青少年犯罪等不安定社会因素, 不利于青少年身心的健康成长。** (Такое положение вещей ни в коей мере не может удовлетворить потребности молодежи в культурном досуге, а общества в развитии, и даже приводит к тому, что разные увеселительные заведения становятся для части молодежи местом активной деятельности, что создает факторы для совершения молодежью преступлений и других нарушений общественного порядка, неблагоприятно сказывается на физическом и духовном росте молодых людей.)

2. **“三乱”** 'три беспорядка'

экспликация: **乱收费** 'беспорядочные поборы', **乱摊派** 'беспорядочные расходы, беспорядочное распределение средств', **乱罚款** 'беспорядочные штрафы (о превышении полномочий разными государственными органами или их сотрудниками)'

микроконтекст: **四是认真搞好财政专项资金检查和税收, 财务、物理“三乱”工作, 严肃财经纪律, 防止收入流失。** (Четвертое — это добросовестно осуществлять проверку особых финансовых средств, налогов, финансов, цен; проводить работу по устранению «трех беспорядков», серьезно относиться к финансово-экономической дисциплине, предотвращать утечку доходов.)

3. а) **“三观”** 'три взгляда'

экспликация: **世界观** 'мировоззрение', **人生观** 'взгляды на жизнь', **价值观** 'система ценностей'

б) **“三德”** 'три благородных качества'

экспликация: **社会公德** 'общественная гражданская мораль', **职业道德** 'профессиональная этика', **家庭美德** 'семейное благочестие'

в) **“三个主义”** 'три -изма'

экспликация: 社会主义 ‘социализм’, 集体主义 ‘коллективизм’, 爱国主义 ‘патриотизм’

микроконтекст: 为此, 我们必须有镇对性地进行“三观”、“三德”、“三个主义”教育。(Для этого нам необходимо целенаправленно осуществлять воспитание «трех взглядов», «трех благородных качеств», «трех -измов».)

4. “双拥” букв. ‘пара поддерживать’

экспликация: 拥军 ‘поддерживать армию’, 拥属 ‘заботиться о семьях военнослужащих’

микроконтекст: “双拥”工作健康发展、实现了全国“双拥”模范城 两连冠。(В плане здорового развития работы по поддержке армии и заботе о семьях военнослужащих наш город два раза подряд становился образцовым в рамках всей страны.)

5. “两高一优” букв. ‘два высоко один отлично’

экспликация: 高科技 плюс 高投入 равно 优质产品 (высокие научные технологии + высокие вложения = продукция отличного качества)

микроконтекст: 要把科技兴农作为农业增长的第一要素来抓, 加快发展“两高一优”农业。(В деле укрепления сельского хозяйства науку и технику необходимо сделать первыми важными факторами, ускорить развитие такого сельского хозяйства, в котором высокие научные технологии в сочетании с крупными вложениями будут давать продукцию высшего качества.)

6. “三机关一部门” букв. ‘три органа одно министерство’

экспликация: 公安机关 ‘органы общественной безопасности’, 检察机关 ‘органы прокурорского надзора’, 司法机关 ‘судебные органы’, 政府部门 ‘правительственные министерства’

микроконтекст: 查办“三机关一部门”特别是司法人员犯罪案件取得了新进展。(Работа по расследованию и привлечению к ответственности за преступления работников «трех (видов) органов и одного (вида) министерств» и особенно сотрудников органов юстиции получила новое развитие.)

7. “三陪” букв. ‘три составить компанию (сопровождать)’

экспликация: 陪吃 ‘вместе кушать’, 陪玩 ‘вместе развлекаться’, 陪睡 ‘вместе спать (об отношениях между проститутками и их клиентами)’

микроконтекст: 阿琳是四川合江人, 原在东莞长安镇的一家卡拉 OK 做“三陪”小姐。(Алинь родом из местечка Хэцзянь, что в провинции Сычуань. Раньше она была проституткой при одном караоке-баре в поселке Чаньянь около города Дунваня.)

Как видно из фактического материала, представленного выше, специфика этих фразем в том, что в их составе непременно присутствует числительное, которое указывает лишь на количество имплицированных денотатов. Другие же компоненты этих фразем, хотя и являются лексемами с более содержательной семантикой, всего лишь составная часть наименования имплицированного денотата или классифицирующие или как-то квалифицирующие денотат родовые морфемы, из-за обобщающего характера которых невозможно эксплицировать заключенную в этой фраземе информацию. Такие фраземы традиционны для китайского языка, многие из них живут в языке уже века, например: 文房四宝 (четыре драгоценности рабочего кабинета: кисть, тушь, бумага, тушечница), 四大奇书 (четыре шедевра: «Речные заводы», «Троецарствие», «Путешествие на Запад», «Сон в Красном тереме»). Трудности в понимании фразем из докладов в первую очередь, конечно же, связаны с такой их специфической структурой. Всего в анализируемых докладах мы обнаружили 73 фраземы с числительными. В силу специфики их состава мы предлагаем именовать их фраземами-калькуляциями, так как по большому счету эти фраземы являются своего рода счетными оборотами, в которых числительное выражает итог подсчета, результат произведенной калькуляции. Однако, кроме описанных выше фразем-калькуляций, при анализе докладов мы встретили 35 фразем другого типа. Состав этих фразем также очень прозрачен, все они состоят из элементов современного языка, часто из двусложных слов, но из-за их высокой идиоматичности, из-за того, что значение такой фраземы как целого не равно сумме значений ее частей, фраземы такого типа также невозможно адекватно интерпретировать, даже в рамках контекста всего доклада, например:

1. “希望工程” букв. ‘надеяться (надежда) работа’

экспликация: 给上不起学的孩子、青年捐款, 捐物帮助他们学习。(Деятельность по сбору средств, пожертвование денег,

вещей для того, чтобы дети или молодые люди, не имеющие средств, смогли пойти учиться или продолжить учебу.)

микроконтекст: 画家赵海楠多次参加希望工程义卖笔会。(Художник Чжао Хайнань много раз участвовал в благотворительных акциях, где он рисовал и тут же на месте продавал свои картины, а деньги шли детям, не имеющим средств на учебу.)

2. “走、挂、派” ‘идти, вешать, отправлять’

экспликация: 走下乡 ‘поехать в деревню’, 挂上钩 (取得联系) ‘забросить крючок (навести мосты)’, 派出干部 ‘направить кадровых работников’

микроконтекст: 要发挥城市的人才优势, 采取“走、挂、派”的方式, 培养民族地区各方面的专业技术人才和管理人才。(Надо уметь использовать кадровый потенциал города и, действуя по схеме «высшее руководство посещает периферию — осведомляется о проблемах, пожеланиях — и направляет в командировки кадровых работников», помогать воспитывать в национальных районах свои технические и управленческие кадры по всем специальностям.) Кстати, конструкция, по которой построена фразема в примере № 2, тоже традиционна для китайского языка и имеет древние аналоги, например, 望闻问切 (четыре основных метода освидетельствования больного в китайской медицине: осмотр, прослушивание, опрос и прощупывание пульса), и одним из веских оснований называть такие словосочетания фразеологизмами является то, что однородные и, казалось бы, равноправные компоненты здесь нельзя менять местами: их последовательность фиксирована по принципу благозвучия. Как видно, фраземы такого типа (пример № 1, 2) высоко информативны, и реалии, которые они имплицитно, всегда социально и культурно маркированы, крайне актуальны для настоящего момента жизни общества. Исходя из такой специфики этих фразем, мы, чтобы выделить их как особое языковое явление, предлагаем именовать их синхросоциальными фраземами.

В качестве заключения можно сказать, что важность анализа фразем-калькуляций и синхросоциальных фразем очевидна: ведь даже при рассмотрении микроконтекста видно, что подобные фраземы часто являются смысловым ядром сравнительно больших

отрывков текста. Основная их функция — номинативная, и такой тип фразеологической номинации требует отдельного анализа. Зашифрованная в них информация всегда объемна и социокультурно маркирована. Во многих из этих фразем как бы спрессованы основные идеи и тенденции в жизни социума, и порой достаточно развернуть такую фразему даже в рамках микроконтекста, как можно будет получить достаточно определенное представление о каком-то социальном явлении, каком-то направлении в развитии китайского общества, одним словом, расширить свою культурно-языковую компетенцию. Лаконичность этих фразем придает речи известную долю экспрессии, они выступают в роли эффективного средства внедрения всякого рода идей в умы людей: читающий и слушающий запоминает их намного быстрее, чем развернутые наименования понятий, которые они имплицитно подразумевают. По структуре фраземы-кальки и синхросоциальные фраземы очень разнообразны, и здесь требуется более тщательное описание и классификация. Понятно, что многие из этих фразем носят временный характер, они обозначают понятия, актуальные только для данного этапа общественной жизни страны, но если учесть, что такие фраземы, а особенно фраземы-кальки, широко распространены в дискурсах средств массовой информации и разговорной речи, то важность их изучения и выработки навыков их экспликации становится очевидной.

ЛИТЕРАТУРА

- Язык и культура. Сборник обзоров. — М., 1999.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М., 1985.
- Большой китайско-русский словарь: в 4-х томах. Т. 1—4 / Под ред. Ошанина И. М. — М.: Наука, 1983.
- Торопов А. А. Чэньюнь и их свойства. Спорные вопросы строя китайского языка. — М., 1965.
- Тань Аошун. Проблемы скрытой грамматики. Автореф. дис... докт. филол. наук. — М., 1995.
- Губарев В. П. О номинативных потенциях фразеологических единиц (на материале немецкого языка). Проблемы фразеологической номинации. — Иркутск, 1988.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор Ярцева В. Н. — М., 1990.

中国人民政治协商会议黑龙江省齐齐哈尔市第七届委员会第六次会议的 36 篇文件, 1997年。

白石专人赵海楠简介, 长沙, 1999年6月22日。

“汉俄词典”上海外国语学院。1992年。

文摘旬刊, 1999年, 第2册, 99年3至4月合订本, 长春市1999年5月出版。

文摘旬刊, 1999年, 第3册, 99年5至6月合订本, 长春市1999年7月出版。

文摘旬刊, 1999年, 第1册, 99年1至2月合订本, 长春市1999年3月出版

Другие разнообразные периодические издания КНР за 1997—1999 годы.

SUMMARY

In the paper the author makes an attempt to explicate some sociocultural phenomena of the modern chinese society based on the idioms which were used in the official reports of the municipal officials of one of the cities of People's Republic of China. The reports were presented during the City Congress of the People's Political Consultative Council of one of the cities of the People's Republic of China in 1997. The representatives of different parties and government offices presented their reports on the problems from different spheres of the social and cultural life: ideological education, finances, health service, social security, common law etc. The author analyzed the texts of 36 reports, every report consists of about 3000 characters and in every report many set expressions were found which were beyond any equivalent interpretation. Only thanks to the cooperation with the native chinese informants these set expressions were interpreted. It became clear that they agree with the definition of an idiom. Using examples the author demonstrates that these idioms implicate a lot of information, and this information always has social and cultural marking. Such idioms very often are the semantic gist of rather large fragments of the text. In such idioms the main ideas and trends in life of the society are given in a compressed form, and sometimes it takes only explicating such an idiom even in limits of the microcontext and one immediately gets a definite idea about some social phenomena, about this or that tendency in the development of the chinese society. All the idioms which were found in the reports are divided by the author into two types. The first one is the so called idioms-calculations, they always have a numeral in their composition, the numeral only indicates a quantity of the implicated denotata, and the other components of these idioms, although more semantically significant, are only either component part of a nomination of the implicated denotatum or the general morphemes which classify or in any way qualify the denotatum, and it is impossible to explicate such the idioms judging by these morphemes. The author points out that such idioms are traditional for Chinese and demonstrates it with the examples. There are 73 idioms of this type in the reports. The second type is synchrosocial idioms. The author calls them in a such way because the information which is implicated in the idioms is extremely topical for the present moment of the social life. There are 35 idioms of this type in the reports. The author points out that the main function of all these idioms is nomination and such a type of the phraseological nomination needs a special research. The author emphasizes that such idioms and, especially idioms-calculations, are used very often in the discourse of massmedia and colloquial speech, so it is very important to analyse them and to develop the skills for their explication.

О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕСМОТРА ВЗГЛЯДОВ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ЭВОЛЮЦИЮ КИТАЙСКОГО ПИСЬМА

1. Исторически сложившаяся парадигма взглядов на пути эволюции китайского иероглифического письма состоит в общих чертах в следующем:

Китайское иероглифическое письмо изначально состояло из знаков трех видов — пиктограмм, идеограмм и фоноидеограмм. Пиктограммы в самой своей форме несли прямое, а идеограммы — косвенное указание на свое значение, но по ним нельзя было определить, как знак озвучивается. Фоноидеограммы имели сложную структуру, в которой одна часть (ключ, детерминатив) служила намеком на значение, а другая (фонетик) — намеком на произношение иероглифа. В роли ключей и фонетиков выступали пиктограммы и идеограммы. Первые два вида знаков превалировали по численности вплоть до начала периода Чуньцю, когда прирост числа знаков стал осуществляться за счет образования новых фоноидеограмм, число же пиктограмм и идеограмм оставалось с тех пор практически неизменным и равнялось приблизительно пяти сотням. Ко времени создания первого словаря «Шо взнь цзе цзы» (100 г. н. э.) фоноидеограммы составляли уже подавляющую часть корпуса иероглифов, а в дальнейшем их доля в словаре иероглифов увеличилась еще во много раз. Попарное сочетание нескольких сотен пиктограмм и идеограмм представляло собой практически неограниченный ресурс создания новых иероглифов, и китайская письменность никогда не испытывала дефицита письменных знаков. Поэтому в Китае не возникло необходимости в переходе к фонетическому (слоговому или буквенному) письму. Кроме того, фоноидеографическое письмо является, как и другие два вида китайских иероглифов, общепонятным для всех владеющих китайским языком, вне зависимости от того, на каком его диалекте они говорят. Счастливая способность фоноидеограмм передавать звучание и быть в то же время «наддиалектными» зависит не столько от самой их структуры, сколько от особого характера китайских диалектов, между строением которых существует стабильное

сходство. Фоноидеографическое письмо позволило усилить это сходство и способствовало тем самым объединению страны, тогда как чисто фонетическое письмо могло бы только разобщить носителей разных диалектов. Поэтому китайский народ, стихийно стремившийся к объединению страны, поддерживал сложившийся курс развития письма. Недостатком китайского варианта развития письма является многочисленность знаков (предельно равная числу слов языка), которыми нужно овладевать обучающемуся писать и читать.

2. В основу указанной парадигмы положен, с одной стороны, анализ подлинных надписей на иньских гадательных костях и бронзовых сосудах от эпохи Инь до периода Чжаньго включительно, а с другой стороны, анализ памятников письменности периода Чжаньго — периода Западной и Восточной Хань, включающих все древнекитайские классические каноны и произведения философов. При этом не берется в расчет то обстоятельство, что памятники доциньского периода известны только в перезаписи их ханьскими иероглифами, так как их оригиналы либо были уничтожены во время циньской реформы письма 213 г. до н. э., либо погибли в междоусобице Цинь-Хань, а единичные сохранившиеся к периоду Западной Хань экземпляры оригиналов доциньских письменных памятников были утрачены на рубеже периода Восточной Хань. Но это означает, что господствующие представления об исторической эволюции китайского письма являются всего лишь гипотезой, в которой соображения, справедливые для ханьского письма, произвольно экстраполируются на неизвестное науке письмо периода Чжаньго.

3. Сомнения в научной достоверности господствующих взглядов на историческую эволюцию китайского письма в последние годы неоднократно высказывались мною на различных синологических конференциях, в том числе в устном докладе на конференции по китайскому языкознанию в 1998 г. Эти сомнения зародились у меня в результате анализа философских текстов доциньского периода, и прежде всего — текстов «Лунь юй» и «Даодэ цзин». Бросалось в глаза отсутствие связного содержания, если пытаться понять эти тексты с учетом словарных значений

входящих в них фоноидеографических знаков. В ряде случаев тексты становились более связными при изменении ключей иероглифов. Создавалось впечатление, что ключи являются для этих текстов неким чужеродным элементом, не совсем корректными позднейшими вставками. Раздумья над этим явлением вкупе с анализом исторических свидетельств о факте «дешифровки» найденных в период Западной Хань оригинальных доциньских памятников, завершившейся перепиской их ханьским письмом, с анализом странного умолчания о методе «дешифровки», а также в связи с новым пересмотром описаний обстоятельств циньской реформы письма в «Цинь Шихуан бэнь цзи» и «Ли Сы чжуань» из «Исторических записок» Сыма Цяня привели меня к следующим выводам: 1) оригиналы памятников были выполнены иным, не идентичным ханьскому письмом; 2) это письмо было знакомо тем, кто осуществлял «дешифровку», трудность для них составляло не письмо, а письменность, они не могли понять, что знакомым письмом написано; 3) способ «дешифровки» был достаточно очевиден и потому не потребовал особых описаний, сама она состояла в подстановке ханьских знаков на место оригинальных знаков; однако при таком «переводе» не удалось создать связного содержания, адекватного первоначальному содержанию памятника. Оставалось решить, что должно было представлять собой письмо, использованное в оригиналах памятников (оно называлось «кэ доу взнь», или «гу взнь»), чем оно было сходно с ханьским письмом и чем так отличалось от него, что потребовало «дешифровки», казавшейся легкой, но не давшей хорошего результата. На эти вопросы существовал один общий правдоподобный ответ: так могло быть, если оригинальные тексты были написаны с использованием так называемых «заимствованных знаков» (*цзя цзе цзы*), к которым при расшифровке были добавлены ключи, превратившие их в ханьские фоноидеограммы.

«Заимствованные знаки» как особая категория китайского письма были впервые выделены Сюй Шэнем, создателем «Шо взнь цзе цзы», в «Предисловии» к этому словарю. Он дал им такое определение: «Заимствование — это когда (у слова) изначально не было такого знака, а ныне он стал применяться в опоре на звучание

и в отрыве от значения». Здесь речь идет об использовании иероглифических знаков, первоначально обозначавших некое определенное слово языка, для обозначения совсем других слов языка, идентичных с исходным словом по звучанию. В качестве «заимствованных знаков» выступали все те же пиктограммы и идеограммы, но заложенный в их форме намек на значение слова при таком вторичном использовании уже не принимался во внимание. Собственно говоря, «заимствованные знаки» были знаками фонетической транскрипции. Ко времени создания «Шо вэнь» заимствованные знаки употреблялись настолько широко, что было весьма затруднительно определить, имеет ли иероглиф в тексте свое исходное значение или использован во вторичной (транскрипционной) функции. Сюй Шэнь привел в словаре исходные значения знаков, чтобы помочь ученым в понимании текстов. Если исходное значение не вписывалось в контекст, читающий должен был предполагать, что перед ним «заимствованный знак», и доискиваться его других значений в опоре на звучание.

4. Факт широкого распространения «заимствованных знаков» в период Хань, когда бурно умножалось число фоноидеографических знаков, противоречит представлению о том, что конструирование последних издавна служило основным источником знакотворчества в китайском письме. Скорее это может означать, что фоноидеограммы были новым способом образования знаков, который постепенно и с большим трудом замещал и вытеснял старый способ, состоявший в использовании «заимствованных знаков». Если оригинальные тексты доциньского периода действительно, как я думаю, записывались с широким применением «заимствованных знаков», а не фоноидеограмм, значит, фоноидеограмм в те времена просто еще не было. Но как же тогда фоноидеографическое письмо появилось в ханьской письменности и начало определять лицо китайского письма?

5. Ответ на этот вопрос дает выдвигаемая мною новая гипотеза исторической эволюции китайского письма.

Китайскому иероглифическому письму, состоявшему первоначально из пиктограмм и идеограмм, как всякому иероглифическому письму, поскольку оно выделяется из орнамента и становится соб-

ственно письмом, были присущи фонетические функции. Иероглифами обозначались отнюдь не вещи и понятия, а слова языка, называвшие эти вещи и понятия. Иероглифы были изначально связаны со звучанием этих слов, хотя оно предписывалось им исключительно привычкой употребления в речи, а не формой знака, точно так же, как звучание букв в алфавитном письме не заложено в их форме, а детерминируется их употреблением для фиксации звуков языка. И смысловая связь в иероглифической письменности определялась не порядком связи вещей, а грамматикой языка. Поэтому уже в иньских надписях на костях отмечено употребление пиктограмм, которые не являлись изображением формы обозначаемых объектов, поскольку эти объекты — служебные слова — формы не имели. Но служебные слова имели в качестве омонимов предметно-значимые слова, которые, в свою очередь, имели собственные изобразительные знаки. Эти последние и стали первыми «заимствованными знаками», то есть получили вторичное использование.

Как известно, иньское письмо было заимствовано племенем Чжоу. Чжоусцы говорили на ином, чем иньцы, языке. И заимствовали они от иньцев не обозначавшиеся иероглифами слова, а сами знаки, вернее, их изобразительные принципы. Но по-прежнему у каждого знака чжоуского иероглифического письма были слова-денотаты, по-прежнему каждому знаку привычкой употребления предписывалось звучание, хотя на этот раз характерное для чжоуского языка, по нормам которого строились чжоуские тексты. И принцип использования знаков одних слов для обозначения других, неизобразимых, но одинаково звучащих слов также был естественно перенесен в чжоускую письменность. Он соответствовал лингвистическому закону экономии средств выражения, поэтому со временем сфера его применения расширилась. «Заимствованные знаки» стали применяться и для обозначения слов, которые в принципе можно было изобразить графически, но экономнее было не создавать нового знака, а использовать в новом значении уже существующий. Это ограничивало число употребляемых локальных письменных знаков пределом, за которым возникали большие трудности в их запоминании и использовании. Число локальных письменных знаков

не могло быть большим, поскольку и сам словарный запас архаических племенных языков, употреблявших иероглифическое письмо, вряд ли насчитывал несколько сотен слов. Нас не должно обманывать изобилие знаков на иньских костях (только дешифрованных около двух тысяч) и чжоуской бронзе (также около двух тысяч). Количество письменных знаков, известных ныне по материалам археологии, никогда не могло быть в общем пользовании как в эпохи Инь и Чжоу, так и в период Чуньцю — Чжаньго, когда процессы заимствования письма одним государством от другого усилились благодаря усилению общения и, видимо, образовался наконец определенный корпус общеупотребительного письма. Последнее не означало создания на территориях разных государств единой общепонятной письменности, то есть общепонятных текстов на данном письме, так же как использование единого алфавитного письма разными народами не создает единства их письменности. Каждое государство использовало общее иероглифическое письмо в соответствии с нормами своих местных языков, придавая общим знакам и разное звучание и разные значения. Вследствие этого в каждом отдельном государстве одни и те же пиктограммы и идеограммы могли служить «заимствованными знаками» для совершенно разных слов. Благодаря использованию «заимствованных знаков» в древнем Китае никогда не было проблемы дефицита письменных знаков, в том числе и в период Чжаньго, когда рождение философии обогатило словари местных языков новыми абстрактными терминами. Просто вновь употребляющиеся иероглифы получали дополнительные новые значения. Многозначность иероглифов постепенно так выросла, что определить, какое значение является для данного знака исконным, было весьма затруднительно. В определении же значения иероглифа в каждом конкретном случае решающую роль играл контекст его употребления, а также каноны построения текстов, дополнительно ограничивавшие значение знаков их расположением внутри текста. Разумеется, существовали значительные трудности в понимании написанного, и почва для недоразумений всегда наличествовала, даже внутри одного отдельно взятого языка.

Проблема общепонятной на всех территориях письменности впервые встала только после насильственного объединения Китая

под властью империи Цинь. Для унификации страны был нужен единый имперский язык, которым мог быть только язык царства Цинь. Но введение его в общее употребление требовало долгого времени — многих поколений. А вот введение нового единого письма, которое сразу же отрезало бы все возможности интолкования на основе местных письменных норм текстов, спускаемых из столицы на места, казалось возможным осуществить очень быстро. Такую задачу поставил себе первый министр империи Ли Сы. Он рассчитывал осуществить это, создав для каждого слова циньского языка особые знаки. В течение 10 лет под руководством Ли Сы готовились прописи нового письма, так называемые «Прописи Цян Се» («Цян Се пянь»). Особенностью их было то, что уже значительно фонетизировавшемуся (на основе местных языков) китайскому письму частично возвращалась изобразительность путем присоединения к иероглифам, обозначающим звучание слов циньского языка, иероглифов-детерминативов, специализировавших их значения. В 213 г. до н. э. в Китае была объявлена реформа письма. К этому времени были подготовлены чиновники, у которых население на местах обязывалось учиться новому письму. Предвидя сопротивление реформе, Ли Сы подал императору доклад с предложением в течение 30 дней собрать и сжечь всю нецинскую письменность на местах и жестоко покарать тех, кто попытается ее тайно хранить. Император одобрил доклад, и за короткое время нецинская письменность повсеместно была уничтожена. За этим последовали казни грамотеев-конфуцианцев, знатоков старой письменности. С тех пор учиться грамоте действительно можно было только у циньских чиновников.

Падение династии Цинь не означало возврата к старому письму. В усобицах междущарствия Цинь-Хань погибли последние памятники доциньской письменности, хранившиеся в императорской библиотеке. Запрет на частное хранение книг просуществовал 22 года, то есть в течение жизни целого поколения общество было начисто отрезано от возможности возобновить изучение старого письма. Когда же еще через 2—3 поколения были найдены случайно сохранившиеся доциньские тексты, выполненные письмом царства Лу, их уже никто не мог понять. Новые грамотеи владели только

новым циньским письмом, которое называлось теперь новым ханьским письмом, так же, как циньский язык назывался уже ханьским языком. Внешне новое ханьское (бывшее новое циньское) письмо отличалось от прежних «заимствованных знаков» только наличием «ключей» в их составе. Употребление ключей не было нормировано (нормативы возникли только с появлением «Шо вэнь»), поэтому одно и то же слово могло обозначаться иероглифами с разными ключами, но с одним и тем же фонетиком, фиксировавшим его звучание в ханьском языке. «Заимствованные знаки» также не могли совершенно выйти из употребления, хотя их использование сократилось в связи с появлением нового источника знакообразования в виде конструирования новых фоноидеограмм.

Знаки ханьского письма продолжали произноситься в разных местностях в соответствии с привычным для данной местности произношением их фонетиков, но они уже обозначали не слова местных языков, а слова ханьского языка, знание которого постепенно распространялось. Ханьский язык, в свою очередь, инкорпировал диалектизмы, подбирая для них соответствующие ханьские фонетики и снабжая подходящими ключами. Ханьская письменность постепенно становилась «наддиалектной», но не из-за каких-то особых «наддиалектных» свойств фоноидеографических знаков, а в силу постепенного распространения в общем употреблении ханьского языка.

6. Кратко изложенная выше гипотеза исторической эволюции китайского иероглифического письма основана на предположении, что оригинальные философские тексты периода Чжаньго, а также другие тексты того времени были записаны без употребления фоноидеограмм, с широким употреблением «заимствованных знаков». Как уже упоминалось, к такому выводу я пришла чисто умозрительным путем. Это обстоятельство обусловило не только скептическое отношение к выдвинутой гипотезе со стороны специалистов по китайской грамматологии, но и просто ее игнорирование. Однако мой умозрительный вывод неожиданно получил материальную базу в виде публикации результатов обработки материалов археологических раскопок 1993 года в уезде Цзинмэнь провинции Хубэй. В захоронении № 1 в местечке Годянь была сделана сенсационная находка подлинных текстов

второй половины периода Чжаньго на бамбуковых планках, в том числе трех текстов «Лао-цзы». Первая публикация материалов с факсимильным изображением планок осуществлена издательством «Вэнь у» в мае 1998 г. (за месяц до моего выступления на конференции по китайскому языкознанию)¹. В конце 1999 г. мне удалось познакомиться с этим изданием, которое изучается сейчас синологами всего мира. Судя по комментариям ведущих грамматологов, работавших над идентификацией знаков на планках, тексты, по их мнению, более чем наполовину состоят из «заимствованных знаков». Для большинства из них, в том числе обозначающих главные категории древнекитайской философии, характерно отсутствие ключевых знаков. Так, в текстах «Лао-цзы» 奎易 заменяет 陰陽, 勿 употреблено вместо 物, 豐 вместо 禮, 古 вместо 故, 胃 вместо 謂 и т. д. Вместе с тем ряд заимствованных знаков весьма похож на фоноидеограммы, то есть как будто бы имеет в своем составе ключ и фонетик. Характерный пример — употребление 城 вместо 成. В нем, как в зеркале, отражена вся эволюция заимствования. Первый иероглиф, внешне похожий на фоноидеограмму с ключом «земля» и фонетиком «чэн» и означающий слово 'вал, городская стена, город', на самом деле является не фоноидеограммой, а пиктограммой, где «земля», из которой насыпается городской вал, представляет неотъемлемый элемент изображения. Иероглиф произносится «чэн» не потому, что в нем есть фонетик «чэн», а потому что стена называется чэн. Для обозначения термина недавно рожденной философии — глагола «становиться», звучащего как «чэн», приходится привлекать «стену»-чэн в полноте всех ее элементов. «Стена» могла «расчлениваться» на сочетание ключа и фонетика лишь гораздо позже, когда уже появилось представление о конструкции фоноидеограмм, то есть в период Хань. Тогда-то общее звучание иероглифа могло перейти на его составную часть, и после усечения «ключа»-«земли» могло образоваться «фонетик»-«чэн». Далее могло начаться обозначение глагола «становиться» этим фонетиком как заимствованным знаком.

¹ Годянь Чу му чжуцзянь (Бамбуковые планки из чуской могилы в Годянь). — Бэйцзин: Вэньу чубаньшэ, 1998.

Но во второй половине периода Чжаньго этого еще нет. Все примеры «якобы фоноидеограмм», фигурирующих на так называемых «годяньских бамбуковых планках», представляют собой целостные изобразительные знаки. Они потому «похожи» на фоноидеограммы, что фоноидеограммы конструировались по ним, как по моделям.

О.М.ГОТЛИБ

ТАКСОНОМИЯ ИМЕН В КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Язык — мир-посредник между человеком и реальным миром. Очевидно, что именно язык является основной дополнительностью, которая формирует мировидение и миропонимание личности, этноса и общества с точки зрения принципа дополнительности.

Мир языка знаков по своей природе, его основная функция — это функция наименования реального мира. Это может быть основанием, чтобы рассматривать знаки языка как имена. В европейской традиции столь широкое понимание термина «имя» встречается, в частности, у Г.Фреге. В китайской традиции это, вероятно, можно возвести к понятию «мин» у Конфуция, когда «правильное именование» (*чжэнь мин*) рассматривалось как основание для правильных деяний.

Аристотелево членение понятийного мира на имена и предикаты получило блестящее продолжение в модели семантического синтаксиса. Предикатам в качестве имплицитной составляющей их семантической структуры приписываются аргументы, что реализуется в их синтаксической валентности. Думается, что возможен и обратный порядок этих отношений. Насколько семантическая структура предикатов включает в себя семы своих аргументов, настолько и семантическая структура имен с позиций модели семантического синтаксиса содержит в себе значение своих свойств, качеств, признаков, отношений, состояний, действий и т. д., т. е. всего того, что обычно трактуется как предикат. Вопрос в модели классификации, в точке ее отсчета.

Предлагаемая модель анализа носит преимущественно онома-сиологический характер. Это и понуждает нас отказаться от термина «предикат» как центра семантико-валентностного подхода. Он тем более не совсем уместен здесь, поскольку в сознании синологов, особенно отечественных, этот термин со времен работ А.А. Драгунова несет частеречную нагрузку и трактуется как родовое понятие по отношению к глаголам и прилагательным в частеречном членении лексики китайского языка.

Изменение метасимволики обуславливается фокусом внимания к фактически тождественным объектам. И сам объект, и его массив будут достаточно идентичны при именовании его терминами «глагол», «предикат» или «отношение», смещается лишь акцент в описании, выстраивается иная концептуальная модель.

Понятие «отношение» находится в безусловном органичном единстве с понятием «вещь», одно предполагает другое. Первичность того или иного компонента этой дихотомии определяется не их онтологией, но тем или иным видом концептуальной модели.

Отношение как имманентная составляющая вещи реализуется в состоянии и действии. Состояние понимается нами как актуализированное отношение, действие как каузированное состояние. Во фразе «Я читаю» слово «читаю», во-первых, обозначает некое отношение между компонентами мира, во-вторых, их состояние, в-третьих, действие, которое допускается и обеспечивается набором определенных факторов.

Культурная традиция Китая весьма богато и разнообразно представлена гипонимическими лексиконами. Уже первые словари в Китае «Эрья» и «Шо вэнь цзе цзы» по принципам организации являются таковыми. Осмысление картины реального мира через мир знаков — одна из конституирующих черт этномировидения китайцев. Причина тому — природа их письменных знаков, когда сам знак в значительной степени несет в себе формы означаемого.

Гиперонимической основой, в частности в Шовэне, служат так называемые «ключи», знаки-основы, вэнь, которые формируют сложные образования, граммы, цзы. Последние организуются в партитивные списки, относящиеся к ключам, как «включающие в себя».

Сюй Шэнь — семь семантических блоков ключей: 1) ключи, обозначающие части человеческого тела; 2) ключи, обозначающие используемые предметы и орудия; 3) ключи, обозначающие животных; 4) ключи, обозначающие растения; 5) ключи, обозначающие мир естества; 6) ключи, обозначающие цифры; 7) ключи, обозначающие небесные стволы и земные ветки.

Предложенная классификация отличается по крайней мере двумя чертами: отсутствием как-либо выделенных связей между гиперонимическими составляющими, их асистемностью и их явно вещным характером; смыслы отношений в этом наборе не представлены.

Каждая из составляющих набора включает в себя подразделы, объединенные одним ключом — смыслом. Гиперпризнак «часть человеческого тела» включает в себя ключи, имеющие отношение к изображению: 1) человека; 2) головы; 3) глаза; 4) рта; 5) рук; 6) ног.

Гиперпризнак «используемые орудия и предметы» включает в себя ключи, связанные с: 1) молением и жертвоприношением; 2) войной; 3) одеждой; 4) пищей; 5) жильем (знаком «жить»); 6) знаком «использовать»; 7) другие.

Гиперпризнак «животные» включает в себя ключи, имеющие отношение к: 1) птицам; 2) домашним животным; 3) ходящим животным; 4) ползающим тварям и панцирным.

Гиперпризнак «растения» подразделяется на 1) ключи, имеющие отношение к травам и деревьям и 2) прочие.

Гиперпризнак «мир естества» включает в себя 1) ключи, имеющие отношение к небесным знамениям, и 2) ключи, относящиеся к земле как носительнице всего сущего.

Гиперпризнак «числа» не имеет подразделений, а «стволы и ветви» делятся соответственно на «небесные стволы» и «земные ветви».

Как мы видим, смысл отношений в этой системе не эксплицируется, но задается смыслом вещей. Такой принцип описания можно интерпретировать как глоссоописание или глоссосистематика, когда глосса вслед за Т.Парсоном понимается как синкретичное целое изолированных восприятий.

Аналогичную картину построения можно наблюдать в современном словаре «The Origins of Chinese Characters». Его автор Ван Хунюань претендует на следование китайской тезаурусной традиции. И в этом смысле эту работу можно рассматривать как традиционную.

Из семи гиперсмыслов — «человек», «природа», «охота и сельское хозяйство», «рукотворчество», «повседневная жизнь», «война и ее проявления», «от духа к культуре» — пожалуй, лишь последний передает значение отношения как эволюции. Все же остальные, подобно системе Сюй Шэна, носят глоссовый характер имен при импликации отношений.

Словари указанного типа можно определить как глоссоперцептуальные, претендующие на описание этнокультурного мира через синкретические имена-глоссы. Вместе со словарями этого типа в китайской традиции можно выделить и глоссоконцептуальные тезаурусы. К таковым, как нам представляется, относятся «И цзин» и «Дао дэ цзин». Они претендуют на создание концепта мира, имена отношений в них занимают столь же значимое место, что и имена вещей.

Также в названиях, свойствах и образах восьми триграмм «Книги перемен», являющихся базой для формирования гексаграмм, все имена названий и свойств являются именами отношений, и лишь наименования образов можно отнести к именам вещей. Из названий 64 гексаграмм первого слоя основного текста 46 можно определенно отнести к именам отношений, и лишь девять к «чистым» именам вещей.

Проблема систематики «Книги перемен» — один из самых давних и трудноразрешимых вопросов мировой синологии. Ни в коей мере не претендуя на его разрешение, попытаемся проанализировать некоторые схемы расположения триграмм с точки зрения семантических корреляций их названий. Схемы взяты из статьи А.И.Кобзева «Китайская книга книг» в книге Ю.К.Щуцкого «Китайская классическая «Книга перемен»». Названия триграмм взяты из той же книги.

Анализ велся по схемам квадратно-кругового расположения триграмм, пары их названий выделялись от «ян» к «инь» с оси пересечения.

В схеме, которая приписывается Фу-Си, ось пересечения идет в направлении юго-запад — северо-восток. Выделенные пары названий не дают каких-либо отчетливых семантических корреляций.

В схеме, которая приписывается Вэнь-вану, ось пересечения: юго-восток — северо-запад. В рамках этой схемы выделяются следующие пары названий триграмм: Пребывание (Гэнь) — Использование (Кунь), Возбуждение (Чжэнь) — Разрешение (Дуй), Утончение (Сюнь) — Творчество (Цянь), Погружение (Кань) — Сцепление (Ли). Указанные пары можно описать через семантические корреляции результата, достижения и т. п.

Изложенное выше дает основание для следующих выводов:

— в традиционной китайской лексикографии можно выделить два типа тезаурусов: глоссоперцептуальный и глоссоконцептуальный;

— тезаурусы глоссоперцептуального типа преимущественно описывают мир вещей, их гиперонимической основой являются имена вещей. Тезаурусы глоссоконцептуального типа описывают и мир вещей, и мир отношений, в состав их гиперонимов входят имена обоих типов;

— имена отношений могут быть описаны через семантические корреляции.

SUMMARY

The language is the main means of understanding the world through naming it. All elements of nomination can be divided into two large continuums: names of things and names of relations. From this point of view, traditional Chinese thesauruses falls into two types: glosso-perceptive and glosso-conceptive. The first one comprises mainly the names of things, the second — the names of relations.

О СИНОНИМИИ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДЛГОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Китайский язык обладает широко разветвленной системой служебных слов, которые, наряду с фиксированным порядком слов и интонацией, являются основными грамматическими средствами, определяющими коренные особенности китайского синтаксиса. Предлоги, обозначая и выражая многочисленные и разнообразные связи между знаменательными словами, являются важнейшим классом служебных слов китайского языка.

Для китайского языка характерна синонимия предлогов, понимаемая в русле узкого исследования данного явления как синонимия разных грамматических форм с общим грамматическим значением [Губарь 1996]. Критериями синонимичности наряду с общностью грамматического значения являются позиционная нормативность (по отношению к глаголу-сказуемому) и взаимотрансформируемость (*Сян та бяоши ганьсе. Дуй та бяоши ганьсе*).

Существуют различные взгляды на природу предлогов китайского языка и многочисленные их классификации [Ли Сичэнь 1989]. В плане синонимии предлогов интересно рассмотреть семантическую классификацию глаголов, предложенную дальневосточным лингвистом И.С.Мельниковым. Учитывая исследования В.Ван, Ли Инчэ, Тэн Шоусинь, в основе которых лежат теории Н.Хомского, Ч.Филлмора и др., автор использовал синтезированный подход к проблеме классификации глаголов современного китайского языка, исходя из понятия глагольной валентности, под которой понимается способность глагола выступать в функции ядерной синтаксемы в ядерной глагольной конфигурации [Мельников 1983]. Все элементы конфигурации обладают определенными функциональными (грамматическими) значениями. И.С.Мельников для китайского языка выделяет девять функциональных значений, указывая, что особую роль в плане выражения этих грамматических значений приобретают порядок слов и служебные слова. В четырех из девяти семантических ролей, намеченных И.С.Мельниковым, особую роль в плане выражения этих грамматических значений приобретают предлоги при объективных

синтаксемах со значениями: локатива (*цзай, дао*); инструментатива (*юн, на, ши*); социатива (*гэнь, хэ, тун*); адресива (*гэй, ти, вэй*).

Предлоги, употребляемые со словами в функции объектной социативной синтаксемы, т. е. в обобщенной ситуации соотносимые с предметом, выступающим в функции «содеятеля»: *хэ, гэнь, тун* и др., участвуют в выражении соединительных, сравнительных отношений и отношений принадлежности (касательности). В то же время некоторые из этих предлогов в одном из оттенков значений могут образовывать другие синонимичные ряды. Предлог *хэ*, например, может соотноситься с *сян, дуй, гэнь* при выражении оттенка направленности к объекту действия (*во юаньхэ хэ (сян, дуй, гэнь) дацзя цзян-и-цзян*). Стилистические предлоги *хэ, гэнь, тун*, употребляемые в разговорном стиле, противопоставлены предлогу *юй* письменного стиля языка. Для предлога *тун* отмечается тенденция употребления в письменном языке.

Стилистические функции предлогов выражаются по-разному: 1) с точки зрения употребления в том или ином стиле языка (письменном, разговорном) (*Цзы шан эр ся. Цун шан дао ся. 'Сверху донизу'*); 2) с точки зрения выражения семантико-стилистических оттенков основного значения, которые проявляются в объеме значений. сочетаемости с определенным кругом лексем, классными и подклассными их характеристиками и т. д.

Многозначный предлог *гэй* [Сяньдай ханьюй бабай сы 1979] при выражении значения адресива может быть синонимичен предлогам *чао, сян, дуй*. Некоторые из них в одном из оттенков значений могут вступать в синонимичные отношения с предлогами другого синонимичного ряда. Например, *дуй-дуюй, сян-чао* и др.

Ограничения в синонимичных трансформациях связаны иногда с тем, что предлоги сохраняют смысловые особенности глаголов, от которых они произошли. Так, предлог *чао* синонимичен *ван* в выражении значения адресива, направления перемещения (*чао / ван / чэнвай цюй*). При значении 'выходить куда (на что)', 'лицом к кому (чему)' и при отсутствии значения передвижения употребляется только предлог *чао* (*дамэнь чао нань кай*).

Синонимичные отношения носят системный характер и показывают специфику китайского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Губарь Н. Я. Вопросы классификации грамматических синонимов в современном китайском языке // Китайское языкознание. — М., 1996.
- Ли Сичэнь. Сяньдай шикон шуэсэ. — Синин, 1989.
- Мельников И. С. Глагольное управление в современном китайском языке. — Владивосток, 1983.
- Сяньдай ханьюй бабай сы / Под ред. Люй Шусяна. — Пекин, 1979.

SUMMARY

While meaning and expressing various types of connections between categorematic words, prepositions can make synonymic relations. General grammatical meaning is a criterion of synonymy. The synonymic degree depends on the stylistic features of the preposition.

О. И. Завьялова

КИТАЙСКАЯ ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ НА РУБЕЖЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В эпоху информационных технологий китайский язык вступил с иероглифической письменностью — самой древней и самой сложной из всех современных систем письма. Китаезычный ареал Азии охватывает не только континентальный Китай и Тайвань, но также страны Юго-Восточной Азии со значительными общинами эмигрантов *хуацяо*. За пределами этого обширного ареала китайскими иероглифами пользуются еще две крупнейшие восточноазиатские страны — Япония и Южная Корея. Корея китайскую письменность заимствовала вместе с письменным языком *вэньянем* в начале нашей эры, с XIX в. она употребляется в текстах на корейском языке параллельно с национальным алфавитом. В Японию иероглифы начали проникать через Корею значительно позже, начиная с VI в., и тем не менее, наряду с двумя видами слоговой азбуки, они до сих пор составляют основу современной японской письменности.

Главная трудность иероглифического письма состоит в очень большом числе используемых знаков. Как бы ни менялся с течением времени фонетический облик той или иной китайской морфемы (точнее — слогоморфемы), и как бы ни отличались друг от друга

территориальные варианты ее произношения, на протяжении тысячелетий она как правило записывается одним и тем же иероглифом. В то же время морфемы, которые звучат одинаково, на письме почти всегда передаются разными знаками. В результате иероглифы, находящиеся в реальном употреблении в каждую отдельную эпоху, исчисляются тысячами.

Подсчитано, что количество дешифрованных знаков на гадательных костях (XIV—XI вв. до н. э., по другим данным XIII—XI вв. до н. э.) и древней бронзе (самые древние надписи на бронзе датируются также серединой II тысячелетия до н. э., они же являются основными памятниками китайской письменности эпох Западная Чжоу и Чуньцю) по отдельности приближается к двум тысячам. Общее число неодинаковых иероглифов в конфуцианском каноне «Ши сань цзин» составляет 6544. Опубликованный в 1988 г. нормативный список иероглифов, которые используются в изданиях на современном китайском языке («Сяньдай ханьюй тунъюн цзыбяо»), включает 7000 знаков. Считается, что образованные китайцы в среднем знают сейчас от 3500 до 4500 знаков, в том числе тех упрощенных вариантов написания, которые были введены в ходе кампании по реформе языка и письменности, предпринятой в КНР в 50-х — 60-х годах. Частоупотребительными официально признаны 3500 иероглифов.

Еще больше иероглифов собрано в словарях, которые включают как современные, так и архаичные знаки, уже вышедшие из реального употребления. В первом китайском иероглифическом словаре «Шо вэнь цзе цзы», составленном Сюй Шэнем в 100 г. н. э., содержалось 9353 иероглифа без учета разнописей. Самое большое число знаков — 53525 было собрано в словаре «Цзи юнь». Он был подготовлен по императорскому указу в 1037 г. при династии Северная Сун и содержал все известные к тому времени иероглифы, включая разнописи, которые когда-либо употреблялись в текстах. К пятидесяти тысячам число иероглифов приближается также в словарях «Канси цзыдянь» (1716 г., династия Цин) и «Чжунхуа да цзыдянь» (1916 г., Китайская Республика).

Запоминание огромного числа знаков — это основная, но не единственная проблема, которую порождает иероглифическая письмен-

ность. Поскольку иероглифы в отличие от букв и слоговых письменных знаков исчисляются тысячами и даже десятками тысяч, их последовательность невозможно задать небольшим списком. В результате трудно не только запомнить множество иероглифов, но также проверить их написание, значение и чтение в словарях.

Традиционные системы расположения и поиска иероглифов достаточно сложны, их может освоить только достаточно образованный человек. Впервые способ размещения иероглифов и их поиска по графическим признакам был предложен в китайской филологии очень давно — в словаре «Шо вэнь цзе цзы». Сюй Шэнь распределил все иероглифы по 540 группам (*бу*), каждая из которых была объединена общим графическим элементом — «ключом» (*бу шоу*), возглавлявшим группу. В качестве самого первого и самого последнего ключа были выбраны два иероглифа — «единица» и циклический знак *хай*, символизирующие начало и завершение мироустройства в китайской натурфилософии. Система ключей в «Шо вэне» отличалась от современной: ключом там мог быть признан не только простой, но также и сложный знак.

Долгое время в Китае использовались список из 214 ключей и система расположения иероглифов, которые впервые были предложены Мэй Инцзо в словаре «Цзы хуэй», выпущенном в 1615 г. в конце правления династии Мин. В ходе реформы языка и письменности 50-х — 60-х годов в КНР ряд ключей из этого списка получил упрощенные варианты написания. Разработанный в то время новый набор ключей был расширен и включал 250 знаков, не считая упрощений. Нормативная ключевая система, основанная на 201 ключе, была предложена в Китае в 1983 г. В результате в словарях, которые издавались с конца 70-х годов, можно встретить несколько ключевых списков: 214 традиционных ключей (в переизданном в 1983 г. словаре «Цы юань», основанном на полных иероглифах), а также системы из 189, 200 и 250 знаков.

В современных фонетических словарях и справочниках иероглифы располагаются по алфавиту в соответствии со стандартным пекинским чтением, записанным латинскими буквами. Тем не менее этими системами не могут пользоваться выходцы из диалектных районов. Пекинское чтение часто не знают даже те из них, кто долгие

годы прожил в столице и имеет высшее филологическое образование. Проблема осложняется также большим количеством омонимов, появившихся в китайском языке (и особенно в его северных диалектах, к которым относится нормативный пекинский) в результате упрощения среднекитайской фонетической системы.

С наступлением компьютерной эры все традиционные проблемы, которые издавна стояли перед авторами и пользователями иероглифических словарей, встали и перед разработчиками информационных систем. Две основные системы кодирования иероглифов для компьютеров создавались независимо друг от друга в КНР и на Тайване. Они несовместимы, но для просмотра текстов на экране и для перехода с одной системы на другую существуют специальные программы. В каждой системе можно использовать как полные, так и сокращенные знаки, введенные в КНР в ходе лингвистических реформ 50-х — 60-х годов, и даже древние стили написания иероглифов — при наличии соответствующих шрифтов. При компьютерном наборе иероглиф вызывают на экран разными способами, графическими и фонетическими. Китайские пользователи считают, что графические способы — при всей трудности их освоения — для китайского языка гораздо удобней фонетических.

Успех в адаптации иероглифов к реалиям компьютерной эры позволил насытить материалами информационных агентств и многочисленных газет на китайском языке всемирную компьютерную сеть Интернет. В 1996 г. число пользователей Интернета в Китае составляло всего несколько тысяч человек. Летом 1997 года в КНР к Интернету было подключено уже 40 тысяч пользователей. К двухтысячному году это число по разным оценкам составило от четырех до девяти миллионов человек. На Тайване Интернетом пользуется уже каждый десятый его житель — число пользователей здесь превысило два миллиона. Популярность Интернета растет вместе с расширением объема информации на китайском языке и созданием поисковых серверов сначала на Тайване, затем и в КНР. Преодоление иероглифической письменностью «компьютерного барьера» и создание огромного китаеязычного киберпространства открывает перед ней широчайшие перспективы. Китайскими

иероглифами уже пользуется по меньшей мере каждый четвертый человек в мире. На фоне демографических процессов, экономических и технологических успехов «иероглифического» ареала такое развитие событий может привести к неожиданным лингвистическим изменениям на планете в грядущем тысячелетии.

М.И.Задорожный

ДЕФЛЕКТИВАЦИЯ РУСИЗМОВ В ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ПРИМЕТЫ

В процессе своеобразного «лексического захвата, экспансии» со стороны заимствующего языка, вызываемой его внутренними потребностями [Якубинский 1986, 70], язык-реципиент, вживляя в свою ткань заимствуемые слова, как бы подгоняет их под прокрустово ложе действующих в нем закономерностей. Несомненно, что этот процесс, активный по самой своей сути, не является односторонним. Поэтому, перефразируя известный физический закон, применительно к данному случаю можно сказать, что сила действия равна здесь силе со-действия, в связи с чем справедливо также утверждение и о том, что любое заимствуемое слово, попадая в иноязыковую систему, с одной стороны, осваивается ею, а с другой — так или иначе осваивается в ней, причем не только приравливаясь к ее фонетическим, лексико-семантическим и грамматическим особенностям и приобретая тем самым статус в той или иной степени «своей» лексемы, но и порой диктуя свои «правила игры».

В формально-семантическом плане слово заимствуется первоначально, особенно если заимствование осуществляется не книжно-письменным, а устно-разговорным путем, в неанализируемом (У.Вайнрайх), сращенном (И.А.Бодуэн де Куртенэ), абсорбированном, опрошенном (В.А.Богородицкий), интегрированном (Н.В.Крушевский), лексикализированном (С.О.Карцевский), агрегированном (П.С.Кузнецов) виде, т. е. воспринимается носителями заимствующего языка как морфемно нечлененое, неразложимое

на минимальные значащие части, даже если в языке-источнике оно морфематически членимо.

Опрощение (это наиболее употребительный и закрепившийся в отечественной практике термин, которым данное явление именуется не только и не столько применительно к лингвоконтактологии, сколько при характеристике исторических изменений в морфосемантической структуре исконных лексических единиц) может охватывать либо только основу слова, например при близкородственности языков, либо все слово в целом, которое в таком случае выступает как абсолютно (т. е. ни лексико-семантически, ни грамматически) немотивированная знаковая единица. Последнее имеет место в том случае, если в контакт вступают языки резко отличного морфологического типа, например флективного и корнеизолирующего, или формосвязывающего и формоизолирующего, по терминологии В.М.Солнцева [Солнцев 1992, 98; Солнцев 1995, 18], каковыми являются, в частности, русский и дунганский языки, непосредственно контактирующие друг с другом как в устно-разговорной, так и в книжно-письменной форме на протяжении вот уже более ста лет.

Морфологическое, или, точнее говоря, формально-семантическое опрощение, суть которого состоит в семантическом опустошении, выветривании, или обесцвечивании, по В.М.Солнцеву [Солнцев 1995, 178], т. е. десемантизации, составляющих заимствуемое слово значимых компонентов и их стяжении в одну значимую единицу — семантему, это, как показывает материал дунганско-русского языкового взаимодействия [Задорожный 1994 (1995); Задорожный 1996а; Задорожный 1998], — активный и регулярный процесс тотального характера, о чем свидетельствует уже сам факт непременного морфемного стяжения любого слова, одиночно заимствуемого дунганским языком из русского языка или через русский язык.

Результатом такого стяжения является, как уже отмечалось нами ранее [Задорожный 1996а, 56], униморфематизация основы слова-прототипа и его дефлексивация (дефлексивизация) в целом, т. е. утрата былым флексийным экспонентом формосвязывающей функции и превращение его в чисто звуковую составляющую

лексемы, иначе говоря, его дисфункционализация. Это хорошо видно на примере прилагательных, заимствуемых в «канонической» форме, т. е. с сохранением всех, хотя функционально и опустошенных, формо- и словообразующих показателей¹. Такие прилагательные в сочетании с существительными любого рода (с точки зрения русского языка) формально неразличимы. Так, прилагательное *нулевой*, пришедшее в дунганский язык в составе фразеологизированного сочетания — терминологического оборота *нулевой класс*, способно употребляться и в чисто дунганском словесном окружении: *Жыг жэнтонсы (хосы) нулевойди* 'Этот класс нулевой'. Но точно такую же форму оно имело бы и в том случае, если бы было употреблено в сочетании с существительным *лян* 'величина': *Жыг лянсы нулевойди* 'Эта величина нулевая'.

То же самое относится и к глаголам. Ср.: *Студент* (как и *щүдэсын*) *лэли* 'Студент пришел' и *Студентка* (как и *нүстудент* или *нүщүдэсын*) *лэли* 'Студентка пришла'. Приведенные примеры однозначно свидетельствуют о том, что «нулевая флексия мужского рода» и «флексия -а — женского» абсолютно лишены словоизменительной и формосвязывающей функции, свойственной им в русском языке. Это обусловлено отсутствием родовой, а у глаголов и числовой, оппозиции в дунганском языке [Имазов 1982, 86; Имазов 1993, 65], вследствие чего слово *лэли* 'пришел, пришла' и 'пришли' (ср.: *Студентму лэли* 'Студенты пришли') не претерпевает никаких формальных изменений, как это было бы в русском языке.

Глагольная словоформа дунганского языка, таким образом, как и адъективная, в данном и подобных случаях формально никак не реагирует на метаморфозы русскоязычного субстантива, оставаясь к ним абсолютно безразличной, с чем и связана оговорка «с точки зрения русского языка», когда речь идет о существительных любого

¹ Явления, кстати говоря, достаточно редкого. Применительно к конкретному материалу, можно даже сказать, исключительного. Нам, по крайней мере, известны лишь два таких случая: *нулевой* и *заочный* (речь идет о заимствовании прилагательных в исходной, неусеченной форме, которые, как правило, усекаются либо дополняются словообразующим адъективным суффиксом -ди). Впрочем, как известно, вообще заимствуются преимущественно существительные, причины чего подробно рассматриваются в работе [Задорожный 1996б].

рода и, добавим, числа. Формальная неразличимость по этому признаку сопрягающихся с существительными слов других частей речи как раз и свидетельствует об отсутствии в дунганском языке грамматической категории рода как таковой. Не противопоставлены формально-грамматически в этом отношении и сами существительные, так как компоненты *нан-*, *нү-*, *эр-*, *куд-* и др. в составе слов типа *нанжын* ‘мужчина’, *нүжын* ‘женщина’, *эрма* ‘жеребец’, *куама* ‘кобыла’ и под. — это показатели не мужского и женского рода как грамматической категории [Имазов 1982, 42; Имазов 1993, 39—40], а соответственно мужского и женского пола живых существ, т. е. чисто словообразовательные аффиксы (или, может быть, точнее, аффиксоиды).

Кроме дисфункционализации исходного компонента флексии, т. е. утраты им формосвязывающей функции и его грамматически афункционального использования — сохранения лишь в качестве сугубо звуковой принадлежности слова, дефлексивация выражается также в агглютинации — механическом присоединении формо- и словообразующих аффиксов дунганского языка непосредственно к финалям заимствованных из русского языка слов. Весьма показательно при этом, что аффиксы присоединяются к финалям в равной мере как неизменяемых слов (*ТЭЦион* ‘на ТЭЦ’, *ГЭСион* ‘на ГЭС’, *МГУион* ‘в МГУ’, *метроион* ‘в метро’), так и лемматизированных словоформ изменяемых слов, т. е. с сохранением последними функционально омертвевших грамматических показателей (*позицияион* ‘на позиции’, *реформани* ‘реформу’, *позицияди* ‘позиции, позиционный’). Иначе говоря, между тем и другим классами слов в этом отношении нет никаких различий, так как в обоих случаях действует один и тот же, агрегативный (в некотором роде даже конгломеративный, разумеется, не с точки зрения заимствующего языка) соединительный механизм, что как раз и свидетельствует о семантической нерасчлененности и грамматической застылости заимствований на начальном этапе их вхождения в систему языка-приемника. Эта картина очень напоминает ту, которая наблюдается в программах, предназначенных для обнаружения орфографических ошибок компьютером, который может неадекватно распознать частеречную принадлежность отсутствующего в его памяти

и добавляемого туда слова, реализованного в конкретном тексте, например, принять за исходную форму существительного текстовую словоформу прилагательного и тем самым грамматически опростить, сплавить ее. В частности, при добавлении прилагательного *дунганский*, содержащегося в названии настоящей работы в форме *дунганском*, программа выдвигает гипотезу о данной словоформе как о неодушевленном существительном мужского рода. Естественно, что при этом ее действительные внутриморфемные связи разрушаются, и она предстает в виде следующей субстантивной падежно-числовой парадигмы: ед. ч. — *дунганском*, *дунганскомА*, *дунганскомУ*, *дунганском*, *дунганскомОМ*, *дунганскомЕ*; мн. ч. — *дунганскомЫ*, *дунганскомОВ*, *дунганскомАМ*, *дунганскомЫ*, *дунганскомАМИ*, *дунганскомАХ*, т. е. по типу, в том числе и акцентному, существительных *фантом*, *профком*, *альбом* и т. п.

Отмеченный характер соединения исконных аффиксов с иноязычными, в частности русскими, основами прямо вытекает из самого типа дунганского языка, который, как и ближайший его родственник — китайский, является изолирующим (формоизолирующим) по способу выражения синтаксических отношений между словами — внешнему, служебно-порядковому, а не внутреннему, не самодостаточному, т. е. не формами самих этих слов, и вместе с тем агглютинативным по технике связывания аффиксов с основами, которые при этом не претерпевают существенных фонетических трансформаций и могут употребляться самостоятельно — и без данных аффиксов [Реформатский 1996, 272; Солнцева 1985, 157; Солнцев 1995, 12]. Кстати, точно так же, механически, сцепляются исконные аффиксы с русскими основами-словами (словоформами) и в киргизском языке — неизолирующем, но тоже агглютинативном [Задорожный 1987]. Иное дело, например, русский язык, в котором при соединении исконных аффиксов (и — шире — формантов) с заимствованными основами используется, как правило, флективно-фузионная техника, в результате чего основа, из языка какого бы типа она ни была заимствована, оформляется или переоформляется таким образом, что не может функционировать как самостоятельное слово.

К этому же (опрошенческому) классу явлений относятся: а) замещение в русизмах экспонентов флексий функционально-грамматически пустыми с позиции дунганского языка звуковыми отрезками, значимыми лишь чисто аналогически (именно в такой форме прежде всего, наряду с «нулевой — мужской», заимствуются существительные из русского языка): *ботинк-и* — *ботинк-а*, *сутк-и* — *сутк-а*, *консерв-ы* — *консерв-а*; б) усечение у них формо-и словообразующих показателей: *фашист-ский* — *фашист* (здесь и далее в этом пункте усеченные формы, как и неусеченные, являются прилагательными), *реактив-ный* — *реактив*, *националь-ный* — *национал*, *араб-ский* — *араб* (*араб йҕян* 'арабский язык'), *римский* — *рим* (*рим мазы* 'римские цифры'), *иде[й-а]* — *идей*, *атмосфер-а* — *атмосфер* и в) наращение — ауслатная вокализация словоформ с консонантными финалями: *банк* — *банк-а*, *митинг* — *митинг-а*, *полк* — *полк-а*.

Лишь в последнем случае на грамматическое освоение дунганского языкового пространства (или, что то же самое, на приспособление к нему) наслаивается и фонетическая адаптация (приспособление к открыто-слоговой структуре дунганского слова). Во всех же остальных случаях опрошение носит сугубо грамматический характер: устраняются несвойственные дунганскому языку родовые оппозиции существительных в целом и числовые — неодушевленных существительных².

Процесс опрошения может затушевываться, прежде всего с позиции носителей языка-источника, которым за заимствованиями из него видятся или, по крайней мере, хотелось бы видеть свои слова с той же формально-семантической структурой, которая отложились

² Впрочем, как показано нами ранее [Задорожный 1992], в дунганском языке под влиянием русского и тюркских языков, поддержанным наличием противопоставленности по категории числа одушевленных существительных в самом дунганском языке, имеет место и обратная тенденция — формирование вследствие морфологического калькирования числовой оппозиции и у неодушевленных существительных, что приводит в свою очередь к разрушению категории личности / неличности и одушевленности / неодушевленности в этом языке, поскольку формально противопоставленность этих разрядов существительных оказывается в таком случае никак не выраженной.

в их сознании. То же самое может иметь место и в сознании носителей языка-реципиента, в совершенстве владеющих языком-источником. Но это не может отменить самого факта существования явления опрошения, особенно четко проступающего при иероглифической записи заимствований, например, в китайском языке, в котором заимствованные слова передаются и записываются, как известно, асемантическими слогами, фиксируемыми иероглифами как чисто фонетические единицы [Солнцев 1995, 151, 180].

ЛИТЕРАТУРА

- Задорожный М.И.* О заимствовании морфем // Языковые процессы. — Фрунзе, 1987.
- Задорожный М.И.* Разрушение категории личности / неличности (одушевленности / неодушевленности) в дунганском языке как результат морфологического калькирования // Актуальные вопросы китайского языкознания: Материалы VI Всероссийской конференции. — М., 1992.
- Задорожный М.И.* Опрошение заимствуемых слов как результат их адаптации к иноязыковой системе: На материале дунганско-русского языкового взаимодействия // Актуальные проблемы китайского языкознания: Материалы VII Всероссийской конференции. — М., 1994 (1995).
- Задорожный М.И.* Усложнение заимствуемых слов как этап их вживания в иноязыковую систему: На материале дунганско-русского языкового взаимодействия // Китайское языкознание: Материалы VIII Международной конференции. — М., 1996а.
- Задорожный М.И.* Частеречная структура заимствований // Исследования по русскому языку. — Орехово-Зуево, 1996б. Деп. в ИНИОН РАН. № 51301 от 19.03.96.
- Задорожный М.И.* Формально-семантические типы русских лексических заимствований в дунганском языке и их моделирование // Китайское языкознание: Материалы IX Международной конференции. — М., 1998.
- Имазов М.Х.* Морфология дунганского языка. — Фрунзе, 1982.
- Имазов М.Х.* Грамматика дунганского языка. — Бишкек, 1993.
- Реформатский А.А.* Введение в языковедение. — Изд. 5. — М., 1996.
- Солнцев В.М.* Еще раз об основных единицах современного китайского языка // Актуальные вопросы китайского языкознания: Материалы VI Всероссийской конференции. — М., 1992.
- Солнцев В.М.* Введение в теорию изолирующих языков: В связи с общими особенностями человеческого языка. — М., 1995.
- Солнцева Н.В.* Проблемы типологии изолирующих языков. — М., 1985.
- Якубинский Л.П.* Несколько замечаний о словарном заимствовании // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. — М., 1986.

SUMMARY

The paper characterizes deflectivation (deinflexionalization) of lexical borrowings from Russian into Dungan (Hueytszu) resultant from their *oproshchenie* (simplification) — erasing of morfemic borders and expressing in disfunctionalisation of inflexional exponents, i.e. in the loss of their word-changing and form-binding function and their transformation into purely phonic constituents of borrowed words.

It is shown that because of disfunctionalisation of inflexions deflectivation is also expressed in agglutination — mechanical joining form-building and word-formative Dungan affixes immediately to endings of borrowings from Russian equally both of unchangeable words and lemmaticized word forms of changeable words, i.e. the latters preserve functionally dead former grammatical exponents.

It is also stated that this process results in: a) substitutions of inflexions exponents in Russian words by means of functional-grammatically empty phonic segments, b) cutting of their form-building and word-formative elements, c) their augmentation — auslauting vocalization of word forms with consonant finals.

Т.В.ИВЧЕНКО

ПРОБЛЕМА *huoyong / jianlei* В ТЕКСТАХ НА ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

До сих пор проблема частей речи является одним из ключевых и наиболее часто обсуждаемых вопросов теоретической грамматики китайского языка (КЯ). Это верно как по отношению к современному китайскому языку (СКЯ), так и по отношению к классическому древнекитайскому письменному языку *вэньянь* (ДКЯ)². История учения о языке в Китае, начиная с появления трактата Ма Цзяньчжуна «Маши Веньтун», во многом и складывалась, как дискуссия о частях речи в КЯ³. При этом проблема частей речи в КЯ факти-

¹ В тезисах из-за недостатка места опущены конкретные примеры.

² Говоря о классическом языке, мы будем прежде всего иметь в виду язык классических памятников 5—2 веков до нашей эры.

³ Следует заметить, что само введение частеречной парадигмы в качестве способа описания КЯ в том виде, в каком это было сделано Ма Цзяньчжуном, Ван Ли и Лю Шусяном, многими китайскими лингвистами расценивалось, как неправомерное наложение парадигмы западных языков на совершенно непохожую реальность КЯ. В этой связи можно назвать недавно вышедшую книгу Сю Тунцяна

чески сводилась к двум основным вопросам, а именно: во-первых, если в КЯ части речи есть, то сколько их и каковы должны быть критерии их выделения; и во-вторых, если каждая частеречная категория обладает главными и второстепенными признаками, то какие и на каком основании следует считать главными, а какие второстепенными. Ниже мы попытаемся показать, что, хотя имеет смысл говорить о частеречных (дистрибутивных) классах в ДКЯ, многие явления ДКЯ не могут быть удовлетворительно объяснены в терминах частей речи. Как ни странно, именно к таким явлениям относятся случаи «межчастеречного» употребления лексем в ДКЯ — случаи *huoyong / jianlei*.

На данный момент наиболее разработанной теорией частей речи в СКЯ следует считать описание СКЯ, предложенное Чжу Деси и существенно доработанное его учениками Лу Цзяньмином, Гуо Жуй и другими⁴. Что касается ДКЯ, то тут следует прежде всего отметить капитальный труд Zhou Fagao «Zhongguo gudai yufa», Taipei, 1961, диссертацию J.S.Cikoski: «Classical Chinese word-classes», Ph. D. dissertation, Yale university, 1970, где предложено одно из самых строгих и последовательных описаний частей речи в ДКЯ, и книгу Harbsmeier Christoph: «Aspects of the Classical Chinese Syntax», Curzon Press, 1981, в которой автор предлагает функциональное описание служебных слов в ДКЯ. Однако все вышеназванные работы либо не дают удовлетворительного объяснения проблемы *huoyong / jianlei*, либо вообще обходят ее.

Изложенный ниже подход представляет собой попытку предложить описание семантического механизма, стоящего за таким

«Юйяньлунь» [1998], где автор предлагает свою собственную, более адекватно описывающую специфику КЯ грамматическую теорию, не прибегающую к понятию «часть речи» и берущую в качестве своей основной единицы понятие «цзы» (иероглиф).

Именно эта теория используется, как основа для синтаксического описания СКЯ в известных нам системах машинного перевода в Китае. Результаты систематического описания сравнительно большого корпуса лексем КЯ (более 10 тыс.) в рамках данной частеречной теории представлены Yu Shiwen: «Xiandai hanyu yufaxinxin cidian xiangjie», Qinghua daxue chubanshe, 1998.

характерным для ДКЯ явлением, как использование одних частей речи в значении других, такой «переход» одной части речи в другую обычно не маркируется в поверхностной структуре. В китайских грамматиках это явление получило название *huoyong / jianlei*, т. е., буквально, свободное использование (*huoyong*) и совмещение классов (*jianlei*). Именно такое специфическое явление как *huoyong / jianlei* давало повод многим исследователям говорить об отсутствии в ДКЯ частеречных категорий, те же, кто наличие таких категорий в ДКЯ признавал, традиционно рассматривали *huoyong / jianlei*, как крайне трудно разрешимую проблему, при этом главная трудность, как выяснялось, состоит в выработке четких критериев отграничения случаев свободного использования (*huoyong*) от примеров совмещения классов (*jianlei*)⁵.

На первый взгляд представляется очевидным, что проблема *huoyong / jianlei* имеет смысл и должна решаться исключительно в рамках теории частей речи, как это до сих пор обычно и делалось⁶. Однако, как нам представляется, это не совсем так. Мы считаем, что для более адекватного описания этого явления необходимо вскрыть стоящий за ним глубинный семантический механизм.

Части речи в ДКЯ, где отсутствуют какие-либо поверхностные маркеры, представляют собой набор дистрибутивных классов, т. е. относятся прежде всего к сфере поверхностного синтаксиса, а на этом уровне любое решение этой проблемы наталкивается, как минимум, на невозможность предсказать все сочетаемостные особенности лексем в ДКЯ, а значит, и на невозможность четко

⁵ На данный момент единственным общепризнанным критерием разграничения *huoyong* и *jianlei* является критерий статистический и представление носителей языка о степени удаленности исходного и производного значений. См. Song Shaonian: «Gudai hanyu weicixing chengfende zhichenghua yu mingcihua», см. «Guhanyu yufa lunji», Yuwen chubanshe, 1998.

⁶ Все вышеупомянутые описания СКЯ и ДКЯ именно так и подходят к вопросу *huoyong / jianlei*, оставляя его фактически не решенным. Интересную классификацию случаев междостеречного употребления для СКЯ предложил Lu Jianming: «Guanyu cide jianlei wenti» // «Zhongguo yuwen», 1994, 1, но в качестве основания для классификации автору пришлось прибегнуть к критериям семантического уровня.

определить, насколько регулярен тот или иной случай конкретного употребления⁷. Главное, что в результате мы оказываемся неспособными установить не только факт, может ли данная единица иметь некоторый конкретный тип употребления, но и, что крайне важно, неспособными утверждать, что данная лексема такой тип употребления в принципе иметь не может. Полученные таким образом дистрибутивные классы имеют открытый и частичный характер. Именно поэтому мы рассматриваем описание ДКЯ в терминах частей речи, как предварительное обобщение дистрибутивных свойств лексических единиц, за которым должно следовать выяснение закономерностей глубинного характера.

Кроме того, в случаях межчастеречного употребления лексем (*huoyong / jianlei*) в значении соответствующей лексемы происходит определенный семантический сдвиг, характер которого описать в терминах теории частей речи не представляется возможным. Задача же описания явления *huoyong / jianlei* как раз и состоит во вскрытии характера и закономерностей семантического сдвига, имеющего место при «межчастеречном» употреблении лексем.

Будучи по своей природе синтаксически бедным, ДКЯ широко задействует механизмы семантического уровня. Каждая глагольная или именная лексема ДКЯ соотносится с одной или несколькими прототипическими ситуациями, при этом глагольная лексема соотносится с описанием ситуации в целом, а именная — с отдельными участниками ситуации. Таким образом, лексическая единица может быть описана как «пучок» базовых ситуаций, соотносимых с ней. Случаи «межчастеречного» употребления в ДКЯ отражают тот факт, что глагольные лексемы в ДКЯ часто обладают способностью обозначать практически любого из центральных

⁷ Другими словами, за исключением небольшого набора слов типа *уие*, *уи / во* и др., которые имеют в ДКЯ специфическую и предсказуемую дистрибуцию (можно уверенно утверждать, что *уие* не встретится в функции имени, а *уи / во* в глагольной), дистрибуцию большинства лексем полностью предсказать невозможно, и остается лишь довольствоваться случаями употребления, зафиксированными в классических китайских текстах. Сходные рассуждения можно найти у Harbsmeier Christoph: «Science and Civilisation in China: Language and Logic», Cambridge University Press, 1998.

(непериферийных) участников ситуации, а именные лексемы через соотнесенность с определенной прототипической ситуацией способны получать значение всей ситуации целиком.

Механизм семантического сдвига, который происходит здесь, на содержательном уровне напоминает до некоторой степени лексические функции Мельчука и Апресяна. Как известно, глагольная лексема соотносится с некоторой ситуацией с одним или несколькими участниками (валентностями или актантами). В ДКЯ большинство глагольных лексем способно выступать не только в своей предикативной функции, но и в качестве имени соотносимой с ними ситуации (например, *ling*⁴ может иметь значение 'приказывать' и значение 'отдача приказа', *sheng* может означать как 'побеждать', так и 'победа' и т. д.). В этом случае глагол сохраняет все свои актанты и соотношение между ними, но теряет соотнесенность с координатой времени, превращаясь в название, «имя» ситуации.

Однако семантическое преобразование может быть и более сложным. В ситуации можно часто выделить актант, который является наиболее «характерным» ее представителем. Так, для глаголов речи это будет валентность содержания, а не, например, субъекта. Кстати, валентность субъекта действия, являясь одной из центральных, редко является в то же время типичным представителем ситуации. Немаркированное (поверхностно) семантическое преобразование, характерное для глаголов в ДКЯ и традиционно именуемое *huoyong / jianlei*, как раз и состоит в том, что глагол становится именем одного из типичных участников ситуации, им обозначаемой. Например, глагол *yan* 'говорить' часто употребляется в значении 'сказанное', то есть слова, речи и т. д., то есть становится «наименованием» своей собственной валентности содержания. Тот же глагол *yan* может употребляться и в значении 'говорящий', 'тот, кто говорит', то есть указывать на субъект действия, но такое преобразование должно быть маркировано: *yanzhe*.

Таким образом, семантическое преобразование глагольных лексем в случаях *huoyong / jianlei* состоит в том, что глагол перестает указывать на ситуацию в целом, а получает значение одного из актантов описываемой им ситуации, при этом семантическая связь

с остальными участниками ситуации сохраняется. Другими словами, один из актантов «экстрактируется» из актантной структуры глагольной лексемы и становится представителем ситуации в целом. Не все актанты в равной степени могут быть «экстрактированы» без помощи поверхностных маркеров из актантной (валентной) структуры глагола. Тут, очевидно, следует говорить об определенной иерархии. Например, глаголы, имеющие в валентной структуре валентность содержания, «экстрактируют» прежде всего именно ее, а вывод других валентностей за пределы глагольной рамки осуществляется при помощи различных маркеров. Поэтому можно прогнозировать, что в случаях «именного» употребления глаголов с валентностью содержания «экстрактироваться» будет прежде всего она.

В СКЯ выделяются только четыре типа «межчастеречных» употреблений, а именно: тип *yanjiu* (указание на ситуацию целиком), тип *daibiao* (экстраполяция валентности субъекта), тип *baogao* (экстраполяция валентности содержания) и тип *suo* (экстраполяция валентности инструмента)⁸. В ДКЯ же нет принципиальных ограничений на тип «экстраполируемой» валентности, то есть могут «экстраполироваться» все центральные валентности, обычно какая-либо одна у каждого конкретного глагола (редко две).

Что касается случаев «глагольного» употребления лексем с именным значением, то их глагольные употребления задействуют обратный механизм семантического преобразования, а именно: от имени участника ситуации к самой ситуации. С конкретным именем может ассоциироваться некоторая ситуация, в которой это имя выступает как один из типичных участников, причем не обязательно центральный. Так, например, черепаший панцирь ассоциируется с ситуацией гадания, копье с ситуацией поражения копьем противника, дверь (вход) с ситуацией защиты (охраны) входа и т. д. Имя в ДКЯ, таким образом, через посредство ситуации, в которой оно участвует, может приобретать соответствующее глагольное значение.

⁸ Первый тип традиционно относится к случаям *huoyong*, когда оба случая употребления относятся к одной лексеме, а второй, третий и четвертый типы относятся к случаям *jianlei*, когда оба случая употребления считаются представителями двух различных лексем.

Так как вышеописанные механизмы имеют статус нормы, то мы можем говорить о явлении семантической деривации в ДКЯ, а случаи *huoyong* / *jianlei* считать элементами одной деривационной цепочки. Это не деривация, которая образует новые слова и понятия, а деривация, которая полностью задействует внутренний семантический потенциал лексических единиц. С этой точки зрения споры о том, являются ли *ling'* 'приказывать' и *ling'* 'приказ' глаголом и именем существительным (а значит, двумя различными лексемами) или же представляют собой различные случаи употребления одной и той же лексемы, но в функции различных частей речи, не имеют большого смысла, ибо это есть попытка описать механизм семантической деривации в терминах частей речи, то есть попытка описать явление семантического плана в синтаксических терминах. Способность *ling'* 'приказывать' употребляться в значении *ling'* 'приказ' есть имманентное свойство лексемы *ling*, основывающееся на особенности ее семантической структуры и механизмах семантической деривации, свойственных ДКЯ. Заметим, что явление тоновой деривации (*biandiao gouci*) в ДКЯ следует также рассматривать в связи с деривацией семантической, но семантическая деривация, естественно, далеко не всегда маркируется изменением тона.

Статистический критерий отграничения случаев *huoyong* от случаев *jianlei* не выдерживает никакой критики, ибо позволяет описать лишь регулярность / нерегулярность узуса и не затрагивает сущность самого явления.

Именно широкая распространенность различных механизмов семантической деривации создает впечатление, что любая знаменательная часть речи может свободно употребляться в значении другой. На самом же деле абсолютной свободы тут нет, и многое определяется особенностями семантической структуры конкретной лексемы. Эффект многомерности текста, написанного на классическом китайском языке, создается отчасти благодаря тому, что лексические единицы ДКЯ могут выступать одновременно в одном и том же контексте как члены нескольких деривационных цепочек (семантических оппозиций).

Задача, таким образом, сводится не только к описанию частеречной принадлежности различных случаев употребления

лексических единиц (на чем останавливаются практически все нам известные описания ДКЯ в Китае и на Тайване), а к выявлению закономерностей механизма семантической деривации и возможных ограничений, связанных с этим.

М.Х.ИМАЗОВ

ПРОБЛЕМЫ ДУНГАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ТРУДАХ А.А.ДРАГУНОВА

Дунганским языком в прошлом интересовались такие корифеи лингвистической науки, как Н.С.Трубецкой, Л.В.Щерба, Е.Д.Поливанов, В.М.Алексеев и др. В его описании каждый из них внес свой бесценный вклад. Но начало систематическому, подлинно научному изучению дунганского языка положил А.А.Драгунов.

Еще будучи преподавателем Ленинградского института нацмень Советского Востока, где в 1931—1937 гг. обучались дунганские студенты, он стал делать необходимые записи и собирать языковые материалы, которые были дополнены им во время поездок к дунганам Киргизии и Казахстана в 1932 и 1935 гг. [Драгунов 1940, 1962]. Первыми результатами научных поисков в этой области явились дунганский алфавит на основе латинской графики, составленный им совместно с дунганскими учеными, и слоговая орфография [Драгунов 1932]. А уже в 1937 году им, совместно с Е.Н.Драгуновой, была опубликована статья «Дунганский язык» [Драгуновы 1937], в которой содержатся интереснейшие наблюдения и сделаны исключительно важные выводы. Так, в статье отмечается наличие в языке огрубленных согласных типа /г^в/, /к^в/, /д^в/, /т^в/, /б^в/, /п^в/, а также процесса монофтонгизации дифтонгов. Нужно сказать, что последнее проявляется в языке и сегодня. Говорят, например, *вулуэ* и *вуло* 'выращивать', *хуэязы* и *хэязы* 'шербатый', *сантуэ* и *санто* 'наверно' и др. Более того, наблюдается и нечто обратное — процесс «дифтонгизации». Так, в словосочетании типа *зу сани* 'что делать', например, в результате выпадения

интервокального согласного /с/ образовался несвойственный для языка дифтонг *уа*: *зуани* 'что делать'.

Упомянутые в статье согласные в дунганском языке встречаются чрезвычайно часто. Правда, фонологическая значимость их специалистами все еще подвергается сомнению. Нам же кажется, что лишь /б^в/ и /п^ф/ появляются в индивидуальном произношении, а фонематичность /г^в/, /к^ф/, /д^в/ и /т^ф/ совершенно очевидна. Об этом нами в свое время говорилось при систематическом описании дунганской фонетики [Имазов 1975]. А.А. Драгунов при рассмотрении фонологической системы языков изолирующего типа придерживался слогофонемной теории. Тем примечательнее, что здесь он был близок к признанию звукофонем. Говоря о тенденции к развитию дунганских согласных за счет сокращения гласных, А.А. Драгунов отмечал, что она в корне меняет структуру слогофонемы и «таит в себе зародыш перехода от стадии слогофонемной к стадии звукофонемной» [Драгуновы 1937]. В статье впервые констатируется также наличие силового ударения в языке и устанавливается любопытнейшая закономерность его распределения внутри слова: «Если тон первого слога 3-й (4-й), то ударение остается на нем, если же тон первого слога 1-й (2-й), то ударение падает на второй слог». Кстати, последняя закономерность и сегодня еще не получила дальнейшей разработки, хотя существует уже целый ряд работ, посвященных дунганским тонам и ударению [Завьялова 1979, Поливанов 1937, Яншансин 1940]. И самое важное в этой работе Драгунова — это то, что на основе весьма обширного языкового материала, используя сопоставительный метод, делается вывод о самостоятельности дунганского языка, сыгравший огромную положительную роль как в дальнейшем исследовании языка дунган, так и в его совершенствовании и развитии.

Следующей работой А.А. Драгунова, специально посвященной описанию дунганского языка, была монография о дунганском глаголе «Исследования в области дунганской грамматики. Категория вида и времени в дунганском языке (диалект Ганьсу)» [1940]. В ней А.А. Драгунов подробнейшим образом анализирует глаголы, устанавливая их основные особенности. Им впервые была замечена «большая, по сравнению с китайским, степень оформленности

дунганского глагола». По его наблюдению, «во всех тех случаях, где дунганский глагол является единственным или последним сказуемым во фразе, он должен быть обязательно оформлен». В этой же связи отмечается, что в дунганском языке имеются тенденции к образованию системы времен — настоящего, прошедшего и будущего, а также материальные средства ее выражения — суффиксы *-дини*, *-ли*, *-ни*. Здесь же автор говорит еще о двух, кроме суффикса *ли*, грамматических показателях прошедшего времени — суффиксах *-гуэ* и *-лэ*, первый из которых содержит указание на возможность неоднократного повторения действия и отнесенность его к неопределенному прошлому, а второй относит к прошлому не действие, а состояние. Большое место в монографии уделяется соотношению вида и времени глагола. Мысль о взаимосвязи этих двух категорий красной нитью проходит через всю работу. Но особенно четко она проведена при описании видовременной функции суффикса *-ли*.

Книга А.А.Драгунова о категории вида и времени является не только самой крупной его работой, посвященной проблемам дунганского языка, но, пожалуй, и последней. Однако вопросы языка дунган продолжают волновать и интересовать его, и он в разной связи по-прежнему рассматривает их. Золотой россыпью разбросаны они в монографии «Грамматическая система современного китайского разговорного языка» [1962]. В ней, в частности, содержится утверждение, которое, на наш взгляд, в большой мере раскрывает причину столь пристального внимания автора к языку дунган, а именно: «Данные дунганского языка особенно важны и интересны, поскольку многие из тех грамматических процессов, которые в других китайских диалектах только еще намечаются, нашли в нем свое дальнейшее развитие...». Как бы в подтверждение этому он развивает мысль о том, что здесь появляются морфологические показатели частей речи, что «система частей речи в дунганском языке приближается к системе европейской». Идея чрезвычайно важная, поскольку она идет вразрез с распространенной точкой зрения об аморфности так называемых слоговых языков и заставляет более внимательно отнестись к этому явлению при освещении проблемы частей речи, а следовательно, и более объективно, адекватно

действительности, описывать язык в целом. И как бы развивая эту идею, автор в другом месте этой работы пишет, что в дунганском языке отчетливо намечается тенденция к замещению всех счетных слов одним суффиксом предметности -гэ, который, по сути дела, стал морфологическим показателем числительных. Как дальнейшее развитие данной мысли следует рассматривать и замечание о том, что в дунганском языке во многих случаях перестала ощущаться связь между служебными и знаменательными словами.

Любопытнейшие наблюдения над дунганским языком зафиксированы в книге А.А.Драгунова «Исследования по грамматике современного китайского языка» [1952]. Описывая термины родства, ученый, например, обратил внимание на то, что в отдельных дунганских грамматических конструкциях притяжательное местоимение с -ди и без него может быть заменено существительным, оформленным на -ди. Т. е. обычные конструкции типа *та мама фэди* или *тади мама фэди* 'его мать говорит' могут быть заменены без изменения их смысла конструкцией *мамади фэди* 'его мать говорит'. Такое тонкое наблюдение мог сделать лишь незаурядный исследователь и отличный знаток дунганского языка, ибо конструкции, аналогичные последней, встречаются крайне редко. Рассматривая глаголы, он также заметил, что причастия от переходных глаголов могут субстантивироваться, превращаться в существительные, например: *чыди* 'еда', *хэди* 'питье', *чуанди* 'одежда'. В этой же работе А.А.Драгунов отметил отдельные интереснейшие особенности дунганского языка, которые, как он справедливо считает, объясняются двуязычием дунган и связаны с заимствованием слов из других языков. Так, в языке дунган наряду с ж-образным /р/ встречается раскатистый, дрожащий /р/, но только в заимствованных словах в позиции перед гласным. Имеется в виду согласный в словах типа *ракета*, *рамазан* и др. А суффикс множественного числа -му при существительных, обозначающих лица (напр.: *ва* 'ребенок' — *вamu* 'дети'), используется также при существительных, обозначающих коллективы, но только в тех случаях, если существительные заимствованные: *колхоз* 'колхоз' — *колхозму* 'колхозы'. Изменяется также порядок слов в некоторых конструкциях при использовании заимствованных слов: *чу ийди*

май 'первое мая' наряду с традиционным *вуйуэ чу ий* 'пятого месяца первое число'.

Итак, мы провели далеко не полную «инвентаризацию» тех проблем дунганского языка, которые нашли отражение в трудах А.А.Драгунова, — проблем, которые и ныне, десятки лет спустя, не перестали быть актуальными.

ЛИТЕРАТУРА

- Драгунов А.А.* Дунганский алфавит // Революция и письменность. — 1932, № 1—2.
Драгуновы А. и Е. Дунганский язык // Записки Института востоковедения АН СССР. VI. — Л., 1937.
Драгунов А.А. Исследования в области дунганской грамматики (диалект Ганьсу) // Труды Института востоковедения АН СССР. Т. XXVII. — М.-Л., 1940.
Драгунов А.А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. — Л., 1962.
Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. — М.-Л., 1952.
Завьялова О.И. Диалекты Ганьсу. — М., 1979.
Имазов М.Х. Фонетика дунганского языка. — Фрунзе, 1975.
Калимов А. А.А. Драгунов — основоположник дунганского языкознания // Разыскания по общему и китайскому языкознанию. — М., 1980.
Поливанов Е.Д. Музыкальное ударение, или «тонь» дунганского языка // Вопросы орфографии дунганского языка. — Фрунзе, 1937.
Яншансин Ю. Тоны и ударение в дунганском языке. — Фрунзе, 1940 (на дунг. яз.).

В.Б.КАСЕВИЧ

ТИБЕТО-БИРМАНСКИЙ КАУЗАТИВ И ПРИНЦИП ИКОНИЧНОСТИ

Категория каузатива широко распространена в тибето-бирманских языках. Способы ее выражения чрезвычайно многообразны: здесь присутствуют аффиксы (агглютинативные), как префиксы, так и суффиксы, служебные слова, преимущественно постпозитивные, внутренняя флексия (чередования инициалей, финалей, тонов — собственно тонов и фонационных типов).

Как нам уже приходилось писать [Касевич 1998 и др.], традиционная интерпретация семантики каузатива как разновидности причинно-следственных отношений [Недялков, Сильницкий 1969] нуждается в ревизии. Причинно-следственные отношения выделяются лишь тогда, когда одна ситуация с **необходимостью** влечет другую и, наоборот, наличие ситуации, являющейся следствием, столь же однозначно говорит о реальности обуславливающей ситуации (причины). Указанное соотношение не всегда выполняется в конструкциях с каузативной семантикой; примерной иллюстрацией могут служить русские предложения наподобие *Мать заставляет дочь учить уроки* или *Прораб заставляет рабочих переложить стенку*. Наличие каузирующей ситуации здесь бесспорно, но следствие — каузируемая ситуация — отнюдь не обязательно реализуется (дочь, возможно, все же не учит уроки, рабочие могут и не выполнить приказ прораба).

Кажется более обоснованным считать, что каузатив — это **семантический примитив**; иными словами, семантика каузативности не может быть сведена к какой-либо иной, которая оказалась бы «устроенной» проще, нежели каузативная.

Из сделанного допущения следует, что носители языка, где представлена грамматическая категория каузатива, классифицируют поддающиеся «оречевлению» ситуации на своего рода самостоятельные и несамостоятельные, вынужденные — реализующиеся под воздействием извне. Последние и будут каузируемыми. Каузируемая ситуация предполагает каузирующую, хотя обратное неверно; каузация может быть успешной и безуспешной, если каузатор в недостаточной степени контролирует ситуацию (см. выше).

Одна и та же ситуация может быть представлена и как простая, самостоятельная, и как каузируемая (наблюдая дочь, которая учит уроки, мы можем не знать, делает она это по собственному побуждению или же побуждение исходит от матери). В последнем случае эксплицитно указывается на наличие каузирующей ситуации. В языках с представленной категорией каузатива эта ситуация, как правило, носит семантически выраженный характер — ее содержание сводится к самому акту (факту) каузации.

Необходимое «прибавление» ситуации при передаче каузативной семантики позволяет, по-видимому, говорить о том, что в оппозиции «некаузатив ~ каузатив» первый ее член выступает немаркированным, а второй — маркированным. Обычно считается, что в подобных случаях имеет место реализация **принципа иконичности**: семантически маркированный противочлен образуется **добавлением** («прибавлением») служебной морфемы и / или характеризуется фонологически **маркированным** признаком (значением признака).

Обратимся к тибето-бирманскому материалу: соблюдается ли здесь принцип, кратко описанный выше?

В бирманском языке, оставляя в стороне немногочисленные случаи образования каузатива по конверсии, существует два способа каузативизации глаголов. Продуктивный заключается в употреблении агглютинативного суффикса *-сэй²*, ср. *ла²* 'приходить' $\Rightarrow$ *ла² сэй²* 'заставлять (способствовать и т.п.) приходить'; непродуктивный способ реализуется как чередование инициалей, где непридыхательный согласный заменяется на придыхательный, ср. *лу¹* 'быть свободным' $\Rightarrow$ *хлу¹* 'освобождать (посылать и т.п.)'. В обоих случаях наблюдается соотношение, предсказываемое принципом иконичности: продуктивный способ состоит в «удлинении» морфологической цепочки, а непродуктивный — в использовании маркированного значения признака для получения каузатива. Стоит заметить, что, как и во всех аналогичных случаях, характеристики с точки зрения маркированности зависят от внутрисистемных оппозиций; в «транскрипционно» идентичных двух парах единиц могут обнаруживаться прямо противоположные отношения. Так, например, для инициалей носовые выступают маркированными относительно неносовых, но для терминалей (и, отсюда, финалей) распределение признаков обратное. Поэтому замена финали с назальной терминалью на таковую с неназальной, как в кантонском (гуанчжоуском), не нарушает принцип иконичности, ср. *san* 'быть рассыпанным' $\Rightarrow$ *sat* 'рассыпать' [T'sou 1976, 84].

Несколько иную картину можно наблюдать на материале тибетского языка и его диалектов (которые, возможно, корректнее квалифицировать как самостоятельные близкородственные языки,

что несущественно для темы настоящего сообщения). Воспроизведем ряд примеров из статьи Sun Hongkai [1999, 194] для глаголов со значением ‘спать’ и ‘усыплять (укладывать спать и т.п.)’ соответственно (сохраняем транскрипцию автора): $\eta a l \Rightarrow b s \eta a l$ (письм., или классич. тиб.), $\eta a \Rightarrow h \eta a$ (лапулен), $\eta a^{55} \Rightarrow \eta a^{13}$ (деге), $\eta a^{14} \Rightarrow \eta a^{55}$ (лхасский). Если в лапулен аспирированность функционирует так же, как и в бирманском, а в случае деге можно посчитать, что и дополнительная характеристика сонанта (глухость), и замена ровного тона на восходящий суть равным образом фонологическое усложнение и, стало быть, маркированность, то в лхасском видим замену тона по прямо противоположному принципу — восходящий при переходе к каузативу замещается ровным.

Впрочем, можно сказать, что вопрос о распределении характеристик с точки зрения маркированности / немаркированности применительно к тональным системам разработан плохо. Но и при чередовании согласных (инициалей) можно видеть рассогласование некаузативности и немаркированности, с одной стороны, и каузативности и маркированности — с другой. Именно такова ситуация в языке *и* (лоло), где встречаем чередования наподобие ndu^{55} ‘гореть’ $\Rightarrow tu^{55}$ ‘жечь’ [Sun Hongkai 1999, 188]; преназализованный сложно трактовать как немаркированный по отношению к непреназализованному как маркированному — естественнее трактовать их прямо противоположным образом. Следовательно, принцип иконичности в данном случае не выполняется.

Что касается классического тибетского, то здесь способы образования каузативных глаголов столь разнообразны, что вообще трудно усмотреть в них соответствие какому-то определенному принципу (заметим, что такого рода ситуация подкрепляет словообразовательную трактовку каузатива); среди имеющихся примеров есть и явное усложнение структуры при образовании каузативных глаголов, ср. *bsnubs* от *nub* ‘исчезать’, и сохранение «уровня сложности», ср. *len* от *lon* ‘получать’.

Высказывалось предположение, что все каузативы, в том числе «апофонические», восходят к прототибето-бирманским формам с префиксом *s- [Sun Hongkai 1999]. Рефлексами префикса можно считать оглушение и / или приобретение аспирированности

у инициалей, равно как и изменение тонов у гласных. Само по себе утверждение о рефлексии *s- едва ли вызывает сомнения. Но тогда мы можем прийти к выводу о том, что «в своих истоках» тибето-бирманские языки проявляли существенно большую степень иконичности (по крайней мере, применительно к категории каузатива), нежели их современные потомки, в которых соответствующие историко-фонологические и грамматические процессы привели к нарушению регулярных соответствий, изоморфизма между формой и содержанием. Возможно, это и так. Смущает лишь определенная близость такого рода представлений к теории номинации Платона, согласно которой «первый учредитель имен устанавливал их в соответствии с тем, как он постигал вещи» [Платон. «Кратил», 435b]...

ЛИТЕРАТУРА

- Касевич В.Б. Арабские глагольные породы и системные связи семантики каузатива // Африка: общества, культуры, языки: Материалы выездной сессии Научного совета. — М., 1998.
- Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив. — Л., 1969.
- Платон. Кратил // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 1. — М., 1994.
- Sun Hongkai. The category of causative verbs in Tibeto-Burman languages // Linguistics of the Tibeto-Burman area. 1999. Vol. 2, № 1.
- T'sou B.K. Homophony and internal change in Chinese // Computational analysis of Asian and African languages. 1976, № 3.

SUMMARY

The meaning of causatives is usually thought of as a variety of the cause-and-effect semantics. Actually, this is not the case, since a cause is identifiable, iff (if and only if) an effect necessarily brought about by this cause is produced, while the causative semantics does not really presuppose a necessary effect as its integral component. Another interesting issue is the type of relationship between form and substance in causative verbs. The Iconicity Principle predicts that the causative verbs will display «additional» morphemes and / or marked phonological features (if formed by *Ablaut*) as compared to their simplex counterparts. The data drawn from a number of Tibeto-Burman languages show that the (morpho)phonological alternations underlying the causative verb formation are not strictly uniform; both unmarked and marked phonological values may be associated with causative derivation, the Iconicity Principle being consequently questioned.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

(НА ПРИМЕРЕ *гуаньюньюй*)

Гуаньюньюй (惯用语) представляют собой, как правило, трехсложные устойчивые словосочетания, передающиеся на письме соответственно тремя иероглифическими знаками. Некоторые исследователи применяют термин «трехморфемные словосочетания»; это представляется не совсем удобным, так как в трехморфемные словосочетания таким образом включаются и словосочетания терминологического характера [Алексиев 1998]. Существует также семантическая калька «привычные выражения».

В июне 1998 г. в Институте языкознания РАН состоялся Международный симпозиум, на котором было обращено особое внимание на новое направление в изучении фразеологических единиц языка — исследование фразеологии в контексте культуры. Исследователи-фразеологи едины во мнении, что «фразеологический состав (устойчивые несколькословные сочетания, воспроизводимые в речи как «готовые» ее заготовки) является наиболее прозрачным для воплощаемых средствами языка концептов «языка» культуры...» [Фразеология в контексте культуры 1999].

Гуаньюньюй образуют достаточно многочисленный разряд фразеологических единиц китайского языка, широко употребляемых как в устной, так и в письменной речи.

Не вызывает сомнений, что фразеологический состав языка выступает как одно из средств сохранения и передачи культурно-национального самосознания народа. Очевидно, благодаря своему свойству впитывать и сохранять то, что мы можем назвать национально-культурной спецификой фразеологического состава. При исследовании *гуаньюньюй* мы столкнулись со следующей проблемой: не всегда можно однозначно определить, что есть национальное и что есть культурное в каждой конкретной фразеологической единице (ФЕ). По поводу данного вопроса фразеологи еще не пришли к единому мнению. Так, например, В.Г.Гак считает целесообразным различать в ФЕ национально-специфическое

и культурно-обусловленное и на основе этого положения выделяет четыре типа [Гак 1999].

Мы предполагаем, что национально-культурная специфика заключается в «нагруженности» ФЕ культурно-значимой информацией, которая извлекается «на основе рефлексивного — бессознательного или осознанного — соотнесения этого живого значения ФЕ с теми «кодами» культуры, которые известны говорящему» [Телия 1996]. Вероятно, национально-культурная специфика получает свое материальное выражение через слова-реалии, обозначающие предметы материальной культуры данного народа и основные понятия культуры духовной, а также посредством уникального образного основания ФЕ, обязанного своим существованием особенностям менталитета носителей языка. Понятие национально-культурной специфики тесно связано с понятием культурной компетенции, которая предполагает способность слушателя / читателя правильно истолковать языковые знаки в «категориях культурного кода» [Телия 1996]. Чтобы обладать данной способностью, надо усвоить характерные для определенной культуры образы, символы, стереотипы, исторические события и факты и тому подобное.

С целью выявления этих своеобразных материальных носителей культурного кода был исследован корпус китайских привычных выражений — *гуаньюньюй* — численностью около 2600 единиц, зафиксированный в «Словаре новых привычных выражений» Ван Дэчуня [1996]. Выявленные компоненты с особыми культуроспецифичными значениями» [Вежицкая 1999], входящие в состав ФЕ, можно распределить по следующим группам: зоонимы, антропонимы, соматизмы, числа, слова-цветообозначения, мифологемы, теонимы и фольклорные образы. Как показал количественный анализ, самыми многочисленными группами являются соматизмы (15 %), числа (8 %) и зоонимы (6,6 %).

Результаты исследования убедительно свидетельствуют, что способ восприятия и организации окружающего мира «отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [Апресян 1995].

Проблема универсального и национально-специфичного находит благодатную почву среди *гуаньюньюй*. В процессе исследования было обнаружено, что данная проблема проявилась в виде плавной градации от случаев полной идентичности до уникальности способа концептуализации какой-либо ситуации или понятия (в качестве контрастивного фона был привлечен фразеологический фонд русского языка)¹.

Представляется вполне естественным, что «одинаковые / похожие базовые метафоры, формирующие корпус устойчивых словосочетаний, идиом, высказываний, обнаруживаются в большинстве европейских языков» [Брагина 1999]. Но не связанные ни общностью происхождения, ни общими культурными источниками или ощутимым пластом заимствований² китайский и русский языки являются примерами своеобразной «солидарности». Так, следующие пары китайских и русских ФЕ имеют одинаковое значение и совпадающую внутреннюю форму (являются эквивалентами): 泼冷水 *po leng shui* 'окатить холодной водой', 捞稻草 *lao dao cao* 'хвататься за соломинку', 举白旗 *ju bai qi* 'поднять белый флаг' и многие другие.

Далее, китайские и русские ФЕ могут иметь хотя и разные внутреннюю форму и компонентный состав, но быть построены по общей семантической формуле (аналоги), например: 乌头白 '[когда] воронья голова побелеет' и 'когда рак свистнет' — 'осуществление субъектом невозможного для него действия'; 泡蘑菇 'размачивать грибы' и 'тянуть канитель' — 'осуществлять длительный процесс'; 吹糖人 'выдувать сахарных человечков' и 'бить баклуши' — 'производить действие, не требующее больших усилий';

¹ Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. — М.: Русский язык, 1986. Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. — М.: Сюита, 1996.

² Общеизвестно, что китайский язык в силу особенностей своего устройства отторгает все чужеродное, а приняв, старается сделать «варваризм» максимально доступным для понимания. Поэтому в китайском языке есть достаточное количество семантических заимствований, но мало фонетических.

³ Возможно, данная внутренняя форма обусловлена легкостью рифмования числительных 7 *qi* и 1 *yi*. Недаром при произнесении, например, телефонных номеров числительное 1 *yi* произносится как *yaо*.

三七二十一 'трижды семь — двадцать один'³ и 'дважды два — четыре' (в знач. 'общеизвестная истина') — 'простое арифметическое действие').

Приведем примеры уникальных ФЕ, отражающих одинаковую ситуацию, но в каждом языке своим национально-специфичным способом. Например, понятие «такое время, которое никогда не наступит» кодируется (концептуализируется) в китайском и русском языках соответственно следующим образом: 猴年马月 '[в] год обезьяны [и] месяц лошади' и 'на морковкино заговенье' — 'неопределенно отдаленное время'. Приведем аналогичные примеры: 并蒂莲 'два лотоса на одном стебле' и 'два берега одной реки' — 'верные супруги'; 半斤八两 'полцзиня — восемь лян' и 'что в лоб, что по лбу' — 'одно и то же'; 八字没有一撇 'в иероглифе "八" нет ни одной черты'⁴ и 'конь не валялся' — 'ничего еще не начато, не сделано кем-либо'.

Итак, *гуаньюньюй* как составная часть фразеологического фонда современного китайского языка вносят свой вклад в процесс накопления и сохранения культурно значимой информации и обладают ярко выраженной национально-культурной спецификой. Существование китайских и русских ФЕ, являющихся эквивалентами или аналогами, а также уникальных способов отражения действительности средствами фразеологии, убедительно свидетельствует, что в каждом языке есть как национально-специфичное, так и универсальное.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексиев А. Някои наблюдения върху триморфемните съчетания в съвременния китайски език // Чуждоезиково обучение. — София, 1998. № 3/4.
Фразеология в контексте культуры. — М.: Языки русской культуры, 1999.
Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. — М.: Языки русской культуры, 1999.
Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
王德春 主编 新惯用语词典 Ван Дэчунь (главный редактор). Словарь новых привычных выражений. Шанхай 上海辞书出版社 изд. Шанхай цышу чубаньшэ, 1996.

⁴ Мотивация выбора данного образа, на наш взгляд, достаточно прозрачна — написать иероглиф «восемь» очень просто.

Т.П.Коростина. К вопросу об иностранных заимствованиях...

- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д.Шмелева, под ред. Т.В.Булыгиной. — М.: Языки русской культуры, 1999.
- Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры, 1995.
- Брагина Н.Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона // Фразеология в контексте культуры. — М.: Языки русской культуры, 1999.

SUMMARY

The article deals with one kind of Chinese idiomatic expressions — *guanyongyu*. The paper represents some results of studying *guanyongyu* that include specific cultural components. The author draws attention to the differences of the ways and means of expressing some concepts in Chinese and Russian languages.

Т.П.КОРОСТИНА

К ВОПРОСУ ОБ ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В каждом языке наряду с исконными словами имеется большое количество как древних, так и поздних заимствований. Китайский язык — не исключение, он также может выступать в качестве заимствующего, в качестве языка-реципиента, а языком-донором может являться любой иностранный язык.

Проникновение иностранных заимствований в китайский язык всегда являлось барометром социально-политических условий жизни китайского общества. При династии Хань, в начале нашей эры, в Китай пришло очень много заимствований по торговым маршрутам Центральной Азии. Позднее распространение буддизма в Китае внесло свою часть заимствованных слов. После воцарения маньчжурской династии в 17 в. появились новые термины, относящиеся к жизни двора, правилам этикета и распространившиеся затем среди простого народа. Но все же количество заимствованных лексических единиц по сравнению с китайскими было невелико. Китайское общество переживало период феодализма и замкнутости.

К середине 18 в. ситуация претерпела значительные изменения. В новое и новейшее время, во времена колониальной экспансии

зарубежных держав, Китай начинает активно контактировать со многими странами, что влечет за собой необходимость усвоения иностранных научных, технических знаний, общественно-политических учений, а следовательно, и появление огромного числа заимствованных лексических единиц.

В настоящее время, в эру новых технологий и расширяющихся международных контактов, все более возрастает количество новых реалий и понятий в экономике, науке, политике, культуре. Поэтому в китайском языке, как и во многих других языках мира, каждый год появляются новые слова и заимствования (по подсчетам китайских ученых — около 800). Но процесс заимствования в китайском языке, как и многие другие языковые явления, отличается определенной спецификой. Причина тому — действие многих языковых факторов, препятствующих проникновению в китайский язык иноязычных лексических единиц. Среди них:

1. Фиксированное количество слогов и строго ограниченная сочетаемость звуков, что создает большие трудности для звукового воспроизведения иностранных слов.

2. Тонирование слогов, что не дает возможности сохранить полное тождество звучания слова в языке-доноре и языке-реципиенте.

3. Семантическая значимость слогоделения, когда из-за наличия значения каждого слога, записываемого иероглифом, сам иероглиф уже ассоциируется с каким-либо значением и не может служить только средством фонетической записи звуков (слогов) в отвлечении от закрепленного за ним собственного значения.

Кроме того, китайский язык, как любой другой язык мира, не просто заимствует слова. Заимствование нельзя рассматривать как чисто механическое включение иностранного слова в состав языка-реципиента. Процесс этот протекает значительно сложнее. Обычно слово, проникая, например, в русский язык, оформляется фонетически и грамматически как русское слово. Поэтому проникновение в любой язык заимствований не приводит к «искажению» языка, к утрате каких-либо его самобытных черт. Напротив, сами заимствования приспособляются к языку, к особенностям его произношения, грамматики, словообразования, т. е. осваиваются.

Указанные выше факторы приводят к тому, что заимствования в китайском языке обладают ярко выраженной спецификой, они сильно «китаизированы», и часто бывает очень трудно отличить их от исконных лексических единиц.

Как известно, лексические заимствования делятся по способу образования на три типа:

1. 音译 yīnyì фонетические;
2. 意译 yìyì семантические;
3. 一半音译一半意译 yībàn yīnyì yībàn yìyì фонетико-семантические.

Каждый из этих типов имеет свои разновидности.

Среди заимствований фонетического типа по степени фонетического освоения можно выделить три разновидности:

а) заимствования с полным фонетическим освоением, т. е. когда звучание слова в языке-источнике и заимствующем языке совпадает. Например: 杜马 dùmǎ ‘Дума’ (от русск. Дума), 摩登 móděng ‘современный’ (от англ. modern).

б) заимствования с неполным фонетическим освоением, т. е. когда звучание иностранного слова близко фонетическому облику слова, возможному в китайском языке при заимствовании. В таких случаях видоизменяется один или два гласных или согласных, или выпадает конечный согласный. Например: 布丁 bùdīng ‘пудинг’ (от англ. pudding), 沙龙 shālóng (от франц. saloon).

в) заимствования с частичным фонетическим освоением, т. е. когда звучание заимствованных слов в китайском языке лишь приближается к звучанию слов языка-источника (видоизменяются и согласные, и гласные, к согласным языка-источника добавляется гласный, а точнее, согласный заменяется целым слогом). Например: 巧克力 qiáokèlì ‘шоколад’ (от англ. chocolate), 拷贝 kǎobèi ‘копия’ (от англ. copy).

По степени семантического освоения у фонетических заимствований можно также выделить три разновидности:

а) заимствования с полным семантическим освоением. Каждый иероглиф не только передает звучание заимствуемого слова, но и значение, например: 香波 xiāngbō ‘шампунь’ (от франц. shampoo) состоит из иероглифов ‘ароматный’ + ‘волна’.

Очень часто для названий товаров, фирм, магазинов подбираются такие иероглифы, которые привлекают внимание потребителей и передают положительный смысл, например: 可口可樂 kěkǒukělè 'кока-кола' (букв. 'каждый глоток доставляет радость').

б) заимствования с неполным семантическим освоением, в которых все компоненты передают звучание заимствованного лексического комплекса, но только один из компонентов вносит в комплекс определенное лексическое значение.

Так, в слове 芒果 mángguǒ 'манго' (от малайск. mango) второй элемент передает звучание слога -go и показывает, что данная лексическая единица является названием какого-то фрукта.

Фонетическим способом заимствованы названия многих тканей.

В современном китайском языке набирает силу тенденция к семантическому освоению фонетических заимствований. Но все же остаются и такие фонетические заимствования, которые передают только звучание слова.

в) заимствования с отсутствием семантического освоения: 派力斯 pàilìsī 'палас' (перс. 'ткань'), 克非儿 kèfēi' 'кефир' (русск.).

Фонетические заимствования можно разделить на группы по степени графического освоения:

а) графически освоенные заимствования. К ним относятся названия ряда химических элементов, например: 锌 xīn Zn 'цинк' (от лат. zinc) и некоторые другие, в составе которых содержится ключ «металл», указывающий на принадлежность данных реалий к классу металлов.

Сюда же можно отнести и фонетическое заимствование 柠檬 níngméng 'лимон' (от перс. limun), в каждом из иероглифов которого содержится ключ 木 «дерево», показывающий, что данное заимствование принадлежит к классу растений.

б) графически неосвоенные заимствования включают такие лексические единицы, как: 马克 mǎkè 'марка' (от нем. Mark), 加答儿 jiādǎ'ér 'катар' (от греч. katarrhoos) и др.

Показательно, что многие фонетические заимствования являются основой для новых номинаций. Например, 咖啡 kāfēi 'кофе'

входит в состав таких лексических единиц, как: 速溶咖啡 sùróng kāfēi ‘быстрорастворимый кофе’, 咖啡馆 kāfēiguǎn ‘кофейня, кафе’, 咖啡碱 kāfēijiǎn ‘кофеин’, 咖啡磨 kāfēimó ‘кофемолка’ и др.

Обрастая производными и образуя структурно-семантические группы, фонетические заимствования постепенно закрепляются в языке. В целом фонетических заимствований в китайском языке не так уж и много. Гораздо более многочисленные группы составляют семантические и фонетико-семантические заимствования.

Заимствования второго типа — семантические заимствования (иначе кальки) — бывают двух разновидностей:

а) структурные кальки, т. е. кальки, заимствующие структуру иностранного термина и дающие буквальный перевод слова по частям: 蜜月 mìyuè ‘медовый месяц’ = мед + месяц, 山村 shāncùn ‘аул’ = горы + деревня, 黑人 hēirén ‘негр’ = черный + человек, 同路人 tónglùrén ‘попутчик’ = совместный + дорога + человек.

б) этимологические кальки — кальки, раскрывающие содержание иностранного слова безотносительно к его структуре: 物物交换 wùwù jiāohuàn ‘бартер’ = вещи + обмен, 投资 tóuzī ‘инвестиция’ = вкладывать + капитал, 蝶泳 diéyǒng ‘баттерфляй’ = бабочка + плавать, 望远镜 wàngyuǎnjìng ‘бинокль’ = смотреть + далеко + зеркало.

Среди семантических заимствований нужно особо выделить заимствования, образованные по схеме: «семантическое заимствование + исконно китайский родовой компонент». К заимствованиям такого рода можно отнести: 轮舞 lúnwǔ ‘хоровод’ = круг + танец, 管风琴 guǎnfēngqín ‘орган’ = трубка + ветер + музыкальный инструмент, 摇篮曲 yáolánqǔ ‘колыбельная’ = качать + корзина + песня и др.

В последние годы в китайском языке явно прослеживается тенденция к замене фонетических заимствований семантическими. Так, к примеру, фонетическое заимствование 莱塞 láisài ‘лазер’ — прибор для получения чрезвычайно интенсивных и узконаправленных пучков светового излучения (от англ. laser, сокр. light amplification by stimulated emission of radiation) было заменено семантическим заимствованием 激光 jīguāng ‘лазер’ = ‘резкий’ +

‘луч, свет’, которое получило большее распространение и уже имеет образованные от него многосложные единицы: 激光唱片 jīguāng chángpiàn ‘компакт-диск’, 激光视盘 jīguāng shìpán ‘лазерный видеодиск’.

Третий вид заимствований — фонетико-семантические заимствования — можно разделить на следующие пять разновидностей:

а) фонетическое заимствование + исконно китайский родовой компонент. Это наиболее обширная группа фонетико-семантических заимствований. К ней относятся: названия танцев, образованные по схеме «х + 舞 wǔ ‘танец’», напр.: 芭蕾舞 bālěiwǔ ‘балет’ (от франц. ballet), 华尔兹舞 huá'ěrsīwǔ ‘вальс’ (от нем. walzer), 探戈舞 tāngēwǔ ‘танго’ (от исп. tango); названия алкогольных напитков, образованные по схеме «х + 酒 jiǔ ‘вино, алкогольный напиток’», напр.: 啤酒 píjiǔ ‘пиво’ (от англ. beer), 砵酒 bēnjiǔ ‘портвейн’ (от нем. portwein); названия пищевых продуктов, образованные при помощи различных родовых компонентов, напр.: 色拉油 sèlāyóu ‘майонез’ (sèlā — фонетическая запись итальянского salato + родовой компонент 油 yóu ‘масло’); названия национальностей, образованные по схеме «х + 人 rén ‘человек’», напр.: 爱尔兰人 ài'ěr'lán rén ‘ирландец’, 西班牙人 xī'bānyǎ rén ‘испанец’ и др.; названия музыкальных инструментов, образованные по схеме «х + 琴 qín ‘музыкальный инструмент’», напр.: 维奥拉琴 wéi'ōulā qín ‘виола’.

Следует отметить, что в фонетико-семантических заимствованиях данного типа заимствоваться может звучание как целого слова: 维奥拉琴 wéi'ōulāqín ‘виола’ (от итал. viola), так и его части: 啤酒 píjiǔ ‘пиво’ (от англ. beer).

Нужно отметить, что родовой компонент не присутствует в заимствуемом слове в языке-источнике и добавляется китайцами для того, чтобы придать фонетическому заимствованию семантическую определенность. Поэтому заимствования данной разновидности следует отличать от заимствований, относящихся к следующей разновидности.

б) фонетическое заимствование + исконно китайская лексическая единица, например: 苏打水 sūdǎshuǐ ‘содовая вода’ (sūdǎ — фонетическая запись английского soda + 水 shuǐ ‘вода’).

в) третья разновидность фонетико-семантических заимствований: семантическое заимствование + фонетическое заимствование, например: 银行卡 yínhángkǎ 'банковская карточка' (银行 yínhang 'банк' + kǎ — фонетическая запись английского card 'карточка').

г) заимствования четвертой разновидности образуются по схеме «китайский исконный компонент + заимствованный родовой компонент».

д) заимствования пятой разновидности образуются по схеме «заимствованный префикс + китайская лексическая единица». Например: 迷你电脑 mínǐdiànnǎo 'миникомпьютер' (mínǐ — фонетическая запись английского mini 'мини' + 电脑 diànnǎo 'компьютер'), 摩托车竞赛 mótuōchē jìngsài 'мотогонки' (mótuō — фонетическая запись английского moto 'мото' + 车 chē 'машина' + 竞赛 jìngsài 'соревнование').

Как видим, иностранные заимствования в китайском языке весьма разнообразны и по способу образования, и по составу. Однако новые лексические заимствования распространились далеко не по всей территории Китая. При сопоставлении китайской лексики севера и юга проявляются некоторые различия. Южная часть Китая более развита в экономическом отношении, имеет более широкие международные связи, поэтому многие заимствования, уже получившие широкое распространение на юге, еще не известны или не являются общеупотребительными на севере страны:

	север	юг
автобус	公共汽车 gōnggòngqìchē	巴士 bāshì (от англ. bus),
такси	出租车 chūzūchē	的士 dìshì (от англ. taxi),
юбка	超短裙 chāoduǎnqún	迷你裙 mínǐqún (от англ. miniskirt).

Данные языковые факты еще раз наглядно подтверждают, насколько сильно влияние экстралингвистических факторов на языковую, и особенно лексическую систему.

В настоящее время в китайском языке идет активный процесс пополнения лексики за счет заимствований. Большинство заимствованных единиц приходит из европейских языков, прежде всего из английского в его американском варианте. Нельзя утверждать,

что все без исключения заимствования уже имеют статус единиц китайской лексики. Любая новая лексическая единица от рождения до утверждения в языке-реципиенте проходит несколько этапов. Часть заимствований меняет свою форму, другая отмирает, заменяясь китайскими словами или новыми заимствованиями. Выживают лишь те заимствованные единицы, которые отвечают нормам китайского языка, отражают его уникальную специфику.

ЛИТЕРАТУРА

- Горелов В.И. Лексикология. — М.: Просвещение, 1984.
Иванов В.В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. — М.: Наука, 1973.
Откупщиков Ю.В. К истокам слова. — М.: Просвещение, 1973.
Семенов А.Л. Особенности лексических заимствований в китайском языке // Вопросы языкознания, 1997, № 1.
Современный словарь иностранных слов / Под ред. Гришиной Е.А. — СПб., 1994.
Newham R. About Chinese. — Harmondsworth: Penguin Books, 1980.
揚子晚报. 1997年9月27日.
生活时尚. 1999年12月13日.
汉俄分类词汇手册. 北京: 商务印书馆. 1993.

И.В. КОЧЕРГИН

ОПЫТ ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НЕПОДГОТОВЛЕННОГО МОНОЛОГИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В обучении устной речи на китайском языке преподаватели часто сталкиваются с проблемой недостаточности лингвистической теоретической базы для формирования практических навыков и умений, а также с отсутствием объективных данных о единицах речи разного уровня, которые могли бы выступать в качестве нормы в процессе тренировки и в качестве критерия оценки при контроле.

Наиболее распространенным продуктом устной речевой деятельности является неподготовленное монологическое высказыва-

ние (НМВ). Под НМВ понимается речевое произведение монологического характера, объемом более 1 простого предложения, порождаемое в процессе диалогического общения двух или более коммуникантов как реакция на внешний стимул или как побуждение к ответному высказыванию.

Такое речевое произведение обусловлено ситуацией общения и коммуникативной задачей говорящего и характеризуется структурно-семантическим единством, логической и языковой оформленностью, т. е. обладает всеми признаками устойчивой единицы речи, самостоятельному порождению которой необходимо обучать.

Чтобы обеспечить обучаемым ориентировочную основу для последующего формирования навыков и умений порождения НМВ на китайском языке, требуется всестороннее изучение его логической и языковой структуры с целью выяснения общего и особенного в сопоставлении с русским языком. Для китайского языка такая задача является особенно актуальной, поскольку до настоящего времени проблема организации речевого произведения на уровне большем, чем предложение, тем более как объекта обучения, в китаеведении не ставилась.

Для достижения этой цели была подвергнута лингвостатистическому анализу с применением приемов вероятностной и симптоматической статистики выборка китайских высказываний, относящихся к категории НМВ, средним объемом 5,5 простых предложений, представляющих естественную речь носителей китайского языка. При этом в выборку вошли речевые произведения (тексты) двух основных типов — сообщение и рассуждение.

Мы исследовали те основные характеристики НМВ на китайском языке, их количественные и качественные показатели, которые могли бы послужить ориентировочной основой для обучения и критерием для оценки самостоятельных высказываний, порождаемых обучаемыми.

Эти характеристики содержатся в трех планах речевого произведения как продукта речемыслительной деятельности — предметном плане (система денотатов), плане смыслового содержания (иерархия предикатов) и плане языкового оформления (средства межфразовой связи).

Статистическое обследование отобранного материала проводилось с целью: 1) установить применимость для китайского языка рассмотрения структуры неподготовленного монологического высказывания как текстового суждения; 2) установить преимущественный способ развертывания мысли, т. е. формально-логическую структуру для каждого типа монологических высказываний на китайском языке; 3) установить среднестатистические показатели числа денотатных и предикативных связей в каждом типе китайских НМВ как качественных характеристик предметного плана и плана содержания; 4) выявить основные средства межфразовой синтаксической связи, а также иные характеристики китайского НМВ, отличающие его от аналогичных высказываний в русском языке.

Анализ полученных результатов позволяет нам сделать следующие выводы.

1. При обучении логическому структурированию самостоятельных высказываний обучаемых в качестве теоретической основы может быть принят подход к высказыванию как к текстовому суждению.

2. Логико-композиционная структура китайских НМВ по основным характеристикам близка структуре аналогичных речевых произведений на русском языке. Независимо от типа, высказывание должно иметь трехчастную структуру, содержать в своем составе тезис, отражать преимущественно дедуктивный способ развертывания мысли, иметь в составе контактный элемент.

3. Внутреннее содержание китайских НМВ характеризуется тем, что в них на одну денотативную связь всегда приходится более одной предикативной. В русском языке — наоборот. Более высокий, по сравнению с русским языком, динамизм китайской речи свидетельствует о более высокой частотности употребления глаголов и других частей речи в глагольной функции.

4. Лексическое богатство китайских НМВ характеризуется более низкими, чем в русском языке, показателями. Нижний предел для китайских высказываний-рассуждений составляет 79 %, для высказываний-сообщений — 88 %. В русском языке, соответственно, 98 % и 97 %.

5. Показатели разнообразия грамматических структур в речевых произведениях на китайском и русском языках близки и составляют от 95 % до 97 %.

6. Основным средством межфразовой синтаксической связи в китайских НМВ является эксплицитный лексический повтор и повтор-субституция. Наиболее часто повторяются лексические единицы, выражающие подлежащее (45,9 %), прямое дополнение (18 %) и сказуемое (13 %).

7. Логический тип межфразовой синтаксической связи является основным, он составляет примерно $\frac{1}{4}$ всех зафиксированных в китайских НМВ типов связи. Его особенностью является то, что, несмотря на наличие в системе языка значительного арсенала формально-грамматических средств выражения логических отношений, в процессе речевого общения они используются весьма ограничено. Кроме того, более чем в $\frac{1}{3}$ всех отмеченных случаев межфразовой связи логического типа связь между предложениями устанавливается интонационно.

8. Основными маркерами выделения текстового предиката являются пауза и интенсивность в зоне «текстовый субъект — текстовый предикат». Пауза в этой зоне по своей длительности превышает среднюю длительность межфразовой паузы в данном речевом произведении, а интенсивность произнесения резко возрастает в пределах первого ритмического слова инициальной синтагмы текстового предиката. В зоне «текстовый предикат — вывод» основным показателем границы текстового предиката является полная интонационная завершенность его финальной синтагмы, выражающаяся в резком падении мелодического контура и интенсивности, а также следующая за этим длительная пауза.

9. Относительный темп речи в китайских НМВ составляет 220—250 слогов в минуту, а соотношение времени пауз и времени чистого звучания составляет 55 %—61 %, что значительно выше, чем в русском языке, и свидетельствует об очень высоком абсолютном темпе неподготовленной китайской речи.

Полученные результаты позволяют с достаточно высокой точностью спрогнозировать учебные трудности при формировании навыков порождения НМВ на китайском языке при обучении

диалогической речи и разработать эффективную систему упражнений для успешного преодоления этих трудностей.

SUMMARY

While practicing Chinese speech patterns teachers often feel lack of theoretical information and complete speech units data. Such data is essential for teaching process, where it should be included as model while teaching and serve as a criterion for assessment. The most widespread speech unit is a spontaneous utterance. Such utterance became the object of linguo-statistic analysis, the results of which have practical importance for teaching.

В.А. Курдюмов

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

1. Типология китайского языка как типичного изолирующего и во многих отношениях ярко «топикового» предоставляет лингвистам широчайшие возможности для углубленного понимания и переосмысления ряда некоторых традиционных лингвистических понятий, категорий и ценностей. Одной из таких категорий является сложное предложение.

2. До настоящего времени в общем и частном языкознании господствует атомистское / структуралистское / словоцентристское понимание сложного предложения как связанной суммы простых («синтаксическая конструкция, образующаяся на основе союзных связей сочинения и подчинения или нулевой союзной связи — бессоюзия» [ЛЭС-90, 471]). Полипредикативность сложного предложения при этом комментируется как наличие двух и более предикативных центров. Подобное понимание ничего не дает для уяснения сущности явления, т. е. никак не соприкасается с ответами на два основных вопроса: 1) как интегрируется сложное предложение в вертикаль уровней языка при рассмотрении последнего как многомерной динамической системы (проще говоря, является ли оно уровнем языка) и 2) какое место занимает сложное предложение в синхронном генезисе (порождении / восприятии) речи

(в т. н. *предикационной цепи* в терминах *предикационной концепции языка* [Курдюмов 1999]).

3. Почему именно китайский язык предоставляет возможности для более сущностного изучения природы сложного предложения? Потому что, несмотря на все усилия европейских лингвистов, в нем нормативизированы принципы грамматики, присущие спонтанному говорению и, вследствие этого, считающиеся «незаконными», «подпольными» в языках с флективной синтетической («подлежащей») литературной нормой. Нормативная грамматика китайского языка во многом легализует спонтанные устные построения, например, языка русского.

Приведем совершенно элементарные примеры, знакомые даже студентам начальных курсов:

他不来是一件怪事。‘Странно, что он не идет’ (‘он не идет суть странное дело’; возможный русский эквивалент в разговорной речи: ‘Он не идет / странно’);

我来北京已经三年了。‘Прошло три года с тех пор, как я приехал в Пекин’ (‘я приехал в Пекин уже три года’; возможный русский эквивалент в разговорной речи: ‘Я приехал в Пекин / (да) уже три года (как)’);

他们不来怎么办呢！‘Как быть, если они не придут!’ (‘они не придут как быть’; возможный русский эквивалент в разговорной речи: ‘(А) они не придут / как быть!’)

Согласно традиционной грамматике Горелова, это простые предложения с «включенной частью», которые, однако, в русле русской литературной нормы переводятся как сложные.

4. Во многих курсах общего перевода вполне закономерно рекомендуется трансформировать русские условные конструкции в китайские бессоюзные и, наоборот, обращать особое внимание на перевод бессоюзных конструкций в китайских текстах как сложноподчиненных с (чаще всего) придаточными условия, причины и т. п. Приведем, опять же, элементарные примеры:

你有事你先走。(=如果你有事，你就先走)
‘(Если) у тебя дела, (то) можешь уйти’.

粮食多了我们换机器。(=如果粮食多了，我们

就换机器) '(Если) продуктов много, (то) мы поменяем их на аппаратуру'.

5. Совершенно очевидно, что в подобных китайских конструкциях вторая часть предикцирует первую, то есть является не только ремой по отношению к ней, но и комментарием, при этом первая часть — почти явно выраженный топик. (Выводы, которые следуют ниже, безусловно делаются на основе анализа большого количества разнообразных сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных конструкций.)

Следовательно:

1. Сложные предложения характеризуются не только механической структурной полипредикативностью, но и предикативностью предложения как целого (сложное предложение такое же единство, как простое).

2. Части сложного предложения более или менее явно вступают в предикативные отношения; сложные предложения представляют собой либо «топиковые» (в спонтанной устной речи применительно к подлежащим языкам), либо «от-топиковые» (в литературной речи применительно к подлежащим языкам) структуры.

3. В плане генезиса формы (диахронии создания уровней) «предшественниками» сложных предложений являются элементарные предикативные («топиковые») структуры; если простые предложения суть непосредственные «выразители» идеи, то со сложных предложений начинаются уровни «разверток» идеи (сложное предложение, СФЕ, текст, индивидуальное и перекрестное говорение, всеобщее говорение).

4. Описанный генезис должен пониматься как в плане диахронии, так и в плане синхронии: сформулированная в сознании элементарная идея на одном из участков порождения (и зеркально — восприятия) подвергается «дроблению» на составляющие свернутые идеи; в этом смысле сложное предложение принципиально не отличается от любых других конструкций со свернутыми предикатами (герундиальными, причастными, деепричастными и т. п. оборотами).

5. Различные структурные типы сложных предложений (сложносочиненные, сложноподчиненные, бессоюзные, а также разно-

О.М.Мазо. О некоторых «нестандартных» употреблении древнекитайского...

видности внутри типов) есть разные подуровни внутри субъективно локализуемого уровня сложного предложения, поскольку в реальности вертикаль уровней является непрерывной.

ЛИТЕРАТУРА

Лингвистический энциклопедический словарь [ЛЭС-90]. — М.: Сов. энциклопедия. 1990.

Курдюмов В.А. Идея и форма. Основы предикционной концепции языка. — М.: Воен. ун-т, 1999.

SUMMARY

The nature of the compound sentence in Chinese demonstrates that in any language within any (literature or colloquial) norm it is a derivative and, at the same time, a representer of «topic-comment» structures. Such as the clause the compound sentence expresses an *idea* but includes compressed ideas (subdivided clauses) itself, so in diachrony it is a level of the language (the language as a multidimensional dynamic system), formed after clause. In synchrony it is the result of division of the initial idea in mind (in so called predication chain) which is to be reunited again while comprehension.

О.М.Мазо

О НЕКОТОРЫХ «НЕСТАНДАРТНЫХ» УПОТРЕБЛЕНИЯХ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО СУФФИКСА *-h

1. У древнекитайского суффикса *-h (в реконструкции Старостина [Старостин 1989, 1994] существует несколько функций и значений. Одной из наиболее изученных является образование имен от глаголов и глаголов от имен [Ван 1982, Мазо 1998, Яхонтов 1965, Baxter 1992, Forrest 1965, Pulleyblank 1962]. Однако существуют еще несколько случаев словообразования с помощью морфемы *-h, никак не связанных с изменением частеречной характеристики слова. Эти пары (их 13) не представляют собой единый класс, а делятся на несколько групп в зависимости от изменения семантики слов, а также семантики их актантов.

Следует подчеркнуть, что существует несколько подходов к определению частей речи в древнекитайском языке. Это связано

с отсутствием морфологических и фонетических критериев для их выделения, а также с тем, что большинство слов может занимать как позицию актанта, так и предиката, и без контекста определить их частеречную характеристику сложно.

Все рассматриваемые ниже слова могут употребляться в любой синтаксической позиции. В позиции предиката они имеют значение действия или качества, в позиции актантов они могут иметь разные значения: объекта, агенса, имени действия и т. д. Словообразовательные процессы, рассматриваемые ниже, связаны в основном с употреблением слов в предикативной позиции: происходит либо изменение диатезы (каузация), либо слово сочетается только с определенным типом дополнения, либо в слове отражается роль субъекта. В некоторых случаях меняется семантика слова: одно из его производных значений получает новое написание и выделяется в отдельное слово, или в значение слова привносится оценочное значение.

2. Имеющиеся пары можно разделить на 5 групп, которые, в свою очередь, иногда делятся на подгруппы. Для слов приводятся современные чтения, а также их среднекитайское произношение в реконструкции Старостина.

2.1. К первой группе относятся 2 пары, в которых суффикс указывает на наличие прямого дополнения определенного типа: *yu³ ɣö²* ‘говорить (что)’ — *yu³ ɣö⁴* ‘говорить (кому)’ и *yang³ jaŋ²* ‘кормить (нижестоящего)’ — *yang³ jaŋ⁴* ‘кормить (вышестоящего)’.

Такое «направительное» значение, т. е. указание на некоторый актант как на затронутый действием глагола, не восстанавливается для прасинотибетского *-s, к которому восходит древнекитайский *-h. Возможно, появление такого «нестандартного» значения у суффикса связано с тибето-бирманской морфемой *-t, у которой выделяют несколько значений, связанных с дополнением, в частности и аппликативное [Michailovsky 1987, Driem 1993]. Эта морфема не сохранилась в древнекитайском языке, и суффикс *-h мог в некоторых случаях употребляться вместо нее.

2.2. Ко второй группе относятся 2 пары, в которых *-h служит для образования каузативов: *yin³ ʔim²* ‘пить’ — *yin⁴ ʔim⁴* ‘поить’, *yuən³ wən²* ‘быть далеким’ — *yuən³ wən⁴* ‘удалить’.

Следует отметить, что суффиксальная каузация нетипична для древнекитайского языка, в котором большинство глаголов может употребляться в каузативном значении без изменения формы. Однако для прасинотибетского *-s каузативное значение реконструируется как основное.

2.3. К третьей группе относятся две пары, в которых суффикс имеет оценочное значение: *hao³ xāw²* ‘быть хорошим’ — *hao⁴ xāw⁴* ‘любить, т. е. считать хорошим’ и *wei¹ ?wǐj¹* ‘пугать’ — *wei¹ ?wǐj⁴* ‘бояться, т. е. считать пугающим’.

Такого значения нет ни у прасинотибетского *-s, ни у тибето-бирманского *-t, и оно обычно не получает никакого морфологического выражения в древнекитайском языке.

2.4. Четвертая группа представлена словами, указывающими на нахождение объекта в пространстве. Их можно разделить на две подгруппы в зависимости от того, активным или пассивным является первый актанта. Такие значения также не встречаются в других синотибетских языках.

2.4.1. К первой подгруппе относятся 3 пары, в которых суффикс указывает на то, что субъект является активным участником ситуации: *yuan³ wān²* ‘быть далеким’ — *yuan³ wān⁴* ‘покинуть / держаться подальше от кого/чего’, *zhong¹ tǔn¹* ‘находиться в центре’ — *zhong⁴ tǔn⁴* ‘достать до чего, поразить цель’, *xiā⁴ ʔa⁴* ‘быть внизу’ — *xiā⁴ ʔa⁴* ‘опустаться’.

Видимо, в силу статичности предмета в случае его пассивного участия в ситуации именно бессуффиксальная форма используется при употреблении слова в качестве послелого или локатива, указывающего на некоторое место в пространстве: середину, низ или дальность.

2.4.2. В этой подгруппе 2 пары, в которых суффиксальная форма, наоборот, указывает на пассивную роль участника ситуации: *shang⁴ zān²* ‘подниматься’ — *shang⁴ zān⁴* ‘быть верхним’ и *nā⁴ nāp⁴* (древнекитайское *nāp*) ‘вносить / впускать’ — *nei⁴ nōj⁴* (древнекитайское *nāc* < *nāps*) ‘быть внутри’.

2.5. К пятой группе относятся 2 пары: *you³ jew²* ‘правая сторона, быть справа’ — *jou⁴ jew⁴* ‘помогать’ и *zuo³ cā⁴* ‘левая сторона, быть слева’ — *zuo³ cā⁴* ‘помогать’. Отдельные иероглифы для значения

«помогать» появились позже и являются, как и чтение, производными.

Безусловно, у **-s* и у **-t*, равно как и у других синотибетских и древнекитайских аффиксов, не было специальной функции преобразования производного значения одного слова в основное значение другого. Скорее всего, из-за бедности морфологии суффикс **-h* (помимо него в древнекитайском языке был еще один суффикс **-ʔ*, который, по-видимому, не имел своего значения и использовался в тех же случаях, что и **-h*) использовался для передачи различных значений, которые никак не были связаны с его основными значениями.

3. Таким образом, у суффикса **-h*, помимо функции перевода из одной семантической части речи в другую, было еще несколько функций, а именно: указание на вид дополнения, на смену диатезы, на изменение роли субъекта, на оценку субъектом объекта, на сужение семантики слова. Некоторые из них, такие, как образование каузатива и указание на тип дополнения, встречаются в других синотибетских языках и могут быть реконструированы для прасинотибетского **-s* или тибето-бирманского **-t*. Для других скудность фактического материала не позволяет судить, насколько продуктивным было то или иное словообразование и с уверенностью говорить об особых значениях суффикса **-h*.

Вполне вероятно, что какие-то из рассмотренных случаев являются случайными совпадениями или, как уже отмечалось выше, суффикс **-h* помимо своих основных мог быть использован для выражения любых значений.

ЛИТЕРАТУРА

- Мазо О.М. Аффиксация в древнекитайском языке // Материалы IX Международной конференции по китайскому языкознанию. — М., 1998.
- Старостин С.А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. — М., 1989.
- Старостин С.А. Заметки о древнекитайском языке // Знак. — М., 1994.
- Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. — М., 1965.
- Baxter W.H. A handbook of Old Chinese phonology // Trends in Linguistics. Studies and Monographs № 64. — Berlin, 1992.
- Driem, George van. A grammar of Limbu. — Berlin, 1987.
- Driem, George van. A grammar of Dumi. — Berlin, 1993.

Мяо Юянь, Ян Хайюнь. Новые заимствования в русском и китайском языках

Forrest C.A.D. The Chinese Language. — London, 1965.

Michailovsky B. Tibeto-Burman dental suffixes: evidence from Limbu // *Linguistics of the Tibeto-Burman Area: The State of the Art: Papers presented to Paul K. Benedict for his seventy-first birthday. Pacific Linguistics, Series C, № 87.* — Canberra, 1985.

Pulleyblank E.G. The Consonantal System of Old Chinese // *Asia Major. V. 9. Pt.1.* 1962; Pt. 2. 1963.

Ван Ли. Тунной цзюдянь. — Пекин, 1982.

Мяо Юянь, Ян Хайюнь

НОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Лексические заимствования представляют собой обращение к лексическому фонду других языков для обозначения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов или явлений. В конце XX века появление лексических заимствований в русском и китайском языках в связи с расширением международных контактов происходит очень интенсивно. Сегодняшние периодические издания в обеих странах изобилуют словами или словосочетаниями иноязычного происхождения, большинство из которых англоязычные. Русские ученые считают нынешние заимствования в русском языке из американского варианта английского языка самой яркой чертой нашего сегодняшнего языкового развития, сравнивая их поток с французским наводнением, пережитым в XVIII веке¹.

Лексические заимствования приспособляются к системе заимствующего языка и усваиваются им своеобразным способом. Иноязычное происхождение таких слов зачастую не ощущается носителями данного языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа. Так, иноязычные слова, проникшие в русский язык, получают русские грамматические категории независимо от наличия или отсутствия аналогичных категорий в грамматической системе языка-источника, что делает заимствованные

слова похожими по структуре на исконные русские слова. Китайский язык также имеет свои способы заимствования, при помощи которых образуется целый ряд наименований, свойственных только китайскому языку и прежде не существовавших в нем.

В настоящее время, в пору исторических и социальных потрясений и революций, процессы языкового развития намного ускоряются. Главными причинами заимствования являются и потребность в наименовании новой вещи, нового понятия, и необходимость разграничения понятий или их специализации. Изучив настоящее состояние русского языка, российские лингвисты пришли к выводу, что заимствованные слова часто входят в язык той или иной социальной среды: например, в профессиональный язык специалистов по вычислительной технике, коммерсантов, спортсменов, специалистов в области моды, музыкантов, политиков, журналистов, деятелей кино, театра и др. (перечисление дано по убыванию степени насыщенности соответствующего «языка» иноязычными заимствованиями)².

И в современном китайском языке существуют схожие явления, выражающиеся в появлении огромного количества заимствованных слов. Китайская нация длительный период своей истории отгораживалась от внешнего мира, ей в корне была чужда иноземная культура, в частности иностранные слова и выражения. После того как началась реформа и открытость, в процессе активного развития торговли, промышленности, науки и техники расширяются контакты китайского народа с внешним миром, осуществляются интернационализация и интеллектуализация китайского языка: вместе с заимствованными предметами или новыми научными изобретениями заимствуется иноязычная и интернациональная лексика. Такой процесс в связи с расширением международных контактов интенсивно происходит в китайском языке конца XX века, что очевидно из наблюдений китайских лингвистов³.

Периоды	Сумма новых слов	Заимств. слова	Процент
1949—1978	3600	27	0,75 %
1979—1988	1700	58	3,4 %

Заемствованные слова, в основном английские, осваиваются русским и китайским языками по-разному. Русский язык принадлежит к восточнославянской подгруппе славянской группы индоевропейской семьи языков, в то время как китайский — один из китайско-тибетских языков. Английский язык относится к западногерманской группе германских языков. По происхождению русский язык намного ближе к английскому, чем китайский. По морфологическому и фонологическому строю русский и английский языки имеют тоже немало общего. Вследствие этого по отношению к заимствованиям и освоению иноязычных слов в русском и китайском языках существуют сходства и различия.

1. В обоих языках употребительны английские слова, в частности сокращенные без какого-либо калькирования и комментария. Среди них доминируют научно-технические или социальные термины, например: CD, CD-ROM, WTO, PR и др. Нередко встречаются полные или частичные вкрапления, т. е. целые предложения или отдельные слова, словосочетания, вставленные в контекст обоих языков без каких-либо изменений и имеющие различное графическое и морфологическое оформление.

2. Фонетически калькируемые английские слова, т. е. структурно совпадающие с иноязычными образцами такие русские слова, как ксерокс ‘ксерокопирование’, дринк ‘напиток’, гринпис ‘зеленый мир’ и т. п. В подобном случае в китайском языке используют созвучные иероглифы для образования слов: Ou Pei Ke ‘ОПЕК’, Ke Long ‘клонирование’. В этом отношении важную роль играют морфологические особенности двух языков: китайский по морфологической классификации языков относится к изолирующему, т. е. аморфному классу, а русский — к флективному.

Некоторые русские ученые относят к иностранному вкраплению иноязычные по происхождению слова и выражения, морфологически нечленимые в системе употребляющего их языка и не принадлежащие к системе данного языка, употребление которых обусловлено «степенью знакомства говорящего с иностранным языком», а также «некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи»⁴

3. Неполное фонетическое калькирование английских слов. Иноязычные слова, фонетически калькируемые обоими языками, могут вступать в словообразовательный процесс, обладая соответствующими грамматическими формами. Так, в русском языке от слова «спонсор» (англ. *sponsor* образовались: спонсорство, спонсорский, спонсировать и др., на основе английского сокращения PR ‘связь с общественностью’ образованы такие слова, как пиарщик, пиаровский, пиар-работа. Например: «Если пиарщиком называть человека, который знает, что надо обществу, и не стесняется об этом говорить вслух, то я считаю, что эти обвинения бессмысленны и беспочвенны» (Комс. пр. 08.10.1999, с. 7). Соответственно в китайском языке иноязычное вкрапление осваивается с помощью имеющихся в языке слов, обозначающих категорию данного предмета или явления, например: *Ai Zi Bing* букв. ‘СПИД’, *Sang Na Yu* букв. ‘ванна, сауна’. Смешанные слова в китайском языке свидетельствуют о стремлении людей к оригинальности выражения и нарушению традиционных словообразовательных моделей: *Ka La OK* ‘караоке’, *IC Ka* ‘телефонная карточка’, *BPJi* ‘пейджер’. Иногда даже нарушают структуру отдельных слов и вставляют в них слово, что придает сильную экспрессивность данному слову: *Ka La Yong Yuan OK*. А русские слова, строго обусловленные словообразовательными и морфологическими правилами, такой способности не имеют.

4. Семантическое калькирование. Этот процесс, свойственный русскому и китайскому языкам на современном этапе и активно идущий в прессе и в разговорной речи, объясняется модой на английские и американские культурные реалии. Д.Н.Шмелев отмечает: «Сущность калькирования состоит в том, что для выражения понятия, независимого в том или ином языке, используется иноязычное слово как образец: либо при помощи присущих данному языку средств создается производное слово, повторяющее словообразовательную структуру образца (словообразовательно-семантическая калька), либо уже существующему в данном языке слову придается новое значение в соответствии с тем, какое значение присуще в другом языке семантически тождественному или близкому по основному значению слову»⁵. Такие слова часто встречаются

в сфере политики и экономики, науки и техники, культуры, искусства и спорта. Например, русские слова: кухонный кабинет (от англ. Kitchen cabinet 'неофициальные советники президента США'), уровень бедности (от англ. poverty line 'нижняя граница прожиточного минимума'), ковровый налет (от англ. carpet bombing 'бомбометание по площади с высокой плотностью'), массовая культура (от англ. mass culture 'культура для масс'), потерять игру (от англ. to lose the game 'проиграть'). В китайском языке: Dai Gou (от англ. generation gap 'взаимное непонимание между поколениями'), Fan Si (от англ. reflection 'осознание'), Kuai Can (от англ. fast food 'ресторан быстрого приготовления'), Gong Gong Guan Xi (от англ. public relations 'связь с общественностью'), Bai Ling (от англ. white collar 'работники умственного труда'), Chao Ji Shi chang (от англ. super market 'супермаркет') и т. п.

В заимствующих языках наблюдаются стилистические сдвиги, семантические преобразования иностранных слов. Для носителя русского языка существует престижность иноязычного слова по сравнению с исконным: «консалтинг» — в контекстах типа «фирма осуществляет консалтинг» — вместо более обычного русифицированного, хотя и образованного от той же иноязычной основы слова «консультирование». Большая социальная престижность иноязычного слова по сравнению с исконным русским вызывает иногда явление, которое может быть названо повышением в ранге⁶: слово, которое в языке-источнике именует обычный объект, в русском же прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному. Так, французское слово boutique значит 'лавка, небольшой магазин'; будучи заимствовано русским языком, оно приобретает значение 'магазин модной одежды'. Английское слово hospice 'приют, богадельня' превращается в «хоспис» 'больница для онкологических больных последней стадии заболевания, где создаются условия для облегчения их страданий'⁷. В китайском языке соответствующее семантическое преобразование почти не происходит; там, исходя из традиционных взглядов на иноязычные слова, обычно заимствуется основное значение слова.

Сначала заимствованные иноязычные слова появляются в заимствующем языке в форме фонетической кальки, затем, в процессе

освоения, их заменяет семантическая калька. Такой процесс заимствования наглядно прослеживается в китайском языке. А в русском языке в последнее десятилетие подавляющее большинство заимствованных слов — фонетически калькированные.

Итак, китайский язык в основном склонен к фонетической кальке плюс созвучие, ему свойственна письменность идеографическая, его словообразование осуществляется за счет словосложения и аффиксации; носитель китайского языка привычен к мотивированности его слов и придает заимствованным словам как можно большую внешнюю мотивированность, например, обыкновенному напитку Pepsi Cola в китайском языке было дано прекрасное название Bai Shi Ke Le букв. 'все по душе', что вызывает у читателей положительную ассоциацию и отражает своеобразную культурную психологию китайцев.

Перечисленные здесь способы заимствования в русском и китайском языках не являются единственными. Они пополняются по мере развития общества, национальной культуры и языковой политики и нуждаются в дальнейшем изучении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. — СПб.: Златоуст, 1999.
- ² Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М.: Языки русской культуры, 2000.
- ³ Ван Те-кунь. О культурной психологии в заимствованных словах китайского языка // «Китайский язык», № 1, 1993.
- ⁴ Крысин Л.П. Иностранные слова в современном русском языке. — М.: Наука, 1968.
- ⁵ Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. — М., 1977.
- ⁶ Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М.: Языки русской культуры, 2000.
- ⁷ Толковый словарь русского языка конца XX века. РАН ИЛИ. — СПб., 1998.

ЛИТЕРАТУРА

Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. — М., 1998.

ОБ ОДНОМ СПОСОБЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВЬЕТНАМСКИХ СЛОВ ОТ НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНЫХ КИТАЙСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

Во вьетнамском языке в последние десятилетия наблюдается возникновение новых самостоятельных лексических единиц на базе несамостоятельных элементов, заимствованных из китайского языка¹.

На первый взгляд, это напоминает лексическое сокращение. Однако при сокращении один (или одни) из компонентов прототипа АВ начинают употребляться как новая лексическая единица А. Эта новая единица имеет более краткую и простую форму, чем прототип, но в то же время *полностью сохраняет его значение*. Иначе говоря, сокращенная единица равнозначна исходной и является ее вариантом.

Подавляющее большинство таких сокращений являются двух-сложными, и сокращенные варианты более употребительны, чем их прототипы. Сокращения такого типа нужно отметить среди заимствований китайского происхождения:

hóa học (化学) 'химия' → *hóa* (化) 'химия',
văn học (文学) 'литература' → *văn* (文) 'литература',
vật lý học (物理学) 'физика' → *lý* (理) 'физика',
địa lý học (地理学) 'география' → *địa* (地) 'география',
cá nhân chủ nghĩa (个人主义) 'индивидуальный' → *cá nhân*
(个人) 'индивидуальный',
quan liêu chủ nghĩa (官僚主义) 'бюрократический' → *quan liêu*
(官僚) 'бюрократический'.

Такие сокращения имеют общую формулу: АВ = А.

Наряду с этим, существуют сокращения другого типа, которые можно представить формулой ABCD = AC. Например:

thiếu niên, nhi đồng (少年, 儿童) 'пионеры' → *thiếu nhi* (少儿)
'пионеры',

¹ См. *Nguyễn Văn Thạc. Về xu hướng độc lập hóa trong tiếng Việt // Ngôn ngữ, Hà Nội, 1980, № 4.*

khoa học, giáo dục (科学教育) 'наука и просвещение' → *khoa giáo* (科教) 'наука и просвещение'.

В данной работе речь идет не о лексическом сокращении. А о другом явлении, происходящем в современном вьетнамском языке, а именно — о превращении несамостоятельных элементов, заимствованных из китайского языка, в синтаксически самостоятельные лексические единицы, которые *функционируют как слова, и значение их изменяется*. Здесь мы имеем формулу $AB \neq A$.

Это новое явление чаще встречается в научно-технической терминологии, например в **математике**:

biến (变) 'переменная' выделяется от *biến số* (变数) 'числовая переменная' и позже появляется в составе сложных терминов:

biến mệnh đề 'пропозиционная переменная',

biến thêm vào 'приданная переменная' и т. д.;

hằng (恒) 'постоянный' от *hằng số* (恒数) 'постоянное число';

thương (商) 'частное' от *thương số* (商数) 'частное число';

tổng (总) 'сумма' от *tổng số* (总数) 'общая сумма, общее число'

и в составе сложных терминов:

tổng đại số 'алгебраическая сумма',

tổng các tập hợp 'сумма множеств',

lấy tổng 'суммировать' и т. п.;

hàm (函) 'функция' от *hàm số* (函数) 'числовая функция' постепенно обнаруживается в составе сложных терминов не только математики:

hàm đại số 'алгебраическая функция',

hàm lô gích 'логическая функция',

hàm từ vựng 'лексическая функция' и т. д.

В **биологии** мы имеем:

chi (肢) 'конечность (часть тела)' от *tứ chi* (四肢) '[четыре] конечности, затем в сложных терминах:

chi trên 'верхние конечности',

chi dưới 'нижние конечности'.

Еще во Вьетнамско-русском словаре 1961 г. (далее ВРС) единица *chi* так же, как и некоторые другие биологические односложные элементы, например:

chủng (種) 'род, раса, порода',
dịch (液) 'жидкость',
khuẩn (菌) 'микроб',
nhễm (染) 'заразиться',

описывались как *несамостоятельные*². В словаре все они сопровождаются знаком треугольника как «не имеющие самостоятельно-го употребления».

К настоящему времени, почти сорок лет спустя, их положение и функционирование существенно изменились. Многие из них теперь употребляются самостоятельно, т. е. они превратились в слова.

То же произошло и с рядом односложных **геологических терминов**:

quyển (卷) 'сфера' от *khí quyển* (气卷) 'атмосфера',
thạch quyển (石卷) 'литосфера',
thủy quyển (水卷) 'гидросфера',
sinh quyển (生卷) 'биосфера';
dải (帶) 'пояс, зона' от *nhật đới* (热带) 'тропический пояс',
ôn đới (溫帶) 'умеренный пояс',
hàn đới (寒帶) 'полярная зона';
kỷ (紀) 'эра' (в ВРС не дается) от *thế kỷ* (世紀) 'век, столетие',
thiên kỷ (千紀) 'тысячелетие' и т. д.

Это явление наблюдается и в **военной терминологии**:

hạm (艦) 'военное судно' от *tuần dương hạm* (巡洋艦) 'крейсер',
khu trục hạm (驅逐艦) 'эсминец' и т. д.;
lôi (雷) 'мина' от *địa lôi* (地雷) 'подземная мина',
thủy lôi (水雷) 'подводная мина, торпеда' и др.

Особо отметим **филологические термины**:

thoại (話) 'слова, речь' от *đối thoại* (對話) 'диалог',
độc thoại (獨話) 'монолог',

например, в употреблении *phần thoại của vở kịch* 'речь, речевая часть спектакля';

ký (記) 'записка' употребляется как общее название типа литературного произведения, включает:

² См. Вьетнамско-русский словарь / Под ред. Ошанина И.М. — М., 1961. «О структуре Словаря», с. 7.

hồi ký (回记) 'воспоминания',

nhật ký (日记) 'дневник',

bút ký (笔记) 'заметки' и т. п.

Термин *ngữ* (語) в работах некоторых вьетнамских лингвистов используется как общее название ряда единиц, имеющих структуру более сложную, чем у слова, т. е. как у словосочетания:

đoạn ngữ (短语) 'оборот',

thành ngữ (成语) 'идиом',

quán ngữ (慣語) 'фразеологизм' и т. д.

Термин *trường* (場) 'поле, площадь' сначала появился как физический термин от:

từ trường (磁場) 'магнитное поле',

điện trường (電場) 'электрическое поле',

thị trường (視場) 'поле зрения',

затем стал употребляться в составе сложных физических терминов:

trường địa từ 'геомагнитное поле',

trường bức xạ 'излучаемое поле',

trường khí áp 'барическое поле' и т. д.

В последнее время он широко употребляется и в языкознании:

trường nghĩa 'семантическое поле',

trường liên hội 'ассоциативное поле',

trường biểu trưng 'символическое поле' и многие другие.

Все эти новые самостоятельные лексические единицы являются односложными, обладают *высокой обобщенностью* и обычно обозначают новое родовое понятие.

Таким образом, во вьетнамском языке, параллельно с тенденцией к словосложению, главным образом к *двухсложному* сложению, или бисиллабизации, появилась новая тенденция к превращению морфем в слово, причем только *односложное*. Иначе говоря, в настоящее время во вьетнамском языке *появились и продолжают появляться односложные слова*. Их количество пока еще не очень велико.

Тем не менее, благодаря односложности и обобщенному характеру значения, они *очень активно* участвуют в образовании новых сложных терминов, в которых *играют главную роль*.

Только с элементом *trường*, после его превращения в слово, мы имеем более 150 новых сложных терминов³, например:

trường sáng 'световое поле',

trường riêng 'собственное поле',

trường dòng điện đất 'теллурическое поле',

trường ngoài hạt nhân 'внеядерное поле' и другие.

С математическим термином *hàm* образованы около 90 новых терминов⁴, например:

hàm lõm 'вогнутая функция',

hàm trội 'маторирующая функция',

hàm liên tục đều 'равномерно-непрерывная функция' и многие другие.

Самостоятельные вьетнамские слова, происходящие от несамостоятельных китайских элементов, стали подчиняться правилам вьетнамского синтаксиса. Во вьетнамском языке (в отличие от китайского) определяемое в атрибутивном комплексе должно стоять на первом месте, поэтому приобретение самостоятельности постпозиционными элементами приводит к изменению порядка следования компонентов в ряде заимствованных комплексов, например:

từ trường 'магнитное поле' → *trường từ*,

khí quyển 'атмосфера' → *quyển khí*,

đệ tứ kỷ (第四纪) 'четвертичный период' → *kỷ đệ tứ* (напр., в сочетании *địa chất học kỷ đệ tứ* 'четвертичная геология').

В дальнейшем эти термины подверглись преобразованию, которое привело к появлению ряда *гибридных терминов*:

thủy quyển (水卷) 'гидросфера' → *quyển nước* (вьет. nước 'вода'),

thạch quyển (石卷) 'литосфера' → *quyển đá* (вьет. đá 'камень'),

đệ tứ kỷ (第四纪) 'четвертичный период' → *kỷ thứ tư* (вьет. thứ tư 'четвертый'),

tân sinh kỷ (新生纪) 'неогеновый период' → *kỷ tân sinh* → *kỷ nôôgen*.

³ См. Русско-вьетнамский физический словарь. — Москва—Ханой: Русский язык и Наука и Техника, 1978, с. 341—344.

⁴ См. Русско-вьетнамский математический словарь. — Москва—Ханой: Русский язык и Наука и Техника, 1977, с. 200—202.

Последний термин с европейским элементом *nêôgen*, как и многие новые гибридные термины, образован с помощью заимствованных компонентов из других языков, например из французского языка, таких как: *no-trôn*, *vector*, *hypebon*, *lôga*, в сочетании с китайскими элементами, которые недавно превратились во вьетнамские слова, например:

trường vector (*trường* 場 ‘поле’ + *vector* фр. *vecteur* ‘вектор’) ‘векторное поле’,

trường no-tron (*trường* 場 ‘поле’ + *no-tron* фр. *neutron* ‘нейтрон’) ‘нейтронное поле’,

hàm vector (*hàm* 函 ‘функция’ + *vector* фр. *vecteur* ‘вектор’) ‘векторная функция’,

hàm hypebon (*hàm* 函 ‘функция’ + *hypebon* фр. *hyperbole* ‘гипербола’) ‘гиперболическая функция’,

hàm lôga (*hàm* 函 ‘функция’ + *lôga* фр. *logarithme* ‘логарифм’) ‘логарифмическая функция’ и т. п.

Во вьетнамском языке подавляющее большинство заимствований и новообразований последнего времени представляют собой многосложные или многоморфемные слова, образованные в основном путем лексической деривации — аффиксации, полуаффиксации, словосложения, удвоения. Практически совсем нет односложных новообразований. Поэтому значительный интерес представляет явление, описанное в данной работе: появление новых односложных слов, преимущественно терминологического характера, которые выделились из заимствованных слов китайского происхождения, существующих в языке, т. е. «приобретение самостоятельности» элементами, прежде не имевшими самостоятельного употребления. На основе таких односложных слов с высокой обобщенностью значения строятся целые пласты лексических и терминологических единиц. Это явление важно прежде всего потому, что оно представляет собой новый (хотя и ограниченный) способ словопроизводства, отличающийся от других словообразовательных средств вьетнамского языка, а именно способ пополнения фонда односложных слов путем *перехода несамостоятельных элементов в новые слова*.

К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИИ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Исходя из понимания морфологии как части грамматики, изучающей слово в единстве системы его форм и их значений, с одной стороны, и функции, с другой, можно утверждать, что в любом языке есть морфология. Однако вопрос о наличии морфологии в изолирующих языках до сих пор остается спорным и требует дальнейшего изучения.

Точка зрения, утверждающая наличие морфологии в изолирующих языках, была изложена в ряде работ В.М.Солнцева и Н.В.Солнцевой.

В фундаментальном труде В.М.Солнцева «Введение в теорию изолирующих языков», в частности, говорится: «Изолирующий строй характеризуется не отсутствием морфологии, но ее особым характером, а именно тем, что морфология в этих языках не участвует непосредственно в связывании слов в речи и определении их синтаксических функций» [Солнцев 1995, 341]. Именно эта особенность морфологии, по нашему мнению, и создает впечатление о якобы отсутствии морфологии как таковой в изолирующих языках. Н.В.Солнцева, подчеркивая специфические типологические особенности морфологических явлений в изолирующих языках, утверждает, что «специфика изолирующих языков состоит не в якобы отсутствии в них морфологии, а в особенностях устройства и функционирования морфологических явлений, степени распространенности тех или иных явлений, а также в особенностях соотношения морфологического уровня с другими уровнями их систем» [Солнцева 1985, 239—240].

Упомянутая концепция В.М. и Н.В.Солнцевых служит теоретической основой для разработки принципов выделения и описания морфологии как части грамматики вьетнамского языка. А что касается метода исследования, то, как нам представляется, более приемлемой и удобной является теория функционально-семантического поля (ФСП), представленная в ряде работ А.В.Бондарко [Бондарко 1967, 1969, 1987].

В данной статье нами делается попытка описать повелительное наклонение вьетнамского глагола как морфологический центр функционально-семантической категории побудительности.

Главным понятием, определяющим существование морфологии, является концепт «форма слова», или «словоформа». С нашей точки зрения, при определении «словоформы» важно учитывать тесно связанные между собой ее значение и употребление. «Словоформа» не вносит в слово новое вещественное значение и функционирует в речи как *единое целое*. Та часть «словоформы», которая вносит вещественное значение, является ее основой (обозначенной нами СФ), а остальные части «словоформы» представляют собой различные аффиксы (префиксы, суффиксы), которые вносят в «словоформу» различные грамматические и экспрессивно-стилистические оттенки (обозначенные нами ОПС — основные побудительные сигнализаторы). Основа «словоформы» служит базой для образования парадигмы. Во флективных языках словоформа цельнооформлена, в изолирующих языках она имеет определенную структуру, но раздельнооформлена. Эта особенность создает впечатление, что грамматические элементы относятся не к слову, а к предложению в целом, и часто их относят к разряду фразовых частиц. Чтобы доказать несинтаксичность этих элементов, нам необходимо выявить их лексико-грамматические признаки, отличающие их от других средств выражения грамматической семантики, в данном случае — побудительности.

Здесь, с нашей точки зрения, различаются два типа парадигм: морфологическая — *императивная парадигма*, связанная с грамматической системой языка, и функционально-семантическая — *побудительная парадигма*, связанная с его функцией.

Возьмем для анализа глагол *đọc* ‘читать’, представленный в двух парадигмах:

а. Императивная парадигма

(1)	<i>đọc</i> ‘читать’
(2) hầy	<i>đọc</i> ‘читай(те)’
(3)	<i>đọc đi</i> ‘читай(те)’
(4)	<i>đọc nào</i> ‘давай(те) читать’
(5)	<i>đọc thôi</i> ‘давай(те) почитаем’

Образующие данную парадигму сигнализаторы обладают следующими признаками: а) не имеют *вещественного* значения, главное их грамматическое содержание — *общее императивное значение*; б) не употребляются в качестве самостоятельных слов, основная их функция — *служебная*; в) сочетаются со знаменательными словами определенных лексико-грамматических разрядов — *глаголами, прилагательными* некоторых семантических групп; г) не изменяют *вещественного* значения сочетающихся с ними глаголов (и прилагательных) и, сигнализируя о побуждении, придают им *грамматическое* значение; д) не используют *удвоение* как способ выражения интенсивности действия, возможно лишь *удвоение* формы в целом, т. е. словарной формы (СФ) вместе с ПС, например, возможен способ удвоения *hãy đọc, hãy đọc, hãy đọc* ‘читай(те)’ и т. д., но невозможно удвоение типа *hãy, hãy, hãy đọc* ‘читай(те)’; е) способны давать групповое оформление сразу нескольким глаголам для выражения побуждения, например, *hãy đọc và kể lại nội dung câu chuyện* ‘прочитай(те) и перескажи(те) содержание рассказа’; ж) представляют собою равные с нулевым сигнализатором элементы, которые образуют вместе с ним парадигму форм.

Перечисленные выше признаки дают нам основание считать данные сигнализаторы *агглютинативными побудительными аффиксами* и, следовательно, считать все глагольные формы с этими аффиксами ядерными императивными формами (ЯИФ): СФ + Ø, *hãy* + СФ, СФ + *đi*, СФ + *nào*, СФ + *thôi*, поскольку они представляют собой морфологическое ядро ФСП.

Из «словоформ», составляющих императивную парадигму,истой является «словоформа» (1), не осложненная правыми и левыми аффиксами, точнее — с «нулевым аффиксом», она определяется нами как инвариантная «словоформа». Остальные «словоформы» — варианты.

6. Побудительная парадигма глагола *đọc* ‘читать’:

mời anh	<i>đọc đi</i> ‘просить + вы + <i>читать</i> + аффикс’
mời anh cứ	<i>đọc đi</i> ‘просить + вы + продолжать + <i>читать</i> + аффикс’
anh cứ	<i>đọc đi cho</i> ‘вы + продолжать + <i>читать</i> + аффикс + делать одолжение’

anh hãy cứ	<i>đọc đi đã</i> ‘вы + аффикс + продолжать + <i>читать</i> + аффикс + сначала’
xin anh cứ	<i>đọc đi cho</i> ‘просить + вы + продолжать + <i>читать</i> + делать одолжение’
xin anh đừng	<i>đọc nữa</i> ‘просить + вы + не + <i>читать</i> + еще’
xin hãy cứ để cho nó	<i>đọc đi đã</i> ‘просить + аффикс + продолжать + давать + он + <i>читать</i> + аффикс + сначала’

и т. д.

С функциональной точки зрения глагол *đọc* ‘читать’, выйдя на широкое поле, имеет уже другую, более широкую *функциональную парадигму*, которую мы называем *побудительной парадигмой*. В нее входят, кроме ЯИФ, различные лексико-грамматические средства, занимающие периферийную позицию в структуре ФСП. Эти средства нами называются сопутствующими побудительными сигнализаторами (СПС). С помощью ОПС образуются *словоформы императивной парадигмы*, а с помощью СПС с императивными словоформами в качестве стержневого средства выражения создаются *побудительные конструкции*.

Степени грамматикализации этих разноуровневых и разноаспектных средств определяют их место в *побудительной парадигме*. Центральное место (ядро) занимают «словоформы» (1), (2), (3), (4), (5), характеризующиеся корреляцией «говорящий — собеседник». Остальные средства побуждения представляют собой периферию *функционально-семантического поля побудительности*. Они могут быть лексическими, словообразовательными, синтаксическими, семантическими, комбинированными — лексико-синтаксическими средствами, которые взаимодействуют на основе семантической общности (подробно об этом см. Нгуен Тует Минь 1999, 285—353).

Результат нашего исследования показал, что в плане выражения побуждения во вьетнамском языке среди побудительных сигнализаторов выделяются морфологические средства образования императивной парадигмы, что позволяет сделать вывод о наличии морфологической категории повелительного наклонения и тем самым дает основание утвердить языковой статус морфологии во вьетнамском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. — М., 1995.
Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. — М., 1985.
Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. — Л., 1987.
Нгуен Туэт Минь. Аспекты функциональной грамматики. Функционально-семантическая категория побудительности в русском и вьетнамском языках. — М., 1999.

Т.Г.ПОГИБЕНКО

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТРИЦАНИЯ В КХМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

В кхмерском языке, как и в других изолирующих языках, сен-тенциальное отрицание имеет два компонента — внутреннее отрицание и внешнее отрицание, функционально-семантическая природа которых различна и связана с двумя основными функциями языка — коммуникативной и экспрессивной. Внутреннее отрицание ориентировано на пропозициональные компоненты смысла, оно является частью пропозиционального значения предикации. Сферой действия внутреннего отрицания являются термы, способные к референции, и предикаты, способные принимать модальные и временные характеристики. Внешнее отрицание связано с субъективным экспрессивным компонентом высказывания, здесь выступают элементы, ориентированные на выражение отношения говорящего к сообщаемому, связанные с оценкой достоверности сообщаемого, с коммуникативными аспектами высказывания, с прагматикой коммуникативного акта, с эмотивным отношением говорящего к высказываемому.

Внутреннее и внешнее отрицания относительно автономны, в этих позициях выступают элементы из двух разных функционально-семантических рядов, выбор члена из соответствующего ряда для каждой позиции происходит по своим правилам.

В кхмерском языке нет единого внутреннего (пропозиционального) отрицания. Две основные позиции отрицания в поверхностно-

синтаксической структуре простого предложения связаны с логико-коммуникативной структурой суждения — это позиция перед группой подлежащего и позиция перед группой сказуемого, они определяются тем, что входит в сферу действия (СД) отрицания — компонент группы подлежащего или компонент группы сказуемого. В последнем случае альтернативные позиции возникают, когда сказуемое выражено некоторыми типами конструкций с предикатными актантами (КПА), тогда отрицание может размещаться внутри КПА (например, перед результативным или модальным компонентом).

Выбор отрицания в этих позициях связан с логико-семантической структурой предложения, и правила выбора не могут быть исчерпывающим образом сформулированы в терминах синтаксических функций или классов слов: выбор отрицания зависит от того, где проходит граница семантической СД отрицания, а она не всегда совпадает с границами слов. Выбор отрицания определяется тем, является ли СД вершинный предикат, предикат второго порядка или аргумент, в последнем случае выбор отрицания зависит еще от того, какой именно компонент значения входит в СД отрицания: денотативный или сигнификативный. Выбор внутреннего отрицания в кхмерском языке связан с логико-семантической структурой предложения и только с ней. Выделяются следующие три отрицания.

- Отрицание *miɯn* используется, когда СД является вершинный предикат, например:

- (1) *kōət miɯn bɔŋseɛŋ aoy duɯŋ thaə kōət phɯy tɛə*
 он NEG подавать вид что он бояться NEG
 ‘Он и виду не подал, что испугался’

- Отрицание *kmian* (букв. ‘не иметься’) выступает, когда СД является денотативный компонент значения ИГ, например:

- (2) *knoŋ nuh kōət kmian dak aveɯ tɛəŋ vɨ*
 там он NEG ставить что-то совсем
 ‘Там у него совсем ничего не было (поставлено)’

- (3) *ruəs kōət piɯnuət məəl viə luɯ dɔl kmian khəəŋ*
 затем он проверил себя пока NEG видеть
aveɯ tɛə
 что-то NEG

‘Затем он посмотрел, все ли у него в порядке’ (букв. ‘пока ничего не увидел’)

(4) *kmian nɔnaa mɲɛək baek tviə aoʊ*
 NEG кто-то один + CLF открывать дверь для
 ‘Никто не открыл ей дверь’

«Денотативное» отрицание, хотя и не имеет ничего общего с тем, как понимается отрицание в пропозициональной логике, тем не менее логически прозрачно, его семантическая структура отражает структуру логического дискурса, а именно тот аспект, о котором говорится в работе [Аругюнова 1998, xii]: «...если исходить не из автономных суждений, а из структуры логического дискурса (текста). Суждению необходимо предшествовать экзистенциальное высказывание, содержащее утверждение о существовании объекта, области его бытования и его принадлежности к тому или другому классу. Оно часто остается имплицитным, но к нему может быть поставлен вопрос. В классическом бытийном предложении экзистенциальное утверждение соединено с таксономической характеристикой объекта, его включением в тот или иной класс». Как видим, в кхмерском языке имплицитное экзистенциальное суждение может быть подвергнуто отрицанию.

• Отрицание *mɲɛp mɛɛp / ɲɛp mɛɛp* (букв. ‘не – верно’) употребляется, когда СД отрицания является сигнификативный компонент значения актантной ИГ, например:

(5) *jəəj mɲɛp mɛɛp mɔək rɔək nɛək tɛe*
 мы NEG NEG приходить к ты NEG
 ‘Мы пришли не к тебе’

«Сигнификативное» отрицание в кхмерском также логически прозрачно. Его семантическая структура отражает то, что сигнификативный компонент значения имени — это семантический предикат. Семантическая структура этого отрицания хорошо соотносится с тем, как понимается отрицание в пропозициональной логике: отрицание используется в логике, чтобы образовывать сложное предложение, истинностное значение которого противоположно истинностному значению того предложения, к которому оно применяется [Allwood, Andersson, Dahl 1995, 30], то есть из *p* получать $\sim p$ (=неверно, что *p*). Дж.Лайонз, говоря о прямолиней-

ности трактовки отрицания в традиционной пропозициональной логике, отмечает, что в естественных языках только в очень редких случаях есть основания полагать, что отрицательное и утвердительное предложения соотносятся, как сложное и простое [Lyons 1996, 170]. Сегментная структура «сигнификативного» отрицания в кхмерском свидетельствует о том, что это сжатая пропозиция.

Отрицание *miun meen* / *rit meen* также употребляется, когда СД отрицания является то, что в терминах предикатной логики называется предикатом второго порядка, это предикат, аргументом которого является предикат. В поверхностно-синтаксическом представлении предложения предикат второго порядка может быть представлен определением к имени, адвербиалом, предикатным актантом и быть выражен именной группой, предикативом (глаголом и прилагательным), наречием, квантификатором, глагольной группой, придаточным предложением, например:

- (6) *ruəŋ ceh prəkum miun meen niw trəŋ luu*
 уметь играть NEG NEG заключаться в слышать
khlaŋ nuh tɛe
 громкий так NEG
 ‘Уметь играть заключается не в том, чтобы громко было слышно’
- (7) *piək saw kəndəl miun meen sot tae aakrək*
 коротышки NEG NEG полностью ужасный
tɛəŋ vɨ tɛe
 все NEG
 ‘Среди коротышек не все были такие ужасные’

Сравнение также можно рассматривать как логический оператор, который образует предикат от предиката. Вот почему в кхмерском языке перед синтаксическим предикатом в сравнительной конструкции выступает не отрицание *miun*, употребляющееся, когда семантической СД является предикат первого порядка, а отрицание *miun meen*, употребляющееся, когда семантической СД является предикат второго порядка, например:

- (8) *taam puət psaa nih miun meen tumnəp dooc*
 правда рынок этот NEG NEG современный как
psaa urusey nuh tɛe
 рынок У. так NEG

‘По правде говоря, этот рынок не является таким современным, как рынок Урысей’

О том, что именно семантическая, а не синтаксическая СД отрицания определяет его выбор на поверхностно-синтаксическом уровне и что правила его употребления не могут быть сформулированы ни в терминах классов слов, ни в терминах членов предложения, свидетельствуют случаи, когда предикат второго порядка в поверхностно-синтаксической структуре выступает в позиции вершинного сказуемого. Это происходит при номинализации пропозиции, содержащей предикат первого порядка, а также в случае его опущения в результате нулевой анафоры.

- (9) *kaa dael kmeen nih mɔək tii nih*
 NOM REL молодой человек этот приходить место этот
pum meen daou saydɔn tɛe
 NEG NEG случайно NEG

‘То, что он сюда пришел, не случайно’

- (10) *tɛe muɨn meen lʔv tɛəŋ vɨ tɛe*
 нет NEG NEG хороший совсем NEG
 ‘Нет, не хорошо (играешь)’

Отрицание *muɨn meen* / *pum meen* также употребляется, когда СД отрицания является именной предикат, с ним в кхмерском языке обязательна связка, например:

- (11) *lòok pum meen ciə nɛək miən tɛe*
 вы NEG NEG COP богатч NEG
 ‘Вы не богатч’

- (12) *nih muɨn meen ciə salaə riən tɛe tae ciə vicciəsthəan*
 это NEG NEG COP школа NEG но COP институт
 ‘Это не школа, а институт’

На семантическом уровне представления предложения имени, имеющие предикатный статус, выступают как предикаты [Падучева 1985, 99].

Таким образом, в кхмерском языке одинаковую трактовку получают случаи, когда семантической СД отрицания является сигнификативный компонент значения актантной ИГ, предикат второго порядка и ИГ, имеющая предикатный статус.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. — М., 1998.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. — М.: Наука, 1985.
- Allwood J., Andersson L-G., Dahl O.* Logic in Linguistics. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Lyons J.* Linguistic Semantics. An Introduction. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- McMahon A.M.S.* Understanding Language Change. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Б.В.Поспелов, К.И.Долотин

СИНТЕЗ И АНАЛИЗ МЕЛОДИКИ КИТАЙСКИХ СЛОГОВ С УЧЕТОМ ПАРАМЕТРОВ РЕЧЕВОГО ДЖИТТЕРА

В сообщении приводится методика описания микровариаций величины мелодических параметров звучащих фраз. Дана их количественная оценка. Полученные результаты позволяют утверждать, что учет флуктуации величины этих параметров необходим при машинном моделировании мелодической структуры китайских слов.

Как известно, джиттер отражает микропросодические свойства речевого сигнала, заключающиеся в небольших и быстрых флуктуациях длительности последовательных периодов основного тона — То. Природа этого явления заложена, видимо, в самой физиологии речеобразования, и поэтому оно носит универсальный общеязыковой характер.

Джиттер-эффект получил большое освещение в научной литературе по речевой акустике. Первые упоминания о нем относятся уже к концу 50-х—началу 60-х годов [Lieberman 1961]. В последующих публикациях констатация универсальности данного феномена сопровождалась утверждением, что именно джиттер во многом

обеспечивает натуральность естественной речи, ссылаясь на то, что отсутствие его в синтезированном речевом сигнале создает неприятную «машинность» звучания.

Последовавшие за этим достаточно интенсивные исследования джиттера на материале разных языков позволили выделить совокупность характеризующих его акустических параметров. Эти параметры можно оценить на основе учета приращения длительности соседних периодов как со знаком (+), так и со знаком (–) (например, при чередовании коротких и длинных периодов). Изменение знака приращения длительности последующего периода основного тона (ОТ) в мелодике слога может встречаться как одиночно, так и группами при разном числе знакопеременных приращений в группе — это явление микропросодики также можно учитывать посредством измерения флуктуаций длительности периодов ОТ гласных в слогах — To_i .

Исходя из этого, принято принимать в расчет следующие параметры джиттера:

1. вероятность встречаемости нерегулярных периодов основного тона — $R_{дж}$;
2. вероятность появления знакоперемен — $R_{з/п}$;
3. средняя абсолютная величина джиттера — $\Delta T_{оср}$;
4. джиттер-фактор — $\rho = \Delta T_{оср} / T_{оср}$, где $T_{оср}$ — среднее значение периода ОТ на исследуемом участке;
5. вероятность появления значительных знакопеременных приращений периода ОТ (пертурбаций) — $R_{п}$;
6. вероятность появления группового джиттера — $R_{г}$;
7. средняя длина группы — $l_{ср}$.

Значимость учета параметров джиттера-фактора при синтезе и анализе китайских односложных, двухсложных, трехсложных и т. д. слов может быть предопределена их языковой универсальностью, которая также подтверждается экспериментами по синтезу и анализу русских фраз с различной коммуникативной установкой.

В таблице 1 представлены измеренные значения параметров джиттера в мелодике фразы «Разрешите войти?» на участке главноударного гласного фразы «и»:

Таблица 1

Параметры джиттера						
Рд	Рз/п	$\Delta T_{оср}$	$\rho \%$	Рп	Рг	lcp
0,75	0,35	256	5,6	0,22	0,87	2,3

Учитывая вышеприведенные результаты, можно полагать, что дальнейшим развитием экспериментов по синтезу китайских слов могли бы служить также сравнительные перцептивные исследования синтезированной речи, «оживленной» за счет искусственного введения амплитудных флуктуаций в импульсную последовательность генератора основного тона (наряду с введением флуктуации длительности периодов ОТ — шиммера), и синтезированной речи в стандартном режиме без учета этих флуктуаций в мелодике китайских слов.

ЛИТЕРАТУРА

Lieberman P.L. Perturbations in Vocal // JASA. — 1961. V. 33, №5.

SUMMARY

The paper is devoted to the methods of the description of microvariations of pronounced phrases melodic parameters value. These microvariations are assessed quantitatively. The results that were obtained give the opportunity to affirm, that it is necessary to take into consideration the fluctuation of these parameters value in the process of machine modelling melodic structure of Chinese syllables.

ПОВТОРЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ

Языковые повторы рассматриваются в различных аспектах, и наиболее распространенный из них — стилистический. Это не случайно, поскольку повторы играют важную роль в построении художественного (поэтического и прозаического) текста и поэтому издавна привлекают внимание лингвистов. В стилистических исследованиях повторы включаются в систему выразительных средств художественного произведения и рассматриваются как стилистический прием, как прием словоупотребления с определенной структурно-художественной функцией, как стилистическая и синтаксическая единица, служащая выразительным целям. Имеется немало работ, анализирующих повторы на материале художественной поэзии, прозы, фольклора, публицистики на русском и других языках как в плане употребления в различных жанрах литературы, так и в плане речевой характеристики отдельных авторов и их произведений. Исследователи подтверждают, что повтор — это один из композиционно-стилистических приемов, применяемых для усиления смысла высказывания, его образности и эмоциональности.

В китайском языкознании, к сожалению, совершенно не освещается вопрос о стилистических функциях повтора в различных функциональных стилях китайской литературы и тем более в языке отдельных авторов. Между тем, как в древние времена, так и в настоящее время удвоение знаменательной морфемы вносит в основное значение китайского слова различного рода дополнительные оттенки и в большинстве случаев служит стилистическим средством выражения образности речи. Об этом же говорят китайские исследователи (Вэнь Лянь, Ху Фу и др.), утверждая, что в процессе развития языка сложные явления порой не поддаются анализу, если их рассматривать лишь с одной грамматической точки зрения, и объяснение в таких случаях приходится давать с помощью стилистики. Многочисленные языковые факты подтверждают, что повторы постоянно употребляются в художественных

и публицистических текстах, однако в разговорном народном языке они особенно часты и богаты различными смысловыми оттенками. Именно из просторечия заимствуют повторы писатели, поэты, певцы. При этом следует заметить, что во многих образных (метафоры, пословицы, поговорки) и идиоматических выражениях в китайском языке фигурируют повторы, например: 奄奄一息 yǎnyǎn yìxī 'на грани от смерти, висеть на волоске', 寥寥无几 liáoliáo wújǐ 'раз, два и обчелся, кот наплакал', 摇摇欲坠 yáoyáo yùzhuì 'трепещать по всем швам, висеть на волоске', 官官相押 guānguān xiānghù 'рука руку моет'.

Литературные произведения всех эпох свидетельствуют о постоянном обращении к удвоению, как к неиссякаемому источнику стилистических средств. Ученые указывают на тот факт, что повтор — это одно из средств образования эвфонических выражений, используемых в речах ораторов и в песнях. Этим объясняется то, что повтор как стилистическое средство особенно широко употребляется в китайском стихосложении, где требуется соблюдение ритма и рифмы. Уже в первом сборнике стихов и песен Китая «Шицзин (Книга песен)» (VI век до н. э.) удвоенные слоги встречаются очень часто. Например, в живой и образной форме изображается увлеченный своим трудом крестьянин: 载芣载柝,其耕泽泽 zāi shān zài zuò, qí gēng zézé 'выпальвает и обрубает, и серп его так и мелькает — вжик-вжик'. В «Шицзин (Книге песен)» среди средств выражения, помимо активного применения рифмы, сравнения, аллегории и других стилистических приемов, также широко используются удвоенные слоги для подражания различным звукам, для изображения состояния, выражения чувства, отношения. В этом литературном памятнике древнего Китая впервые зафиксировано большое количество повторов, и это привлекло внимание ученого цинской эпохи Ван Цзюня, который составил их перечень и написал труд «毛诗重言 Máoshí chónguán (Повторы в «Шицзин»)». Многочисленные примеры использования повторов в стилистической функции можно найти и в образцах китайской поэзии и прозы в последующие за «Шицзин» времена. Активность в использовании повторов никогда не ослабевала, и это доказывает, что данная

стилистическая форма действительно представляет собой простое и очень удобное по образованию средство, помогающее в образной форме обрисовать конкретные качества, состояния живых существ (предметов) и дающее возможность произвести иногда настолько яркий эффект, что у слушателя или читателя складывается ощущение, что он видит описываемое явление собственными глазами.

Повтор как стилистическое средство широко употребляется в современном поэтическом языке. Следует отметить растущую тенденцию вводить повторы для усиления экспрессии и в общественно-политические тексты, хотя принадлежность повторов к экспрессивным средствам языка ограничивает их употребление в научном и общественно-политическом стилях китайского языка. В разговорном же и литературно-художественном стилях роль повторов незаменима. При этом прослеживается определенная закономерность: хотя повторы в целом широко распространены в разговорно-просторечном языке и в художественной литературе, к их использованию чаще прибегают те носители языка, которые получили образование, достигли определенного возрастного рубежа, в значительной мере владеют изобразительными средствами языка. Наиболее богат повторами язык пожилых людей, особенно образованных. В художественных произведениях иногда можно встретить несколько повторов в одном предложении — это происходит именно тогда, когда автор стремится создать яркий зрительный образ, выразить эмоциональное состояние героев и передать обстановку повествования.

Выбор стилистических средств авторами, как правило, бывает обусловленным, поэтому повторы применяются преимущественно в следующих случаях:

- для придания речи красочности и образной сочности;
- для выражения различных эмоциональных оттенков: вежливости, ласкательности, нежности, уменьшительности, пренебрежения и пр.;
- для передачи «возвышенности», риторического подъема;
- для придания языку исторического колорита;
- для речевой характеристики различных персонажей;

— для выражения разных стилей языка: официального, бытового разговорного, книжно-литературного.

Литература Китая свидетельствует о постоянном обращении поэтов и прозаиков к способу удвоения. В литературно-художественной речи для речевой характеристики персонажей используются различные лексические слои, в частности, жаргонизмы и диалектизмы, в том числе и повторы диалектного происхождения. Они представляют собой выразительные средства, позволяющие наглядно передать своеобразие речевой манеры литературных персонажей, и в этом смысле выполняют определенную стилистическую функцию. Например, у современного автора Чжан Сяньляня¹ находим следующий пример использования повтора-диалектизма с этой целью:

姐儿早上去看郎, Jiě zǎoshang qù kàn láng,

三尺白綾風冰糖。Sān chǐ báilíng fēng bīngtáng.

结结小郎, 郎不用, Géigēi xiǎoláng láng bú yòng.

转过身儿好凄惶哟 — 呀! Zhuǎnguò shēn hǎo qīhuáng yōu — yā'ā!

Девушка поутру пошла к милому,

В три чи белого шелка завернула леденцы.

Дает-дарит милому, а он не берет,

Отвернулся, смотрит холодно — ах, да что же это?!

В нормативном китайском языке (путунхуа) глагол 给 gěi 'давать' в редуцированной форме не употребляется, но в некоторых диалектах встречается. Замена в данном случае 给给 gěigěi на нормативные для путунхуа 送 sònggěi, 赠 zènggěi или же на 给 gěi в неударенной форме не будет соответствовать социальному положению и речевому тону литературного персонажа, ^{по} воли автора исполняющего эту фразеологическую простонародную песенку, и не позволит передать изначальный местный колорит. Таким образом, 给给 gěigěi использовано автором литературного произведения умышленно, и повтор диалектного происхождения здесь выполняет определенную стилистическую функцию.

¹ Пример взят из статьи Син Фу'и «Guānyú «géigēi» (О повторе «гэйгэй») // Журнал «Zhōngguó yǔwén» № 5, 1984.

Употребительность повтора как художественного приема можно проследить по произведениям самой разной тематики и различных авторских стилей. Однако неизменно можно констатировать: современные китайские авторы прибегают к помощи повторов для выражения экспрессии, создания более ярких образов, для большей «сочности» языка.

Например, подбирая слово для описания столпотворения перед окошком кассы кинотеатра, У Сяопин в рассказе «Случай у билетной кассы»² останавливает свой выбор на глагольном повторе модели AABB 吵吵嚷嚷 *chǎochǎorǎngrǎng* (где 吵 *chǎo* 'шуметь, ссориться' и 嚷 *rǎng* 'кричать, браниться': 售票窗前, 吵吵嚷嚷. *Shòupiàochuāng qián, chǎochǎorǎngrǎng* 'Перед окошечком билетной кассы — столпотворение, шум и гам'). И это не случайно: удвоенная форма глагола служит средством стилистически более яркого образного выражения характера действия. В немалой степени благодаря этому глагольному повтору перед глазами читателя возникает та картина суеты, шума и ругани, что, по замыслу автора, имела место перед окошком билетной кассы.

Автор рассказа «Совесть» Ма Тиншань также прибегает к помощи глагольных повторов модели AA для того, чтобы передать напряженное эмоциональное состояние одного из своих персонажей, изобразить его нервные движения: 他吹出船舱中带着刺, 嘴唇动动, 摇摇头. *Tā tīngchū wǒ huàzhōng dài zhe cì, zuǐchún dòngdong, sāosao tóufa* 'Он почувствовал осуждение в моих словах, губы его задержались, руками он стал приглаживать волосы'. Далее в своем рассказе этот же автор использует повтор-прилагательное модели BABA: 哟呵, 才一年多没见, 他竟变得白胖白胖的了. *Yōhe, cái yì nián duō méi jiàn, tā jìng biànde bái pàng bái pàng de le* 'Ну и ну! Всего лишь год мы с ним не виделись, а как он располнел, посолднел!' Повтор 白胖白胖 *báipàng báipàng* (где 白 *bái* 'белый' и 胖 *pàng* 'толстый') обладает ярко выраженной зрительной образностью. Автору понадобилось бы слишком много слов для описания внешнего облика своего персонажа, если бы он не нашел один,

² Здесь и далее примеры взяты из «Yì fēn zhōng xiǎoshuō xuānzhù» (Сборник коротких рассказов), изд-во Пекинского института языка, 1987.

но чрезвычайно точный эпитет — повтор модели ВАВА, и в результате читатель легко может представить себе эдакого рыхлого, дебелого человека.

Именно повторы-прилагательные, именуемые в китайском языке 生动形容词 *shēngdòng xíngróngcí* (образные прилагательные), в наибольшей степени обладают экспрессивностью, столь необходимой писателю в его творчестве. В рассказе «Счастливая улыбка» Фу Чжэньцяна находим следующий пример: 暖融融的太阳照在人们身上舒服极了. *Nuǎnróngróng-de tàiyáng zhàozài rénmen shēnshang, shūtanjile...* 'Приятно грело солнышко, и было так хорошо и спокойно...' Писатель находит чрезвычайно образное слово — повтор-прилагательное модели АBB 暖融融 *nuǎnróngróng* (где 暖 *nuǎn* 'теплый' и 融融 *róng* 'таять при нагревании'), делает его эпитетом к слову 太阳 *tàiyáng* 'солнце' — и в результате благодаря одному этому слову ему удастся передать знакомое всем приятное ощущение расслабленности и умиротворенности, которое испытываешь, ощущая на себе согревающие лучи весеннего солнышка.

Детальное изучение экспрессивных средств китайского языка, в том числе и повторов, представляет значительную практическую ценность для переводческой деятельности. Знание особенностей выразительной функции китайских повторов позволяет переводчику находить адекватные стилистические средства при переводе с одного языка на другой. Переводить китайские повторы на русский язык тоже повторами не всегда возможно, а часто вообще невозможно, так как в русском языке повторы не занимают столь существенного места в составе экспрессивных средств, как в китайском языке.

Повторы универсальны, они представлены и в языках другого типа, в том числе и флективных, но в китайском языке как языке изолирующего типа они демонстрируют несомненно большую продуктивность не только в сфере морфолого-синтаксической, но и в сферах средств стилистических и выразительных.

SUMMARY

Reduplicative words in Mandarin Chinese are an integral part of the expressive means this language possesses and are used to intensify the meaning of the statement, its expressiveness and emotiveness. Chinese modern literature demonstrates the fact

of reduplication being a very widely used stylistic device and its appearing in works of different functional styles. When the author intends to create a very vivid visual image or wants to reproduce the emotional condition of some literary characters more lively as well as the local color, he often prefers the usage of a reduplicative word because of its being the best device and the most precise epithet he needs.

The present paper makes an attempt to confirm the abovementioned with the help of the extracts taken from the literary works by several modern China writers. The paper also maintains that the detailed study of reduplicative words as part of the expressive means in Mandarin Chinese is extremely valuable for the profession of a translator in particular. Numerous linguistic facts demonstrate high productivity of reduplication in Mandarin Chinese not only on morphological-syntactical level, but also on stylistic-expressive level.

Д. В. РОМАНЕНКО

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ПУТУНХУА И ДИАЛЕКТОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Для языковой ситуации Китая характерно взаимодействие современного китайского языка путунхуа со множеством диалектов. Каждый диалект или говор имеет свои особенности, но в то же время между ними существуют многообразные взаимопроникающие связи.

Гуаньхуа, или группа северных диалектов, является основной диалектной группой современного китайского языка. В течение продолжительного времени все остальные диалекты испытывали глубокое воздействие со стороны гуаньхуа, что проявлялось в разном соотношении байхуа и вэньнянь.

Гуаньхуа представлял собой общепризнанное средство междиалектного общения в Северном Китае. В Южном Китае им владели, главным образом, чиновники, хотя и не все.

Исторически в Китае сложилось несколько типов владения языком гуаньхуа. Коренные жители Пекина владели гуаньхуа как своим родным языком. Его хорошо знали и те, кто учился или долгое время жил в столице. Язык этих людей назывался пекинским, или столичным гуаньхуа. Однако не все могли его освоить в таком объеме.

Самостоятельно изучавшие его в процессе практического общения с владевшими языком, как правило, постигали его не полностью. Легче всего усваивалась грамматика и лексика гуаньхуа, которым можно было научиться, читая литературу на байхуа. Значительно более трудную задачу составляло изучение произношения. Звуки и тоны пекинского диалекта были препятствием, преодолеть которое удавалось далеко не всем. Поэтому наряду со столичным, или пекинским, гуаньхуа в языковой практике Китая всегда существовали его фонетические варианты — так называемые ланьцин гуаньхуа (голубые гуаньхуа), с большими или меньшими отступлениями от пекинской нормы произношения. Тот, кто изучал гуаньхуа по книгам, пользовался лексикой и грамматикой байхуа, но все слова произносил на родном диалекте.

В настоящее время в каждом районе существуют фонетические варианты произнесения слов литературного языка, когда фонетические нормы того или иного диалекта оказывают влияние на произносительные нормы путунхуа.

Таким образом, развитие современного китайского языка идет по следующей схеме: от диалекта — к местному койне и только потом — к путунхуа.

ЛИТЕРАТУРА

Солнцев В.М. «Очерки по современному китайскому языку». — М., 1957.

Астрахан Е.Б., Завьялова О.И., Софронов М.В. «Диалекты и национальный язык в Китае». — М., 1985.

Юань Цзя-хуа. «Диалекты китайского языка». — М., 1965.

ЛОКАЛЬНЫЕ И НЕЛОКАЛЬНЫЕ РЕФЛЕКСИВЫ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ И С ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

1. Введение: стандартная теория связывания и нелокальные рефлексивы

Отношения между возвратным местоимением (рефлексивом, reflexive) и его антецедентом фиксируются в стандартной теории управления и связывания [Chomsky 1981] следующим образом: рефлексив должен быть **связан** антецедентом. Понятие **связывания** включает два условия. **Во-первых**, антецеденту и рефлексиву присваивается один и тот же цифровой индекс (они «коиндексированы», coindexed), что указывает на то, что они относятся к одному и тому же референту. **Во-вторых**, антецедент и рефлексив должны находиться в определенных структурных отношениях, а именно отношениях к-командования (с-command). Употребление рефлексивов подчиняется еще **третьему** условию: рефлексив должен находиться в пределах определенной «локальной области» (local domain) по отношению к антецеденту (Условие А: **Анафóр должен быть связан в пределах своей области связывания**).

В русском языке такой областью является простое предложение:

- (1) а. Иван₁ всегда критикует себя₁,
 б. Иван₁ знает, [что Петр₂ всегда критикует его₁ / *себя₁ / себя₂]

В японском (яп.) и корейском (кор.) языках рефлексивы не находятся в такой локальной зависимости от антецедента, как в русском или английском. Рассмотрим следующие примеры с яп. *zibun* 'себя' (7) [Manzini & Wexler 1987] и кор. *saki* 'себя' (8) [Jayaseelan 1996]:

- (2) John₁-wa [Bill₁-ga zibun₁-o nikunde iru] [яп.]
 Иван₁.ТОП [Билл₁.НОМ себя₁.АКК ненавидеть.ДЛИТ]
 to omotte iru
 что думать.ДЛИТ

- (3) *John_i-un* [*Bill_j-ka* *caki_{i,j}-lul* *miweha-nta*] [кор.]
 Иван_i.ТОП [Билл_j.НОМ себя_{i,j}.АКК ненавидеть.ИЗЪЯВ]
ko sayngkakha-0-nta
 что думать.НАСТ.ИЗЪЯВ
 'Иван думает, что Билл ненавидит себя / его'

В (2)-(3) *zibun* / *caki* могут относиться как к локальному подлежащему *Bill_j*, так и к подлежащему главного предложения *John_i*. При второй интерпретации эти рефлексивы получили название *нелокальных* (long-distance). Аналогичные нелокальные рефлексивы встречаются во многих языках: европейских — например, итальянском [Giorgi 1984] и исландском [Manzini & Wexler 1987]; китайском [Huang & Tang 1991]; кавказских [Тестелец & Толдова 1998] и др.

Хотя *zibun* и *caki* традиционно считаются рефлексивами, их дистрибуция сильно отличается от дистрибуции рефлексивов, предусмотренной теорией связывания. А именно, непонятно, накладываются ли какие-либо грамматические ограничения по локальности на японские и корейские рефлексивы, или они могут находиться на любом расстоянии от антецедента (даже в другом предложении, будучи разделены точкой или даже целым текстом; ср. (8) ниже). Если верно первое, то возникает вопрос, каковы локальные ограничения на *zibun* / *caki* и какова их область связывания, т. е. как переформулировать Условие А так, чтобы оно описывало распределение яп. / кор. рефлексивов. Если верно второе, значит, Условие А неприложимо к *zibun* / *caki* даже в модифицированном виде, а существует какое-то другое правило, регулирующее употребление этих рефлексивов. В этом случае к *zibun* / *caki*, по крайней мере в их нелокальных употреблениях, нельзя применять термин «рефлексивы»; нелокальные *zibun* / *caki* выполняют какую-то другую функцию, чем локальные (настоящие) рефлексивы.

Будет рассмотрена теория, которая предполагает, что нелокальные *zibun* / *caki* являются не рефлексивами, а **логофорическими** (logophoric) местоимениями, и их употребления регулирует не формальное Условие А, а другие, неформальные закономерности.

2. Факты корейского языка и стандартная теория связывания

Одним важным свойством как локальных (4), так и нелокальных (5) рефлексивов является то, что их антецедентом обычно является подлежащее / топик, но не дополнение (так называемая ориентация на подлежащее, subject-orientation):

(4) *Chelswu₁-nun Swunmi₂-eykey*

Чольсу₁.ТОП Сунми₂.НАПР/К

caki_{1,2}-ey tayhaye malhay-ss-ta [кор.]

себя_{1,2}. НАПРО сказать.ПРОШ.ИЗЪЯВ

‘Чольсу рассказал Сунми о себе’

(5) *Chelswu₁-nun Swunmi₂-eykey [Hakswu₃-ka caki_{1,2,3}-lul* [кор.]

Чольсу₁.ТОП Сунми₂.НАПР/К [Хаксу₃.НОМ себя_{1,2,3}.АКК

sohaha-0-nta-ko] seltukhay-ss-ta

любить.НАСТ.ИЗЪЯВ.ЧТО] убедить.ПРОШ.ИЗЪЯВ

‘Чольсу убедил Сунми, что Хаксу любит его (Чольсу) / *ее

(Сунми) / себя’

В некоторых случаях антецедентом и локальных, и нелокальных рефлексивов может быть дополнение. В примерах (6)–(7) показаны корейские примеры с нелокальным рефлексивом, в которых локальный рефлексив имеет антецедентом дополнение (ср. (7) и (5)). В этих примерах также отсутствует отношение к-командования между рефлексивом и его антецедентом, что ставит под сомнение наличие какой-либо синтаксической зависимости рефлексива от антецедента.

(6) *[Swunmi₁-ka caki_{1,2}-lul miweha-0-nta-nun]*

[Сунми₁.НОМ себя_{1,2}.АКК ненавидеть.НАСТ.ИЗЪЯВ.РЕЛ]

kes-i Hakswu₂-lul sulpukeyha-0-nta

вещь-НОМ Хаксу₂.АКК огорчать.НАСТ.ИЗЪЯВ

‘То, что Сунми₁ ненавидит себя₁ / его₂, огорчает Хаксу₂’

(7) *Chelswu₁-nun Hakswu₂-eykeyse [Swunmi₃-ka*

Чольсу₁.ТОП Хаксу₂.НАПР/ОТ [Сунми₃.НОМ

caki_{1,2,3}-lul miweha-0-nta-ko]

себя_{1,2,3}.АККненавидеть.НАСТ.ИЗЪЯВ.ЧТО]

tul-ess-ta

услышать.ПРОШ.ИЗЪЯВ

‘Чольсу слышал от Хаксу, что Сунми ненавидит его (Чольсу) / его (Хаксу) / себя’

Еще одним важным контрпримером того, что отношения между нелокальными рефлексивами и их антецедентами можно определить синтаксическим способом, является случай, когда антецедент такого рефлексива находится вне предложения, содержащего рефлексив — ср. (8) [Sells 1987]. Этот пример ставит под сомнение тот тезис (который необходимо лежит в основе синтаксических теорий нелокальных рефлексивов), что вообще существует какая-либо синтаксическая зависимость между нелокальным рефлексивом и его антецедентом.

(8) *Pierre₁-nun Marie₂-lul hyosangka-ess-ta. Kunye₂-nun*

Пьер₁.ТОП Мария₂.АКК думать.ПРОШ.ИЗЪЯВ. Она₂.ТОП

[caki₁-ka akhi-ko salangha-ten]

[себя₁.НОМ боготворить.И любить.РЕЛ]

sonye-i-ess-ta [кор.]

девушка.БЫТЬ.ПРОШ.ИЗЪЯВ

‘Пьер₁ думал о Марии₂. Она₂ была девушкой, которую он₁ (букв. себя₁) боготворил и любил’

Приведенные выше примеры заставляют отказаться от стандартной теории связывания как способа анализа нелокальных местоимений и искать какие-либо модификации этой теории или альтернативные теории. Более того, эти примеры ставят под сомнение синтаксическую природу связи между нелокальным рефлексивом и его антецедентом. Возможно, механизм перехода от такого рефлексива к антецеденту основан не на синтаксических, а на дискурсных закономерностях.

3. Попытки формального описания нелокальных рефлексивов

А. Теория абстрактного перемещения вершин [Pica 1987, 1991] постулирует, что стандартное Условие А всегда выполняется, даже в случае нелокальных рефлексивов, когда рефлексив находится

в другом простом предложении, чем его антецедент (см. примеры (3)-(4)). Это возможно потому, что Условие А должно выполняться не на уровне поверхностной структуры предложения (как это было в стандартном варианте Условия А), а на абстрактном уровне логической формы (*logical form*). Это значит, что можно ввести абстрактные (такие, которых не видно в предложении) перемещения рефлексивов, результатом которых является абстрактное представление предложения (уровень логической формы), и в этом представлении рефлексив локально связан своим антецедентом. Данная теория предполагает, что антецедент и нелокальный рефлексив находятся в отношении к-командования, т. к. перемещение нелокального рефлексива (как любое перемещение в теории управления и связывания) возможно только вверх по синтаксическому дереву, а не вниз.

Б. Теория параметризации областей связывания [Manzini & Wexler 1987] предполагает, что не существует какой-либо одной универсальной области связывания для всех рефлексивов (как в одном, так и в разных языках). Вместо этого каждому конкретному рефлексиву данного языка ставится в соответствие определенная область связывания. Например, область связывания английского *himself* — простое предложение (ср. стандартное условие А). Область связывания корейского *saki* — все предложение, сколько бы вложенных предложений оно ни содержало и каких: антецедентом *saki* может быть подлежащее главного предложения, даже если *saki* находится в финитном придаточном предложении (ср. примеры (3), (5)).

Таким образом, теория параметризации сохраняет Условие А стандартной теории связывания, но модифицирует его следующим образом: **Параметризованное условие А: Анафóр должен быть связан в пределах своей области связывания; при этом каждому анафору / рефлексиву ставится в соответствие некоторая область связывания.**

Ни одна из обеих упомянутых формальных теорий не учитывает, что рефлексив может находиться вне того предложения, в котором содержится антецедент (пример (8)). Теория передвижения вершин, кроме того, не может объяснить, почему антецедентом

нелокального рефлексива может быть не подлежащее, а дополнение (примеры (6)-(7)).

4. Теория логофорических местоимений [Sells 1987] в приложении к нелокальным рефлексивам

Sells [1987] (ср. также статью [Reinhart & Reuland 1991], в которой высказываются сходные идеи) обращает внимание на сходство нелокальных рефлексивов с логофорическими местоимениями, которые употребляются в косвенной речи вместо нейтральных местоимений, если их антецедент — автор этой косвенной речи. Две парадигмы местоимений (нейтральные и логофорические) имеются, например, в языке эве. Употребление логофорических местоимений схематически представлено в предложениях (9а-б) (Иван и он в (9а-б) кореферентны):

(9) а. Иван ушел потому, что он_{НЕЙТР} устал

б. Иван сказал, что он_{ЛОГОФ} устал

Иван в (9б), но не в (9а), является автором речи, переданной придаточным предложением; этим и обусловлено употребление двух разных классов местоимений при референции к Ивану.

Таким образом, прототипическое логофорическое местоимение относится к субъекту речи. Sells предполагает, что нелокальные рефлексивы могут относиться не только к фокусу эмпатии, но и к субъекту речи, и при этом они скорее являются логофорическими местоимениями, а не рефлексивами.

Данный тезис, во-первых, позволяет объяснить случаи, когда антецедент нелокального местоимения — дополнение со значением «субъект речи» — пример (7). Во-вторых, тезис Sells позволяет объяснить случаи типа (8), в которых рефлексив вообще не имеет антецедента в том же предложении. В данных примерах во втором предложении, в котором содержится рефлексив (*caki*), передается внутренняя речь субъекта, который упоминается в первом предложении (*Pierre*) и который является антецедентом рефлексива.

В-третьих, в прототипических случаях употребления нелокальных рефлексивов (3), (5) подлежащее / топик главного предложения является субъектом (внутренней) речи, выраженной придаточным

предложением, в котором находится рефлексив. Это позволяет сделать предположение, что в (3), (5) нелокальные местоимения относятся к подлежащему/топику главного предложения как логофорические местоимения к субъекту речи (а не как к фокусу эмпатии).

Sells также предполагает, что антецедентом нелокального рефлексива может быть, помимо фокуса эмпатии и субъекта речи, субъект психологического состояния. Это объясняет то, что антецедентом *saki* в примере (7) является дополнение: это дополнение обозначает субъекта психологического состояния.

Важно отметить роль к-командования в отношениях между нелокальным рефлексивом и его антецедентом. Если антецедент нелокального рефлексива — подлежащее, как в примерах (3), (5), то антецедент в нормальном случае к-командует рефлексивом. Однако если антецедент рефлексива — субъект (внутренней) речи или психологического состояния, то требование, чтобы антецедент к-командовал рефлексивом, отсутствует. Такой антецедент может быть не только подлежащим / топиком, но и дополнением, и в последнем случае антецедент не может к-командовать ни одним узлом за пределами VP, в которой он содержится (т. е. не может к-командовать рефлексивом). Так, в примерах (6)-(7) антецедент не к-командует *saki*.

Если же антецедент находится не в том же самом предложении, что рефлексив (пример (8)), то о к-командовании не может быть речи, так как это отношение определено только между узлами одного синтаксического дерева (а такое дерево соответствует единичному предложению, а не тексту).

Таким образом, в соответствии с теорией Sells [1987], нелокальные рефлексивы могут относиться к фокусу эмпатии, субъекту психологического состояния (в любой грамматической функции) или к субъекту речи (в любой грамматической функции). Последний тип антецедента выявляет сходство нелокальных рефлексивов с логофорическими местоимениями.

ЛИТЕРАТУРА

- Тестелец Я.Г., Толдова С.Ю. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания. 1998. 4.
Chomsky, N. Lectures on Government and Binding. — Dordrecht, 1981.

- Manzini, M.R. & Wexler, K. Parameters, Binding Theory and Learnability // *Linguistic Inquiry*. 1987. 18.
- Pica, P. On the Nature of the Reflexivization Cycle // *Proceedings of NELS* / Eds.: J.McDonough, B.Plunkett. 1987. 17.
- Pica, P. On the Interaction between Antecedent-Government and Binding: The Case of Long-Distance Reflexivization / Eds.: J.Koster, E.Reuland. 1991.
- Sells, P. Aspects of Logophoricity // *Linguistic Inquiry*. 1987.18.3.

М.Б.Рукодельникова

К ВОПРОСУ ОПИСАНИЯ НЕГАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, морфологическая система дунганского языка (диалект Ганьсу) обладает развитой системой глагольной аффиксации, что позволяет различным исследователям (А.А.Драгунову, А.Калимову, М.Х.Имазову и др.) говорить о наличии в этом языке развитой видо-временной системы, системы наклонений, выделять особую предикативную видовую систему [Драгунов 1940], даже «отдельную глагольную категорию лица» [Имазов 1982, 95].

Типологической особенностью дунганского языка, так же как и китайского языка, является включение показателей глагольного отрицания (прежде всего это относится к *бу* и *мэ*¹) в видо-временную систему глагола. Грамматическая роль отрицаний особенно отчетливо проявляется в дунганском языке, где глагольное сказуемое требует обязательного морфологического оформления, причем показатели отрицания *бу* и *мэ* находятся в отношении дополнительного распределения и закреплены за разными грамматическими формами глагола. Еще А.А.Драгунов отмечал, что вся система соотношения прошедшего-настоящего-будущего времен отражается в дунганских отрицательных предложениях при помощи *бу* и *мэ*.

¹ Здесь и далее дунганские примеры даются в традиционной для отечественного дунгановедения кириллической записи. а китайские примеры — в фонетической транскрипции pinyin.

Причем именно эти показатели отрицания превращают неоформленную глагольную морфему из наименования действия в морфологически законченное целое, в финитное сказуемое.

Обычно выделяются следующие случаи употребления *бу*:

1. В исследованиях по дунганскому языку отмечается, что употребление глагольной морфемы с *бу* переносит отрицаемое действие в будущее время. Ср.:

<i>чи</i> 'идти'	—	<i>чини</i> 'пойдет'	—	<i>бу чи</i> 'не пойдет'
<i>на</i> 'брать'	—	<i>нани</i> 'возьмет'	—	<i>бу на</i> 'не возьмет'

(*ни* — показатель будущего времени, его модальность в дунганском утрачена. В отличие от путунхуа, где можно сказать *bu lai ne* 'не придет', в дунганском возможно только либо употребить глагол с частицей *-ни* → *лэйни* 'придет', либо с отрицанием *бу*, но без *-ни* → *бу лэй* 'не придет')

*Ваму ба хуар бу жю.*² — 'Дети цветы не [будут] рвать.'

2. Известно также, что *бу* содержит в своем значении элементы отрицания длительности действия (если ставится перед глаголом, а не инкорпорируется в него, как происходит со сложными результитивными глаголами). Это правило не абсолютно: А.А.Драгунов приводит примеры типа *бу чышон*, где, хотя *бу* и стоит перед результитивным глаголом, данная фраза переводится как 'надо было съесть', а не 'не съел', т. е. «модальный оттенок значения» частицы *бу* «берет верх» над значением отрицания. (Этот пример противоречит также и утверждению о том, что *бу* не употребляется перед результитивными глаголами, а только инкорпорируется в них).

3. В дунгановедческой литературе отмечается, что *бу* может использоваться и в усилительной роли — для усиления отрицания обычности какого-то действия (А.А.Драгунов называет подобные случаи употреблением *бу* в настояще-будущем времени). Например: *та бу хэ ца* имеет два варианта перевода: (1) 'он не пьет чая (не имеет этой привычки)' и (2) 'он не будет пить чай'. Ср. употребле-

² ж — особая буква дунганского алфавита, соответствует в pinyin китайскому [zh].

ние с суффиксом настоящего-будущего времени *ни*: *та бу хэ ца ни* 'он никогда не пьет чая (и никогда не будет пить)'.

4. *Бу* допускает перемещение действия в план прошлого (т. е. как бы вторгается в сферу действия *мэ*). Возможно, это обусловлено модальными свойствами данного показателя.

Та бу шо «шы», е мэ шо «бу шы». 'Он не [хотел] сказать «да», но и не сказал «нет».' (Пример из [Драгунов 1952, 134]).

5. В предложении *бу* играет двойную роль: с одной стороны, по смыслу соотносится с полузнаменательными модальными наречиями типа 'сейчас', 'еще', 'так же' и др., с другой стороны, его грамматическая функция противопоставлена *мэ*.

Обычно выделяются следующие случаи употребления *мэ*:

1. Употребление глагольной морфемы с *мэ* переносит отрицаемое действие в прошлое (если глагол не оформлен никаким суффиксом), например: *хуа* 'рисовать' — *мэ хуа* 'не рисовал' (ср. *хуали* 'рисовал').

Сложные суффиксы прошедшего времени *-дилэ* и *-гуэ* не выпадают при отрицании: *няндилэ* 'читал тогда' — *мэ няндилэ* 'не читал тогда', *щегуэ* 'довелось писать' — *мэ щегуэ* 'не довелось писать'.

2. Если действие происходит в настоящее время, то глагол оформлен суффиксом *-дини* в положительной форме, а в отрицательной форме *-ди*. Практически все исследователи отмечают употребление суффикса *-ди* (кит. соответствие *zhe*) в отрицательной форме глагола настоящего времени независимо от того, длительное или недлительное действие он обозначает.

Та мэ лэди 'Он не приходит'; *Та мэ фади* 'Он не играет'.

Вава щёдини 'Ребенок смеется'; *Вава мэ щёди* 'Ребенок не смеется'.

Ср. *Вава мэ щё* 'Ребенок не смеялся'.

3. Употребление глагольного отрицания *мэ* не допускает переноса действия в план будущего времени, в отличие от *бу*, которое способно «вторгаться» в сферу действия *мэ* (см. выше).

4. Отрицание *мэ* не сочетается с глаголами не-действия (т. к. они не могут быть ограничены моментом речи, не допускают присоединения суффикса *-ди* (кит. *zhe*)).

В работах по дунганскому языку оговаривается, что *бу* и *мэ* не могут сочетаться с глаголами, имеющими суффиксы времени, т. к. они сами наделены временным значением. Это утверждение слишком категорично, т. к. практически все исследователи отмечают случаи «смешанного глагольного оформления» [Драгунов 1940], «нестандартного употребления» [Имазов 1982] данных показателей отрицания, которое демонстрирует одновременное употребление *бу* и *мэ* и ряда видо-временных суффиксов.

А.А.Драгунов подчеркивал, что суффиксы *-ли*, *-ни*, *-дини*, а также отрицания *мэ* и *бу* никакого нового лексического содержания в значение предиката не вносят. Не вполне ясной представляется тогда трактовка примеров типа *Ta bu lēli* ‘Он уже больше не придет’. (Отличие от *мэ* — возможна одновременная суффиксация *-ли*; но здесь мы, скорее всего, имеем дело с омонимией показателя перфектива *-ли* и усилительной частицы *-ли*). В китайском языке можно наблюдать сходную картину в примерах типа *Ta bu zai shuo hua le* ‘Он больше не стал говорить’. Однако в китайском имеется в виду, что действие заканчивается (или уже закончилось) и в дальнейшем не будет осуществляться. В дунганском примере отрицается вероятность совершения действия в будущем, но остается неясным, имело ли место данное действие раньше.

Большой интерес представляют также случаи употребления отрицаний *мэ* и *бу* с наречиями. Например, дунганской фразе *хань мэ лэйни* (*ни* уже не может быть опущено) соответствует два контекстно-зависимых перевода: а) ‘еще не приехал’ б) ‘все еще не приехал’; а в китайском языке эти оттенки значения морфологически разнесены: *hai mei lai* ‘еще не приехал’ и *hai mei lai ne* ‘все еще не приехал’.

Другой пример расхождений в дунганском и китайском языках. Существующее в китайском языке различие между сказуемым, выраженным глаголом с дополнением, и сказуемым, выраженным глаголом без дополнения, в дунганском морфологически унифицировано: *та кань фудини* ‘он читает книгу’ — *та цзудини* ‘он идет’; *та мэ кань фуди* ‘он [в данный момент] не читает книгу’ — *та мэ цзуди* ‘он [в данный момент] не идет’ (*ди* соответствует китайскому *zhe*). В китайском имеем: *ta kan bao ne* ‘он [в данный

момент] читает газету' — *ta zouzhe ne* 'он [в данный момент] идет'; *ta mei kan bao ne* 'он [в данный момент] не читает газету' — *ta mei zouzhe* 'он [в данный момент] не идет'.

А.А.Драгунов считал, что такая унификация является ярким показателем становления в дунганском языке категории настоящего времени.

Разнообразие «особого» функционирования показателей отрицания *мэ* и *бу* в дунганском языке представляет большой интерес. Дунганский материал демонстрирует более быстрый процесс «морфологизации», чем это происходит в байхуа. Особый, даже, пожалуй, значительный отпечаток на развитие морфологии накладывает и тот факт, что среднеазиатские дунгане не владеют иероглифической письменностью. Еще в работе А.А. Драгунова 1940 г. можно найти яркий пример *жыбудо* 'не могу узнать' наряду с более ожидаемым *бу жыдо* 'не знать' (по аналогии с инкорпорацией модального отрицания невозможности доведения действия до какого-либо результата *бу* в результативный глагол типа *подо* 'добежать' → *побудо* 'не могу добежать'). Это явный случай фонетического смешения второй части глагола *жыдо* 'знать', этимологически восходящей к именному дополнению *до* 'путь', с очень распространенным модификатором *до* 'доходить до'. При этом в существующих грамматиках дунганского языка [например, Имазов 1982] специально оговаривается невозможность сочетания «глаголов не-действия» с видовыми и модальными показателями.

ЛИТЕРАТУРА

- Драгунов А.А. Исследования в области дунганской грамматики. Категория вида и времени в дунганском языке (диалект Ганьсу). Труды Института востоковедения. Т. XXVII. — М.-Л., 1940.
- Имазов М.Х. Очерки по морфологии дунганского языка. — Фрунзе, 1982.
- Калимов А. Дунганский язык // Языки народов СССР. Т. V. — Л., 1968.
- Цунвазо Ю. К вопросу о средствах выражения отрицания в дунганском языке // Вестник АН Каз. ССР, 1949, №10.

СЛГВОВЫЕ ТОНЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: К ПРОБЛЕМЕ УТРАТЫ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ

1. В любом тональном языке фонoлогическая функция слогового тона как лексического дифференциатора в полной мере проявляется в односложных словах. Следовательно, большая или меньшая квoта односложной лексики в каждом данном языке характеризует эти языки в плане большей или меньшей продуктивности тона как фонoлогического средства на уровне слоговой (словной) морфемы.

2. В двусложных и многосложных словах тоновая фонoлогия в разных языках и в разных слоях лексики может проявлять себя по-разному: она может действовать в сильном варианте, ослабленном и может утрачиваться совсем.

3. Так, в современном китайском языке большой пласт двусложной и многосложной лексики устроен по сильному варианту фонoлогической функции тона. В двусложных (трехсложных) словах слоговые тоны морфем четко дифференцируют их лексические значения, которые достаточно ясно осознаются говорящими. Внутренняя семантическая форма таких слов прозрачна; слова очень похожи на словосочетания, хотя их значения не являются уже суммой значений составляющих их частей.

Эта лексика очень ярко демонстрирует национальную специфику образования понятий по принципу: сложное понятие — простое. Например, *shanshui* (первый, третий тоны) — ‘гора-вода’ — ‘пейзаж’, *dianhua* (четвертый, четвертый тоны) — ‘электрические слова’ — ‘телефон’.

4. Другую граничную группу слов могут иллюстрировать слова типа *zhiliao* (первый, третий тоны) — ‘цикада’, в тональном и семантическом отношении устроенные прямо противоположно. В таких словах слоговые морфемы мертвы, и тоны в них — средства чисто просодические, они образуют нормативное звучание слова. Таких слов в современном китайском языке немного, но в типологическом аспекте для языка слогового, тонального они очень важны. Это бесспорные граничные слова с чисто просодическими тонами. Проф. Гао Минкай в своей «Грамматики китайского языка»¹

называет их «чистыми многосложными словами». Кроме *zhiliao* (первый и третий тоны), к ним он относит еще: *huntun* (второй, нейтральный) — ‘суп с «ушками»’, *wawa* (второй, нейтральный тоны) — ‘ребенок’, *louluo* (второй, второй тоны) — ‘дельный, сметливый’, *pingrang* (первый, первый тоны) — ‘пинг-понг’, *wochuo* (четвертый, четвертый тоны) — ‘грязный’, *cuoda* (четвертый, четвертый тоны) — ‘нищий грамотей’, *bulu* (четвертый, четвертый тоны) — ‘кисть для письма’.

5. Между обозначенными двумя границами располагается обширный пласт двусложной и многосложной лексики, в словах которого лексические значения морфем в той или иной степени затушеваны, и, следовательно, фонологическая функция тона в них ослаблена.

6. В наибольшей степени фонологическая функция тона ослаблена в тех словах, в которых лексические значения морфем практически совсем или почти совсем ушли на второй план (как бы спрятались за кулисы). Такое слово обозначает понятие интегративно: то или иное значение ассоциируется со звучанием двуслога (трехслога) в целом. О том, что такие слова в современном китайском языке имеются, свидетельствует проф. Ван Ли. В его «Теории китайской грамматики»² читаем: «Некоторые двусложные слова состоят как бы из двух слов... Фактически же такие слова могут передавать лишь одно понятие, например, слово *xiansheng* (первый, нейтральный тоны) отнюдь не значит ‘преждерожденный’. Это слово обозначает уважительное обращение к мужчине. К такого рода словам относятся: *tianxia* (первый, четвертый тоны) — ‘поднебесная’, *laoma* (нейтральный, первый тоны) — ‘госпожа’, *huating* (первый, первый тоны) — ‘зал’, *yuanxiao* (второй, первый тоны) — название праздничного блюда наподобие пельменей, *gaoxing* (первый, четвертый тоны) — ‘радостный’». В констатации Ван Ли: «Такие слова могут передавать лишь одно понятие» — заключен тот смысл, что по составляющим своим частям (по-морфемно) слова этой категории современными китайцами не воспринимаются, подобно тому как по-морфемно не воспринимаются современные русские слова «сегодня», «сейчас», «бездна» и др. Роль тона как лексического дифференциатора слоговых морфем

в словах, приведенных Ван Ли в качестве примера, в очень значительной степени утрачивается. Тоны в них в большей степени становятся средством их просодического устройства. Виновата в таком повороте функции тона языковая эволюция, доминантой которой на протяжении всей истории китайского языка являлось стяжение слов-однослогов в слова и словоподобные образования — двуслоги.

7. С течением времени, по мере того как двуслог в целом, сам по себе, а не по своим частям, брал на себя функцию обозначения простых понятий, его составные части постепенно лексически затушевывались, отступали на второй план. Это происходило как в одном слоге двуслога, так и в обоих слогах. Если реальная семантика выветривалась в одном слоге, тон этого слога превращался в нейтральный, а сам слог грамматикализировался. Если процесс семантической затушеванности затрагивал оба слога, а тоны при этом не нейтрализовались, то они в составе целого образования в очень значительной степени утрачивали свою фонологическую функцию лексических дифференциаторов и становились, главным образом, фактором просодического устройства двуслога как единой лексической единицы. Результат этого процесса мы и наблюдаем в двух слоях лексики современного китайского языка. Один слой — двусложные слова с суффиксами, иногда — префиксами; полусуффиксальные морфемы представляют собой еще не завершённую эволюцию. И другой слой — слова с семантической затушеванностью и первого, и второго слогов при сохранении их полных тонов.

8. Первый слой лексики (слова с суффиксами) уже давно являлся и является до сих пор предметом лингвистического интереса. Второй же слой — слова типа *gaoxing* (первый, четвертый тоны) — ‘радостный’, *huating* (первый, первый тоны) — ‘зал’, *yuanxiao* (второй, первый тоны) — название праздничного блюда наподобие пельменей, — по существу, не подвергался еще лингвистической интерпретации. Между тем, именно этот слой современной китайской лексики не в меньшей степени, чем первый, представляет исключительный интерес с точки зрения перспектив языковой эволюции. Прежде всего, в настоящее время не ясен удельный вес лексики, о которой идет здесь речь. Определить его весьма трудно:

необходимы тонкие психолингвистические эксперименты на восприятие слов этого типа, и, применительно к фонетико-фонологической проблематике, прежде всего, на слуховое восприятие. По нашим предварительным данным даже филологически образованные современные китайцы не могут определить семантико-морфологический тип связи морфем примерно в 20 % двусложных слов (при общей выборке свыше 1 тыс. слов). А утрата типовой определенности связи между слоговыми морфемами двуслога несомненно может свидетельствовать о его принадлежности к тому слою лексики, внимание к которому привлек проф. Ван Ли.

Этот слой лексики интересен еще и тем, что он отличается от того слоя, в котором лексическая десемантизация затрагивает один слог. Когда слоговая морфема превращается в суффикс, слог утрачивает свое лексическое значение, и тон этого слога превращается в нейтральный. В словах же типа *gaoxing* (первый и четвертый тоны) — ‘радостный’, *huating* (первый, первый тоны) — ‘зал’ лексическая десемантизация морфем иная. Свои лексические значения морфемы не теряют, хотя в составе двуслога самостоятельной роли эти значения не играют, становятся фоновыми, образуя тот семантический задник, который может быть восстановлен лишь при лингвистическом анализе слова, а не при его восприятии. Тоны морфем сохраняются, не становятся нейтральными, а при возвращении им самостоятельного (словного) статуса они легко восстанавливаются в своих лексических значениях. В связи с этим возникают вопросы: каков этот второй план лексической жизни морфем в составе двуслога? Это все-таки какая-то жизнь или морфемы лексически совсем мертвы и живет только двуслог в целом? Иначе говоря, проявляет ли себя как-то внутренняя семантическая форма слова в этом пласту лексики на уровне восприятия, а не на уровне лингвистического анализа? Можно ли в рассматриваемом плане (сравнивая морфемы и функции слоговых тонов) ставить рядом такие слова с двуслогами типа *zhiliao* (первый и третий тоны)?

В настоящее время без проведения психолингвистических экспериментов, нацеленных на обращение к языковому сознанию современных китайцев, ответить на поставленные вопросы нельзя. Можно лишь предположить, что по функции слоговых тонов,

а следовательно, и по семантической организации двуслогов, слова в примерах проф. Ван Ли только в какой-то степени приближаются к словам типа *zhiliao* (первый и третий тоны), но отнюдь не равны им.

9. Тональная комбинаторика в современном китайском языке во многих случаях дает право говорить о полной утрате фонологической функции тона в морфемах двусложных и многосложных образований. Так, в сочетании третьего тона с третьим третий тон первого слога, реализованный по частотному контуру как второй, не является уже тоном фонологическим. Не является фонологическим и четвертый тон первого слога, реализованный (по причине диссимилизации) как второй в таком сочетании, как *dianshi* (второй и четвертый тоны) — ‘телевидение’. Комбинаторные тоны в многочисленных повторах также не есть тоны фонологические: *xuebai* (третий и второй тоны) — ‘белоснежный’, но *xuebaibai* (третий, первый, первый) — ‘белый, белый как снег’.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гао Минкай. Грамматика китайского языка (*Han yu yufa lun*). — Пекин, 1948.

² Ван Ли. Теория китайской грамматики (*Zhongguo yufa lilun*). Т. 1. — Шанхай, 1955.

SUMMARY

The article considers the phonological function of syllabic tones in disyllables of modern Chinese. The following thesis is advanced: in different layers of disyllabic vocabulary the phonological function of syllabic tones acts differently — in a strong variant, in a weak one, and can be lost completely. In the last variant syllabic tones become the prosodic factor of a word only, and form its normative sound.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ УЧЕБНИКА ПО КИТАЙСКОЙ ЛЕКСИКЕ

В течение примерно двадцати лет автор читал в разных городах России курс лекций по лексике китайского языка. На основе этого курса был подготовлен Учебник. Книга выходит из печати в 2000 году. Она ориентирована на читателя, уже владеющего достаточным количеством лексического материала, и может являться учебником по китайской лексике для студентов старших (четвертого и пятого) курсов вузов.

Учебник состоит из трех разделов, каждый в свою очередь распадается на ряд лекций. Всего в учебнике 17 лекций.

Первый раздел, включающий три лекции, является своего рода теоретическим введением к книге. В нем дается определение лексики и науки о лексике, рассматриваются особенности китайской лексики и методы ее исследования. В этой же главе определяются основные лексические единицы китайского языка и их свойства. Показываются особенности компонентного анализа китайской лексики, связанные с ее словообразовательной и графической структурами. Несомненно, что эти особенности китайской лексики облегчают проведение компонентного анализа.

Второй раздел Учебника включает одиннадцать лекций. В них рассматриваются особенности словообразовательных процессов в китайском языке. Как известно, способов словообразования, которыми располагают языки, — ограниченное количество, ни один язык не использует все возможные способы. Учебник знакомит читателя с особенностями китайской лексической системы и моделями соединения первичных лексем (ПЛ). Выявляются основные типы синтагматических отношений между компонентами лексических комплексов (семантических реляций). Знание этих реляций помогает объяснить значение комплекса. Кроме того, понимание внутренней семантической структуры комплекса помогает запомнить его, поскольку студенты уже осознанно подходят к лексическому материалу. Они сами теперь могут выводить значение нового лексического комплекса из значений его компонентов и семантической реляции между ними, если они усвоили возможные

типы реляций, таких, как «реляция времени», «реляция места», «реляция формы», «реляция цвета», «реляция движущей силы».

Приведем в качестве примера комплексы, образованные с помощью реляции «материал»: **皮包** *пибао* 'портфель', **雪球** *сюэцю* 'снежок', **苹果酱** *пингоцзян* 'яблочное варенье' (букв. 'сделанное из яблок варенье'), **葡萄汁** *путаочжи* 'виноградное вино' (букв. 'приготовленное из винограда вино'), **血肿** *сюэчжун* 'гематома' (букв. 'кровяная опухоль'), **鱼冻** *юйдун* 'заливное из рыбы', **肉冻** *жоудун* 'мясной студень'.

Отношения между ПЛ отличаются большим разнообразием, их словообразовательная активность высока. Они участвуют в образовании существительных, прилагательных, глаголов по определенным имеющимся в языке структурно-семантическим моделям. Знание этих структурно-семантических моделей, а также значений компонентов помогает вывести значение того или иного лексического комплекса.

Знакомство с приводимым в Учебнике набором семантических реляций и овладение структурно-семантическими моделями лексических комплексов намного облегчает понимание лексического материала, а также его осознанное запоминание.

Особое внимание в лекциях уделяется способу сложения, его типам и моделям. Такой подход объясняется тем, что данный способ является основным в китайском словообразовании, по нему создается также и большая часть новой китайской лексики, например: **健美操** *цзяньмэйцао* 'аэробика' (букв. 'гимнастика здоровья и красоты'), **高铁** *гаоте* 'надземное метро' (в Тайване). Это зависит от грамматических особенностей языка. Если в языках флективного типа, например, русском, основным способом словообразования является аффиксация, то в китайском языке — характерном представителе изолирующих языков — основным способом пополнения словарного состава является сложение значимых единиц — первичных лексем. В результате образуется лексическая единица, представляющая собой функциональное единство, имеющая свое определенное лексическое значение, а с другой стороны — лексический комплекс строится по опре-

деленной словообразовательной модели и имеет свою внутреннюю семантическую структуру.

В «Учебнике по китайской лексике» большое внимание уделяется семантической структуре лексических единиц. Семантическая структура здесь рассматривается как сложное образование, состоящее из более мелких семантических единиц – узуальных значений. Например, слово 来 *лай* имеет двенадцать взаимосвязанных значений, в первом значении ‘приходить’ оно образует антонимическую пару со словом 往 *ван*, имеющем три значения, по линии одного из узуальных значений. В результате пересечения отдельно взятых узуальных значений разных слов мы получаем новое сложное слово 来往 *лайван*. Оно будет отличаться меньшим полисемантизмом и тяготеть к однозначности. Например: 来往 *лайван* (букв. ‘приходить’ + ‘уходить’) ‘общаться’, ‘общение’; 东西 *дунси* (букв. ‘восток’ + ‘запад’) ‘вещь’. В данном случае возможен и обратный порядок: 往来 *ванлай* с тем же значением.

Особое внимание обращается на особенности семантических механизмов словообразования в китайском языке. Национальное своеобразие китайского языка отмечается и в создании специфических предметных формантов, например: 星 *син* ‘звезда’ (о выдающемся человеке), 热 *жэ* ‘бум’, 城 *чэн* ‘городок’. Это особенно ярко проявляется в настоящее время и показано читателям на материале новообразований. Таким образом, теория лексикологии тесно связана с методикой преподавания лексики и с лексико-графической практикой.

Отдельная лекция отводится аффиксальному словообразованию, в ней на большом фактическом материале показаны особенности китайских аффиксов, включающих в себя префиксы, суффиксы и полусуффиксы. В лекции выделяются наиболее употребительные суффиксы, такие, как 头 *-тоу*, 子 *-цзы*, 儿 *-эр*, 者 *-чжэ*, 的 *-ды*, 手 *-шоу*, 家 *-цзя*.

Кроме того, выделяются наиболее употребительные полусуффиксы: 员 *-юань*, 士 *-ши*, 匠 *-цзян*, 度 *-ду*, 量 *-лянь*, 率 *-люй*, 心 *-синь*, 化 *-хуа*. Среди них отмечаются полусуффиксы, которые имеют связь с исходным значением (匠 *-цзян* ‘мастер’). Суффиксы характеризуются также по времени своего возникновения, так,

суффикс 者 -чжэ может образовывать отглагольные существительные, которые составляют значительный слой в современной лексике. Возник он в древнекитайском языке, литературном.

Приводится большое количество примеров оформленного аффиксом словосложения, отмечается как формообразовательная, так и словообразовательная роль аффиксов. При построении моделей указывается грамматическая характеристика производящей основы и результирующего целого. Отмечается разная степень формализации суффиксов, так, например, элемент 家 -цзя как словообразовательный суффикс существительных уже не несет своего лексического значения 'семья', он полностью формализован, в качестве суффикса он образует названия различных лиц по профессии.

В данной лекции прорабатывается большой фактический материал, поэтому для проверки и закрепления материала здесь особенно много контрольных вопросов (12) и упражнений (18). Подробно выявляются особенности сложносокращенных слов, их структура, а также их отличие от ССС в русском языке. Построены основные модели сложносокращенных слов.

Рассматриваются и другие типы лексических единиц: устойчивые словосочетания, чэньюй, фразеологизмы. Объясняются различные источники происхождения фразеологизмов, готовых выражений чэньюй, показывается их национально-культурный фон. Особое внимание в Учебнике уделяется структурным типам китайских фразеологизмов. Китайские фразеологизмы отличаются разнообразным количественным составом и компонентным составом, они образуются по уже имеющимся в языке моделям.

Характеризуя национальное своеобразие китайских фразеологизмов, отмечаем их связь с мифическим миром животных, в частности с Драконом, занимающим в китайской культуре ни с чем не сравнимое высокое место. Здесь можно отметить, что иностранцы называют Китай великим Драконом Востока, а сами китайцы называют себя потомками Дракона. Например, в Учебнике приводятся следующие лексико-фразеологические единицы: 龙生龙 лун шэн лун 'у дракона рождается дракон', так говорят, когда «у хорошего отца и сын хороший». Интересно, что в день праздника лета — пятого числа по лунному календарю — проводятся состоя-

зания на лодках, с украшениями в виде головы и хвоста дракона. В Китае во время народных гуляний происходят представления с фонарями в виде дракона, танцы с огненным драконом.

Императорское судно называют **龙船** *лунчуань* 'драконова ладья'. В древней натурфилософии дракон является символом мужской воли, стойкости, поэтому в именах, которые дают китайским мальчикам, иероглиф **龙** *лун* 'дракон' встречается чаще других. По древней мифологии дворец царя драконов находится в морских глубинах. Поэтому фразеологизм **龙潭虎穴** *лун тань ху сюэ* 'пучина дракона и пещера тигра' означает 'опасное место'. Известно выражение **叶公好龙** *е гун хао лун*: человеку по имени Егун очень нравились драконы, и он постоянно рисовал их, но никогда не видел. И когда живой дракон вошел в хижину, он в испуге убежал. С тех пор выражение **叶公好龙** *е гун хао лун* стало обозначать 'любить что-либо понаслышке, любить лишь на словах'.

Третий раздел состоит из трех лекций на тему «Как образуются новые слова». В 17 главе анализируется новая тайваньская лексика. Кроме того, почти в каждой главе есть тайваньский материал. Каждая лекция сопровождается контрольными вопросами и упражнениями, цель которых — закрепление студентами изучаемого лексического материала.

При подготовке «Учебника по лексике китайского языка» необходимо было решать три проблемы:

Во-первых, как соединять научность и популярность изложения, другими словами, как просто объяснить студентам основные понятия лингвистической теории, связанные с лексикой. Например, термин **单义性** *даньисин* 'моносемия' объясняется как свойство слова иметь одно значение, а термин **多义性** *доисин* 'полисемия' — свойство слова иметь два и более значений. Кроме того, в конце Учебника помещен «Словарь лингвистических терминов».

Во-вторых, как соединять теоретичность с иллюстративностью, другими словами, какой объем должны занимать теоретический материал и какой — иллюстративный материал. Приведем следующий пример: при рассмотрении материала по теме «Аффиксальное словообразование» в лекцию включались не все аффиксы, а только самые употребительные и продуктивные в современной лексике.

Третья проблема состоит в том, что в процессе изучения китайской лексики – студенты сталкиваются с обилием омонимов в китайском языке, то есть слов, совпадающих по звучанию (омофоны) и слов, совпадающих по написанию (омографы). Возникают трудности их различения и понимания в речи. Отдельная лекция посвящена этой особенности китайской лексики. Здесь студентам объясняются причины возникновения омонимов в китайском языке, связанные с историей развития языка и изменением его фонетической системы, с иностранными заимствованиями. Кроме того, указываются пути преодоления омонимии в китайском языке. Знание приемов преодоления омонимии в речи помогает студентам добиваться однозначного понимания в общении.

В Учебнике лексика предстает не как простая сумма лексических единиц, а как упорядоченная определенным образом система. Все элементы этой системы связаны между собой определенными видами отношений. Это могут быть отношения противоположности, отношения части и целого, отношения тождества, родо-видовые отношения, отношения включения, отношения дублирования, отношения взаимного дополнения, пояснения и т. п.

Подготовленный автором «Учебник по китайской лексике» является первой книгой такого рода в России и вообще в Европе. При его подготовке были использованы исследования ученых материкового Китая и Тайваня.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОСТИ В ИЗОЛИРУЮЩИХ ЯЗЫКАХ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В последнее время широкое применение получил функционально-семантический подход к анализу языковых явлений, когда то или иное явление рассматривается в рамках определенного функционально-семантического поля [ФСП]. В отечественном языкознании эта теория была успешно применена при рассмотрении морфологических категорий глагола и имени. К настоящему времени вышла серия монографий, посвященных функционально-семантическим полям аспектуальности, темпоральности, персональности и т. д.

Под функционально-семантическим полем понимается, как пишет А. В. Бондарко, «система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных — лексико-синтаксических и т. п.), взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определенной семантической категории» [Бондарко, 1990, с. 566—567].

Поле рассматривается как некая структура, наделенная общим семантическим значением. Ядром поля является морфологическая категория со своим грамматическим значением, которое выступает в качестве ядерного значения общесемантического значения поля.

Метод «полевого» обследования языковых явлений многоаспектен. Он может быть применен к описанию языковых категорий одного языка. Он может быть применен в сопоставительном исследовании разных языков (см., в частности, работу Нгуен Тует Минь [Нгуен Тует Минь, 1999], в которой дан сравнительный анализ ФСП побудительности в русском и вьетнамском языках).

Методы «полевого» обследования языков также могут быть использованы в цельно-системных (всесистемных) типологических исследованиях (whole language typology), поскольку при функционально-семантическом обследовании явлений учитываются именно их системные свойства, их взаимодействие с другими явлениями.

Использование методов теории ФСП в рамках всесистемных типологических исследований важно в том плане, что языки разных типов могут обнаруживать: 1) разные наборы полей; 2) разные наборы формальных средств выражения функционально-семантических полей; 3) разные виды взаимодействия полей, или иначе — разные виды наложения полей друг на друга; 4) разную роль грамматических категорий в рамках ФСП.

В принципе, как отмечает А.В.Бондарко, возможно построение различных полей, не только тех, которые базируются на морфологической категории и которые, по его мнению, относятся к разряду моноцентрических, или сильно центрированных. А.В.Бондарко считает, что существуют полицентрические поля, которые не образуют единой гомогенной системы форм, типа: поля одушевленности / неодушевленности и т. д.

С нашей точки зрения, к полицентрическим полям можно отнести такие поля, которые связаны единой гомогенной системой средств. К разряду подобных полицентрических полей в изолирующих языках можно отнести несколько наложенных друг на друга полей, а именно поле аспектуальности — темпоральности, поле отрицательности, поле вопросительности, поле побудительности.

Такую совокупность полей можно назвать полицентрическим полем, исходя из того, что ФСП аспектуальности — темпоральности связано со всеми названными выше полями через поле отрицательности, т. е. через средства выражения отрицательности, входящие в ФСП отрицательности.

Поле отрицательности в изолирующих языках обладает многими общими чертами с полем отрицательности в индоевропейских языках. В поле отрицательности в изолирующих языках так же, как и в индоевропейских языках, основными средствами выражения отрицательности являются отрицательные слова (отрицания), отрицательные частицы и отрицательные аффиксы (чаще всего префиксы). Кроме того, отрицание может выражаться лексическими средствами, а также посредством утвердительных или вопросительных высказываний. Например, в китайском языке сочетание *he' bi' qu'?* 'Зачем ходить?' по значению равно *bu' bi' qu'* 'Незачем ходить'. Ср. в русском языке: 'Чего ждать?' равно 'Не надо ждать'.

Но вместе с тем поле отрицательности в изолирующих языках данного региона по ряду особенностей существенно отличается от полей отрицательности во флективных индоевропейских языках.

Первая особенность. Отрицания в изолирующих языках по их отношению к видо-временным значениям делятся на две группы. В первую группу входят отрицания, которые относятся к глаголам несовершенного вида (будущего и настоящего времени). Таковы, например, отрицания: китайское *bù* 'не(т)', рук *ǃǃ* 'не(т)', вьетнамское *không* 'не(т)'. Эти отрицания используются при выражении всевременной характеристики действия, при отрицании совершенности действия. Отрицания, входящие во вторую группу, относятся к глаголам совершенного вида. Таковы, например, отрицания: кит. *méi* (*you*) 'нет', рук *hom* 'еще не', вьет. *chua* 'еще нет'. В ряде языков показатели совершенного вида находятся в отношении дополнительной дистрибуции с отрицаниями второй группы. Например, в китайском языке при наличии отрицания *méi* (*you*) 'нет' глагол никогда не употребляется с суффиксом совершенного вида *le*. По-китайски говорят *méi chi* 'не ел' (букв. не + есть), но не говорят **méi chi le*.

Приведем для сравнения примеры из трех языков (китайского, рук и вьетнамского):

кит. *bù chi* 'не ест' или 'не будет есть' – *méi chi* 'не ел'
рук *ǃǃ ?ǃǃ* 'не ест' или 'не будет есть' – *hom* ?ǃǃ 'не ел'
вьет. *không ăn* 'не ест' или 'не будет есть' – *chua ăn* 'не ел'.

Отрицание языка рук *hom* и вьетнамского языка *chua* используются при отрицании факта совершения действия и при отрицании достижения полноты действия. Считается, что в последнем случае они передают значение, которое переводится на русский язык сочетанием отрицания 'нет' с наречием 'еще', хотя обычно в этом случае и в рук, и во вьетнамском, а также и в китайском перед отрицанием ставится наречие со значением 'еще' (вьет. *còn*, кит. *hái*, рук *ly'*). Китайское отрицание *méi you* само по себе не выражает значения 'еще нет'.

Вторая особенность. Вопросительные предложения с общим вопросом строятся с использованием отрицаний обеих групп.

Отрицания используются во всех моделях вопросительных предложений с общим вопросом.

Вопросительные модели с отрицаниями первой группы относят вопрос к незавершенным действиям. Вопросительные модели с отрицанием второй группы относят вопрос к совершенным действиям.

Третья особенность. Отрицания делятся на два разряда в зависимости от того, в каком наклонении используется глагол, действие которого отрицается. При глаголах в изъявительном и сослагательном наклонениях используются отрицания обеих названных выше групп. При глаголах в побудительном наклонении используются специальные отрицания. В рук это — *bai'* (запретительное) 'нельзя, не надо', *khəu'* 'смотри как бы не' (предостережение); в китайском — *bé < bú yào* 'нельзя, не надо' (запретительное), *béng* 'не следует, не нужно' (совет); во вьетнамском — *đừng* 'не надо, не следует' (запретительное), *khéo* 'смотри как бы не' (предостережение). Здесь важно отметить, что эти отрицания употребляются только в будущем времени.

Четвертая особенность. Отрицания в изолирующих языках делятся на припредикативные и приименные в зависимости от того, к словам какой части речи они относятся. При предикативах (куда входят глаголы и прилагательные) используются отрицания обеих вышеназванных групп. Приименные отрицания — это сложные отрицания, включающие отрицания первой группы и связку, например: кит. *bù shì* 'не являться', вьет. *không phai* 'не являться', рук *βǎŋ' phai'* 'не являться' или *βǎŋ' phai' la'* 'не являться'. Неспособность имен непосредственно присоединять к себе отрицания, притом именно одной первой группы, есть проявление привязанности отрицаний к видо-временным категориям, которые никак не связаны с именами.

А.А. Драгунов в свое время использовал свойство отрицаний присоединяться или не присоединяться непосредственно к словам тех или иных классов слов (частей речи) в качестве синтаксического критерия для разбиения слов на классы в китайском языке. Однако, строго говоря, этот критерий не может считаться чисто синтаксическим. На отрицаниях лежит отблеск морфологичности.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что особенности ФСП отрицательности, равно как и особый способ наложения названных выше разных ФСП, типологически значимы для оценки изолирующих языков. Это во-первых.

Во-вторых, можно утверждать, что именно системный подход, который осуществляется с помощью методов «полевого» обследования языков, позволяет с большей долей уверенности говорить о наличии морфологических категорий в изолирующих языках.

Как известно, ранее в большинстве работ анализ показателей категорий осуществлялся на базе только простых предложений изъяснительного наклонения, что в принципе не могло выявить все системные связи категорий, способы функционирования показателей этих категорий в разнородных структурах.

Функционально-семантический подход к анализу морфологических категорий свидетельствует об их языковом статусе в языках изолирующего типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А.В.* Функционально-семантическое поле // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
- Нгуен Тует Минь.* Аспекты функциональной морфологии. — М., 1999.

М.В.Софронов

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ МОРФЕМ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Значение лингвистического знака — это семантическая структура, где различаются глубинный и поверхностный уровни. На каждом из них значение взаимодействует, как правило, с семантическими структурами многих других лингвистических знаков одновременно. Значения отдельных единиц языка в речи являются результатом их взаимодействия. Этим обеспечивается способность языка выразить любое содержание с помощью ограниченного числа слов, образующих лексику языка.

На уровне поверхностной синтаксической структуры в составе количественной единицы или в конструкции большого синтаксиса одна и та же морфема китайского языка может быть представлена как единица любой лексико-грамматической категории. Производные слова, которые отличаются от производящих не значением, а синтаксическими свойствами, называются их синтаксическими дериватами. Образование синтаксических дериватов является результатом действия семантико-грамматического механизма языка, к пониманию которого мы только начинаем подходить.

Главным признаком грамматической структуры китайского языка являются лексико-грамматические категории лексических единиц, состоящие как из односложных морфем, так и количественных единиц разных порядков с одинаковыми грамматическими свойствами. Лексико-грамматические категории китайского языка формируются на основе глубинной семантики его лексических единиц, которая непосредственно связана со знаковой функцией каждого слова в отдельности. Эта глубинная семантика соответствует внутренней форме слова у В.Гумбольдта и основному значению слова китайского языка, которое различали Г.Габеленц и А.А.Драгунов [Гумбольдт 1984, 242; Gabelentz 1953, 113; Драгунов 1952, 19—21].

В синтаксисе количественных единиц, где синтаксическими средствами являются порядок слов и служебные морфемы, возможны два пути образования синтаксических дериватов. Морфологический состоит в оформлении производящей морфемы служебными морфемами. Морфема *гоу* 'крюк' в сочетании с именным суффиксом *-цзы* или *-эр* выступает как имя *гоуцзы*, *гоуэр* 'крюк', но в сочетании со служебным глаголом *чжу* 'остановить' — как глагол: *гоучжэу* 'зацепить крюком'. Синтаксический — в том, чтобы поставить производящую морфему в позицию соответствующего члена синтаксической конструкции количественной единицы. В большом синтаксисе синтаксический путь их образования, в сущности, остается тем же самым: для того чтобы получить именной дериват от предикативной морфемы, она должна быть поставлена в позицию именного члена синтаксической конструкции. Отличие от малого синтаксиса состоит только в том, что при этом могут быть использованы те служебные морфемы, которые не используются

в малом синтаксисе количественных единиц. Иначе говоря, как лексическое, так и грамматическое значение морфемы китайского языка обусловлено синтаксически.

Глубинное значение морфемы китайского языка является ее постоянным свойством. По глубинной семантике различаются два класса морфем: именные, обозначающие лиц или предметы, и предикативные, обозначающие признак или число. Замещающие их местоимения образуют третий параллельный класс морфем со своими синтаксическими особенностями. В поверхностной синтаксической структуре количественной единицы или в конструкции большого синтаксиса одна и та же морфема может быть представлена как единица любой лексико-грамматической категории в виде своих синтаксических дериватов. В современной поговорке *чи гуи чи, шо гуи шо* 'еда едой, разговор разговором' предикативные морфемы *чи* 'есть' и *шо* 'говорить' выступают как именные синтаксические дериваты соответствующих глаголов: *чи* 'еда', *шо* 'разговор'.

Грамматические значения имени и предикатива, которые могут принимать слоговые морфемы в поверхностных синтаксических структурах, противопоставлены друг другу и в определенных позициях нейтрализуются. Наиболее частой грамматической позицией, в которой происходит нейтрализация, является изолированная позиция вне контекста: *мань* 'медленный, промедление', *чжань* 'стоять, остановка', *цзюй* 'пила, пилить', *до* 'копна, копнить' и т. п. Нейтрализация грамматического значения изолированной морфемы является одной из причин, по которой в современном китайском языке одиночная слоговая морфема редко употребляется самостоятельно как односложное слово. Грамматическое значение морфемы нейтрализуется также в глагольных конструкциях, где предикативная морфема выступает в качестве самостоятельной предикативной единицы, например, в качестве придаточного предложения, состоящего из одного слова. Чаше всего нейтрализация встречается в составе фразеологических единиц: *бу па мань, чжи па чжань* 'не боюсь медлить, боюсь стоять' в знач. 'не боюсь промедления, боюсь остановки'. Именной синтаксический дериват является в этом случае названием состояния. Глубинное значение морфемы *бин* 'болезнь' предикативно, однако в поверхностной

структуре предложения она может реализоваться как глагол 'болеть', прилагательное 'больной' или имя 'болезнь'.

В позиции именного члена конструкции предикативная морфема образует ее именной синтаксический дериват. Его значение чаще всего опирается на денотацию производящей глагольной морфемы. Общим значением именного синтаксического деривата от глагольной морфемы является название действия. В приведенной выше поговорке *чи гуй чи, шо гуй шо* 'еда едой, разговор разговором' предикативные морфемы *чи* 'есть' и *шо* 'говорить' находятся в позиции именных членов количественной единицы — субъекта и объекта — и потому выступают в качестве своих синтаксических дериватов — имен *чи* 'еда' и *шо* 'разговор'. От глагола *гуань* образуется дериват со значением названия действия: *гуань* 'взгляд'. В разных контекстах один и тот же именной дериват может означать разных членов ситуации. Значение объекта образуется главным образом от односложных глагольных морфем, которые не обозначают движения: *гань* 'чувствовать — чувство', *гуань* 'смотреть — взгляд', *ба* 'держать — рукоятка', *гуань* 'вид, зрелище'. От глагола *цо* 'держать пальцы щепотью' именной дериват со значением результата: 'щепотка', от *цун* 'собираться' — *цун* 'пучок', от *ба* 'держать' — *ба* 'пригоршня'. Все эти синтаксические дериваты оформляются суффиксами имени и сочетаются с числительными наравне с обычными именами.

Синтаксические функции именных дериватов от односложных глагольных морфем ограничены. Так, приведенные выше отглагольные именные дериваты *чи* 'еда' и *шо* 'разговор' не сочетаются с числительными и счетными словами, не оформляются именными суффиксами. Они имеют значение имени, но не имеют его грамматических свойств. Синтаксические свойства именных дериватов от односложных глаголов, описывающих действия руки человека, близки к синтаксическим свойствам обычных имен. Именной дериват от глагола *ба* 'держать' — это *ба* 'ручка'. В сочетании с числительным отглагольное существительное *ба* 'ручка' выступает в функции счетного слова для предметов с ручкой: *и ба дао* 'один нож', *и ба чаху* 'один чайник'. Отглагольный дериват *ба* может быть оформлен именным суффиксом *-эр^нс* этим оформлением выступать

в функции единицы измерения: *и бар ми* 'пригоршня риса', *и бар цзюйцай* 'пучок душистого лука'. От глагола *цо* 'держат пальцы щепотью, брать щепотью' образуется синтаксический дериват 'щепоть', который также может выступать в функции единицы измерения: *и цо янь* 'щепотка соли', *и цо чжима* 'щепотка конопляного семени'.

Именные дериваты от многосложных глаголов по своей семантике являются названием действия: *фачжань* 'развиваться, развитие'. Они все могут сочетаться с числительными и счетными словами. Их синтаксические свойства не отличаются от синтаксических свойств обычных имен существительных — как односложных, так и многосложных. В большом синтаксисе определительная конструкция образуется с помощью суффикса *-ды*. При нынешнем состоянии знаний в этой области можно сказать, что односложный непереходный глагол может выступать в качестве определяемого такой конструкции. Это примеры типа классического *тады лай* 'его приход'. Однако именные дериваты от переходных глаголов, выступающие в этой конструкции, всегда бывают двусложными: *тады ханьцзяо* 'его призыв', *шэхуйды фачжань* 'развитие общества', *жэньминьды синьжэнь* 'народное доверие' и т. д.

Значения глагольных синтаксических дериватов могут также опираться на сигнификацию производящего имени. Морфема *фэнь* 'порошок, пудра' имеет ассоциативное значение 'белый', которое она получила по ассоциации через словосочетание *шихуй фэнь* 'известковый порошок белого цвета'. Через сигнификацию 'белый' образован глагольный синтаксический дериват *фэнь* 'белить': *цян ганцай фэньго* 'стена только что побелена'.

Адъективные дериваты от глагольных морфем встречаются довольно редко из-за того, что синтаксическая позиция глагола перед именем обычно подразумевает управление, а не определение. Однако в составе устойчивых сочетаний типа *фэйцинь* 'пернатые', *цзоушоу* 'животные', *каоя* 'жареная утка' и т. п. это вполне возможно. В свободных синтаксических конструкциях большого синтаксиса для образования адъектива от глаголов используется форма с суффиксом *-ды*. Адъективные дериваты от глагольных морфем могут опираться не только на их денотацию: *фэй* 'летать — летающий',

цзоу ‘ходить — ходячий’, као ‘жарить — жареный’, но также и на сигнификацию. Так, например, от предикативной морфемы *фэй* ‘лететь’ может быть образован адъективный дериват ‘быстрый, быстро’: *фэйбао* ‘срочное сообщение’, *фэй пао* ‘бежать во весь дух’, *фэйкуай* ‘быстро как на крыльях’, потому что сигнификация полета — это высокая скорость передвижения, которая достижима в воздухе, а не на земле.

От качественных морфем легко образуются глагольные синтаксические дериваты. Глагольные дериваты от качественных морфем по своей грамматической семантике представляют собой каузативы: *гуан* ‘широкий, расширять’ и т. п. Односложные именные дериваты, образованные от качественных морфем, довольно редки. Они представляют собой, как правило, научно-технические термины: *гао* ‘высокий, высота’ (в геометрии), *ай* ‘низкий, карлик’ (в астрономии), *цзюй* ‘огромный, гигант’ (в астрономии). Это может быть также имя с абстрактным значением качества: *хун* ‘красный, красное’. Прилагательное *хун* ‘красный’ для обозначения лица встречается в формулировке времен культурной революции: *ю хун ю чжуань* ‘и красный и специалист’.

От любой именной морфемы теоретически допустимо образование любого предикативного синтаксического деривата — как глагольного, так и адъективного. При этом значения деноминативных синтаксических дериватов могут опираться как на денотацию, так и на сигнификацию производящей морфемы. Глубинное семантическое тождество производящего слова и его синтаксического деривата сохраняется, однако значения синтаксических дериватов от одной и той же производящей морфемы в речи могут различаться между собой в зависимости от того, на какое значение производящей морфемы они опираются. Поэтому практически от одной части именных морфем образуются преимущественно адъективные дериваты, а от другой — глагольные.

Именные морфемы чаще всего образуют синтаксические дериваты со значением относительного прилагательного. Значение адъективных дериватов в этих случаях опирается на денотацию производящей морфемы. Такие дериваты образуются тогда, когда именная морфема находится в синтаксической позиции определения: *шуй*

‘вода, водяной’, *ши* ‘камень, каменный’, *шань* ‘гора, горный’. Если именная морфема обладает развитой структурой значений, адъективные дериваты образуются от всех ее значений. Морфема *ди* ‘земля’ имеет также значение ‘место’; соответственно от нее могут быть образованы синтаксические дериваты *ди* ‘земельный’ и *ди* ‘местный’.

В зависимости от семантики именных морфем, обозначающих конкретные предметы, их предикативные синтаксические дериваты могут обозначать действие, связанное с этим предметом. Среди этих морфем выделяется класс названий орудий труда, поскольку в их значении присутствует валентность действия: *бао* ‘рубанок’, *цзюй* ‘пила’, *цзо* ‘напильник’, *ли* ‘плуг’, *ба* ‘борона’, *шай* ‘решето’ и т. п. При соответствующем видовременном оформлении или в синтаксической позиции глагола от них образуются глагольные синтаксические дериваты *бао* ‘строгать’, *цзюй* ‘пилить’, *цзо* ‘работать напильником’, *ли* ‘пахать’, *ба* ‘боронить’, *шай* ‘просеивать решето’ и т. п., обозначающие действие, для которого предназначено соответствующее орудие. К этому же классу относятся те имена, глагольный дериват которых обозначает способ использования предмета, обозначенного производящим именем: *цзян* ‘соус, полить соусом’, *бин* ‘лед, охлаждать льдом’, или способ его воздействия *цы* ‘шип, уколоться шипом’ и т. п. От именных морфем, обозначающих части человеческого тела, часто образуются глагольные синтаксические дериваты со значением функций, которые они выполняют: *чжи* ‘палец, указывать’, *бэй* ‘спина, держать на спине’, *хуай* ‘грудь, тосковать’ и т. п. От именных морфем, обозначающих предметы одежды, также часто образуются глагольные синтаксические дериваты: *дай* ‘пояс, носить на поясе’.

От именных морфем с широким предметным значением адъективные синтаксические дериваты образуют более сложную структуру значений. Например, денотация морфемы *шэн* ‘звук’ покрывает как голос одушевленных существ, так и звуки, исходящие от неодушевленных предметов. Сигнификацию морфемы *шэн* ‘звук’ составляют такие его свойства, как возможность изменения громкости и слышимость на дальнем расстоянии. При этом в значении адъективного деривата опора на денотацию или сигнификацию этой морфемы зависит от семантики синтагматически

связанного с ним слова. При морфемах с конкретным предметным значением, не имеющим отношения к человеку или человеческой деятельности, семантика синтаксических дериватов опирается на денотацию производящей морфемы: *шэнбо* ‘звуковая волна’, *шэндай* ‘голосовые связки’. При именных определяемых со значениями, так или иначе связанными с оценкой человека или человеческой деятельности, семантика синтаксического деривата опирается на ее сигнификацию: *шэн* ‘громкость, слава’ — *шэнмин* ‘популярность’ (букв. ‘громкое имя’), *шэнцзя* ‘репутация’ (букв. ‘публичная оценка’), *шэнцзюй* ‘слава’ (букв. ‘громкое превозношение’) и т. п. В этом же значении морфема *шэн* ‘звук’ сочетается также с предикативными морфемами как определение признака: *шэнмин* ‘публично заявить’, *шэнбянь* ‘публично защищать’, *шэнтао* ‘публично заклеить’ и т. п.

В составе грамматических форм интенсивного проявления признака значения адъективных синтаксических дериватов от именных морфем всегда опираются на сигнификацию. Так, от именной морфемы *шуй* ‘вода’ образуется форма *шуй ванван* ‘совершенно прозрачный’, от *цзинь* ‘золото’ — форма *цзинь хуанхуан* ‘сияющий золотым блеском’, от *гуан* ‘свет’ образуются прилагательные *гуан люлю* ‘блестящий как намазанный маслом’, *гуан туту* ‘блестящий как лысина’ с помощью редупликаций соответственно *люлю* ‘масляный блеск’, *туту* ‘лысый’. На сигнификацию также опираются значения адъективных дериватов, образованных в результате удвоения именной морфемы: *ван* ‘капля жидкости’ — *ванван* ‘блестящий как водная поверхность’, *сэ* ‘музыкальный струнный инструмент с тихим звучанием’ — *сэсэ* ‘легкий, тихий’, *цзинь* ‘кристалл’ — *цзицзинь* ‘блестящий как кристалл’ и т. п.

Лексическая сочетаемость синтаксических дериватов от имени может быть весьма различной. Обычно такой синтаксический дериват сохраняет лексическую сочетаемость производящего имени. Однако нередки случаи, когда он обладает специализированным значением и узкой сочетаемостью. Так, например, от именной морфемы *цзян* ‘соус’ образуется глагольный дериват *цзян* ‘полить соусом’, сохраняющий свое значение во всех контекстах. Однако от морфемы *ю* ‘масло’, которая обозначает предмет, аналогичный соусу за китайским столом, образуется глагольный дериват с совершенно

другим значением. Глагольный дериват от *ю* 'масло' вообще не сочетается с объектами, обозначающими пищевые продукты или блюда. При названиях машин и механизмов морфема *ю* имеет значение 'смазывать маслом', при названиях предметов, которые обычно бывают окрашены, типа *чуан* 'окно', *мэнь* 'дверь' и т. п. она имеет значение 'красить', но при названиях предметов одежды — 'засалить, запачкать'. Именная морфема *яо* 'лекарство' имеет глагольный синтаксический дериват *яо* 'травить', который встречается только в сочетании *яо шу* 'травить крыс', а *фу* 'одежда' — глагольный дериват 'носить', который встречается только в сочетании *фу сан* 'носить траур'.

Синтаксическая деривация от именных морфем непосредственно связана с поэтической функцией языка. Дериваты-метафоры очень часто выступают в качестве экспрессивных средств. Так, например, в устном варианте национального языка путунхуа имеется предикатив экспрессивной оценки *бан* 'отличный', основанный на сигнификации именной морфемы *бан* 'палка', которой приписаны свойства быть крепкой, прочной. Она выполняет предикативные функции только в сочетании с предикативными служебными морфемами: *хэнь бан* 'очень хороший', *банчжэна* 'отлично'. В диалектах именная морфема *хай* 'море' регулярно используется с предикативным грамматическим оформлением в функции предикатива 'много': *жэнь хайла* 'людей стало много' (букв. 'стало много как море').

При образовании синтаксических дериватов как от односложных, так и от двусложных имен наряду с описанными выше грамматическими средствами используются знаменательные параметрические глаголы. Эти глаголы могут иметь различную глубинную семантику, однако в своей словообразовательной функции они выступают в общефактивном значении 'производить'. Наиболее распространен глагол *да* 'бить'. В сочетании с односложным существительным он образует синтаксически свободный бином, который имеет значение 'осуществить действие, связанное с предметом, обозначенным существительным, в качестве его объекта, места, инструмента': *да юй* 'рыбачить', *да ле* 'охотиться', *да чжан* 'сражаться', *да чан* 'работать на току' и т. п. Общефактивное значение глагола *да* в составе перечисленных выше биномов делает

его удобным средством образования двусложных синонимов односложных глаголов, где его общефактивное значение избыточно: *дацюань* 'увещевать, убеждать', *дачжу* 'остановиться', *дафа* 'отправлять, посылать', *дача* 'прервать', *дасуань* 'собираться', *далян* 'полагать' и т. п.

При образовании синтаксических дериватов наряду с описанными выше параметрическими глаголами с общефактивным словообразовательным значением используются также глаголы с фазовым значением. Глагол *фа* 'испускать, выпускать' имеет фазовое словообразовательное значение начала действия или наступления состояния и сочетается с именами и предикативами. При его сочетании с именами образуются глагольные синтаксические дериваты: *лян* 'свет' — *фа лян* 'светиться, блестеть'. При сочетании с именами, обозначающими состояние человека или его эмоциональные проявления, образуются глагольные дериваты со значением наступления соответствующего состояния: *фа яоцзы* 'заболеть малярией', *фа миху* 'испытывать головокружение', *фа хань* 'вспотеть', *фа сяо* 'рассмеяться'. При сочетании с прилагательными и со стативными глаголами глагольный дериват, в целом, означает начало состояния или наступления признака: *доу* 'дрожать' — *фадоу* 'задрожать', *ну* 'гневаться' — *фану* 'разгневаться', *бай* 'белый' — *фабай* 'побелеть', *хун* 'красный' — *фахун* 'покраснеть' и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984.
Драгунов А.А. Исследования по грамматике китайского языка. — М.-Л.: Наука, 1952.
Gabelentz G. Chinesische Grammatik. — Berlin: Deutcher Verlag der Wissenschaften,

С.А. СТАРОСТИН

УТОЧНЕНИЕ СООТВЕТСТВИЙ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ И СИНО-ТИБЕТСКИХ ФИНАЛЕЙ

В докладе приводится материал, демонстрирующий уточненные (по сравнению с системой, принятой в Пейрос—Старостин 1996) финали с веллярными терминалями в сино-тибетских языках. Ниже дается краткая сводка соответствий:

ПСТ	Др.-кит.	Тиб.	Бирм.	Кач.	Лушай
*iK	iT	iK	aC	iK	iK (iT)
*eK	eK	iK	aC	iK	iK
*iaK	eK	(j)aK / eK	(j)aK	iŋ / aŋ / eŋ / aK	(i)aŋ / iŋ, ik
*ɨK	əK	oŋ / aŋ / og / ug	auK / əuK	ɔK / uK	ɔŋ, uk
*əK	əK	aK	aK	aK	aK
*aK	aK	aK	aK	aK	aŋ / eŋ, ak / iak
*iaK	aK	oK / aK	auK / əuK	ɔK, uŋ	uŋ, ɔk
*uK	uK	oK / uK	auK / əuK / waK	uK	uK
*oK	oK	oK / uK	auK / əuK	uK	uK
*uaK	oK	oK / uK	auK / əuK	ɔK	ɔK, uaŋ

ПОРЯДОК ЗНАЧИМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ И ЕГО ИЗМЕНЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В лингвистической науке применяются разные способы описания грамматического строя языка, которые реализуются как соответствующая грамматика. Существует нормативная, дескриптивная, порождающая грамматика. Это не исключает других способов описания, например, через функциональный порядок значимых элементов¹.

Значимые элементы языка делятся на знаменательные и служебные. Знаменательные значимые элементы подразделяются на такие лингвистические единицы выше уровня фонемы, как морфемы, слова и предложения. Каждая из них выступает как непосредственно составляющая лингвистической единицы более высокого уровня. В данном перечислении отсутствует словосочетание, так как оно является промежуточной лингвистической единицей, которая выделяется в целях анализа предложения. Служебные значимые элементы подразделяются на морфологические и синтаксические морфемы.

Морфология рассматривает функционирование морфем и слов как представителей лексико-грамматических категорий. Синтаксис рассматривает функционирование морфем и слов и образование простых и сложных предложений, которые соотносят сообщаемое с реальной действительностью. Границы между морфологией и синтаксисом подвижны, так как морфологические категории функционируют на синтаксическом уровне, а синтаксис имеет дело со словами как представителями лексико-грамматических категорий.

В языке грамматические отношения между значимыми элементами определяются порядком их следования, а также служебными морфемами. При сложении значимых элементов различных уровней действуют одни и те же принципы. Однако при сложении значимых элементов, лежащих выше уровня слова, в действие вступают новые закономерности, которые необходимо учитывать особо. Эти закономерности вызываются тем, что реализация языка в конкретной культуре обуславливается многими внелингвисти-

ческими обстоятельствами. Свою грамматическую функцию в предложении значимые элементы реализуют через постоянный порядок, наряду с которым возможны некоторые регулярные отклонения.

В предложении значимые элементы вступают между собой в синтаксические связи. Способом выражения этих синтаксических связей является грамматически эксплицитная форма слова, порядок слов и синтаксические служебные морфемы.

Использование разных форм одного и того же слова во флективных языках, например в русском языке «дом, дома, дому, домом, о доме», и разного порядка слов в аналитических языках, например в китайском языке *гоу яо жэнь* 'собака кусает человека' и *жэнь яо гоу*, не тождественно.

Во флективных языках изменение формы слова определяется неодинаковыми отношениями одного и того же предмета мысли, обозначенного данным словом, к другим предметам, обозначенным соответствующими словами, например, «большой дом, крыша дома, подойти к дому, любоваться домом, думать о доме».

Форма слова во флективных языках не обязательно имеет отношение к его синтаксической функции в предложении. В грамматиках европейских языков форма слова применяется для объяснения употребления в предложении слов с разными падежами, например, субъект — в именительном падеже, объект — в винительном. В аналитических языках роль порядка слов в предложении состоит в установлении их синтаксических связей.

В ходе исторического развития языка возникает необходимость выразить новое в плане содержания и происходит изменение способов выражения грамматических значений, что обуславливает утрату одних категорий и возникновение других — новых, а в синхроническом плане описание грамматической системы того или иного языка через формоизменение или порядок значимых элементов.

В древнем английском языке существовало формоизменение значимых элементов для выражения различных знаменательных и грамматических значений, существовали синтаксические служебные морфемы, отношения между словами выражались не полностью опираясь на порядок слов. Подлежащее употреблялось

в именительном падеже, дополнение — в винительном, дательном, применялся родительный падеж. Существовали разные формы слова, подлежащее и дополнение могли занимать, в принципе, любое место в предложении².

В древнеанглийском языке (конец I — начало II тысячелетия нашей эры) прямое дополнение ставится, примерно в равном количественном соотношении, и перед глаголом-сказуемым, и после него. В среднеанглийском языке (XV век нашей эры) постпозиция прямого дополнения в ходе диахронического преобладания становится постоянной.

Косвенное дополнение в древнеанглийском языке, как и прямое, ставится и перед глаголом-сказуемым, и после него; при этом в большинстве случаев косвенное дополнение предшествует прямому. В среднеанглийском языке постпозиция косвенного дополнения относительно глагола-сказуемого и его предшествование прямому дополнению становится постоянным.

В конце XIV — начале XV вв. имя существительное утрачивает падежное формоизменение, постпозиция дополнения относительно глагола-сказуемого становится постоянной, косвенное дополнение предшествует прямому. Флективный язык развивается в аналитический. Порядок значимых элементов синтаксически заменяет их формоизменение и становится важным грамматическим средством.

Позиция в предложении становится грамматически значимой. Знаменательный значимый элемент, занимая ту или иную позицию, приобретает грамматическое значение, свойственное этой позиции: в препозиции к глаголу-сказуемому существительное приобретает грамматическое значение подлежащего, в постпозиции — грамматическое значение дополнения. Сущестующие именительный и объектный падежи неформально не тождественны.

В современном английском языке существует синтаксическое формоизменение местоимений. Но препозитивная грамматическая позиция подлежащего относительно глагола-сказуемого обуславливает в соответствующем грамматическом контексте применение местоимения как дополнения в форме именительного падежа, что теперь наблюдается в разговорном языке.

В древнем китайском языке, первые письменные памятники которого датируются примерно I тысячелетием до нашей эры, значимые элементы — морфемы или слова — с количественной стороны характеризуются тем, что обычно состоят из одного слога и обозначаются на письме с помощью одного иероглифа³. Изначально в древнем китайском языке при выражении подлежащего местоимением первого лица применяется морфема *у* 'я, мы', при выражении дополнения местоимением первого лица применяется морфема *во* 'я, мы'. Диахронически примерно с середины I тысячелетия до нашей эры применение этих морфем синтаксически уже не различается.

Местоимение второго лица обозначалось морфемой *жу* 'ты, вы' и морфемой *эр* 'ты, вы'. Изначально распространено применение морфемы *жу* как подлежащего. Диахронически имеет место применение морфемы *эр* в качестве подлежащего, дополнения, определения, морфемы *цзы* со значением 'ты, вы' как подлежащего, дополнения, определения.

В I тысячелетии до нашей эры в древнем китайском языке не было местоимения третьего лица, которое применяется как подлежащее. В письменных памятниках в ситуациях, которые требуют такого наименования, применяется морфема *би* 'тот, другой, иной'; морфема *ци* 'его, их' применяется при выражении определительных отношений, морфема *чжи* 'его, их, это, этих' — при выражении глагольно-объектных отношений.

В древнем китайском языке существовало синтаксическое изменение местоимений посредством применения другой морфемы, но не посредством изменения флексии, как в индоевропейских языках.

В письменных памятниках немало примеров с препозицией дополнения относительно глагола-сказуемого, но диахронически количество примеров с постпозицией дополнения грамматикализуется, и к середине I тысячелетия она становится грамматически значимой.

В современном китайском языке основным грамматическим порядком значимых элементов в предложении является последовательность «подлежащее — сказуемое — дополнение».

В разное время, в течение неодинакового периода в развитии китайского и английского языков имеются различия, но есть и генетически общее — утрата значимыми элементами синтаксического изменения и грамматикализация их порядка в предложении вследствие языковых контактов.

В долине реки Хуанхэ во второй половине II тысячелетия до нашей эры контакты южноазиатского языка (или языков) с основным грамматическим порядком «подлежащее — сказуемое — дополнение» и североазиатского языка (или языков) с другим основным грамматическим порядком «подлежащее — дополнение — сказуемое» привели к формированию китайского языка⁴.

В Центральной Европе в долине реки Дунай в середине I тысячелетия нашей эры контакты древнеевропейского языка (или языков) с неграмматическим порядком значимых элементов, но выражением отношений между предметами мысли, обозначенными соответствующими словами, посредством изменения формы слов, и североазиатского языка (или языков) с основным грамматическим порядком «подлежащее — дополнение — сказуемое» оказали важное влияние на выражение грамматических отношений в предложении у предков европейцев.

В древнерусском языке словоизменение служило основным способом выражения грамматических значений⁵. В современном русском языке грамматические отношения выражаются согласованием, управлением, примыканием, и порядок слов в предложении может изменяться, но при этом он не свободен и существуют определенные нормы порядка слов: более определенные в прозаической письменной речи и более свободные в разговорной речи.

В результате контактов в Восточной Европе в долине реки Волги в XIII веке нашей эры древнерусского языка с неграмматическим порядком значимых элементов, но выражением грамматических отношений посредством изменения формы слов, и североазиатского языка (или языков) с основным грамматическим порядком «подлежащее — дополнение — сказуемое» русский язык постепенно распространяется среди народов, говорящих на тюркских языках, что обуславливает тюркско-русскую интерференцию, проявляющуюся в коммуникативной организации предложения.

Порядок слов в русском языке давно привлекает внимание исследователей и описывается, как правило, в терминах актуального членения предложения⁶. В современном русском языке основным грамматическим порядком слов в предложении является последовательность «подлежащее — сказуемое — дополнение». Он характеризуется соответствием грамматических конструкций и реальных ситуаций, которые они описывают. Работы по языковым универсалиям показывают, что порядок значимых элементов в современном русском языке хорошо соответствует универсальным свойствам порядка значимых элементов в языках мира и описывается в терминах синтаксической и эмотивной инверсии основного грамматического порядка⁷.

Факты современных китайского, английского и русского языков показывают, что порядок значимых элементов в языке связан с морфологией — т. е. порядком значимых элементов в слове; с синтаксисом — т. е. порядком значимых элементов в предложении, позволяющим говорящему передать какую-то информацию в грамматически правильной форме; с логикой — актуальным членением — т. е. вариантами грамматического порядка значимых элементов в предложении, обусловленными желанием говорящего выразить свое отношение к передаваемой информации; со стилистикой — т. е. оформлением порядка значимых элементов в предложении морфологическими и логическими средствами, обусловленными желанием говорящего выразить передаваемую информацию в авторском или общепринятом стиле; с просодией — т. е. оформлением порядка значимых элементов в предложении просодическими средствами, обусловленными грамматикой, логикой или экспрессивным выделением определенной части высказывания⁸.

Порядок значимых элементов является универсальным средством грамматической техники, и через него можно адекватно объяснить, идя от функционального порядка значимых элементов к членам предложения, а от них к частям речи, грамматические явления в разных языках.

Современный китайский язык является классическим примером аналитических языков. Современный английский язык развивается из флективного в аналитический. В современном русском языке

порядок слов в предложении может изменяться, но он не свободен, существуют определенные нормы порядка слов.

Основываясь на материале китайского, английского и русского языков и общности структуры различных языков, допустимо говорить об универсальности диахронической грамматикализации порядка значимых элементов в языках мира, для утверждения которой необходимы соответствующие обобщенно-типологические исследования по другим языкам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Хабибулин В.А. Современный китайский язык: Морфология. Синтаксис. — Владивосток, 1988.
- ² Расторгуева Т.А., Жданова И.Ф. Курс лекций по истории английского языка: Древнеанглийский язык. — М., 1969. Курс лекций по истории английского языка: Среднеанглийский и новоанглийский периоды. — М., 1972. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. — М.-Л., 1961. История английского литературного языка IX—XV вв. — М., 1985.
- ³ Крюков М.В., Хуан Шуин. Древнекитайский язык: Тексты, грамматика, лексический комментарий. — М., 1979.
- ⁴ Софронов М.В. К типологической характеристике языка иньских надписей // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. — М., 1977.
- ⁵ Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. — М., 1982.
- ⁶ Сиротина О.Б. Порядок слов в русском языке. — Саратов. 1965. Ковтунова И.И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII—первой трети XIX вв. — М., 1976. Крылова О.А., Хаврина С.А. Порядок слов в русском языке. — М., 1986.
- ⁷ Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. — М., 1970.
- ⁸ Хабибулин В.А. О порядке слов в современном китайском, английском и русском языках. — Владивосток, 1996.

SUMMARY

The article presents the generalized typological study of meaning elements order in the modern Chinese, English and Russian languages. The meaning elements order is concerned with morphology, syntax, logic — actual division of the sentence, stylistics, prosody and considered to be the universal function means of grammatical technique. The study discovers new grammatical and communicative aspects of the meaning elements formation.

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОБЛЕМЕ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исключительно высокая «неогенность» XX века, неологический бум, о котором пишут исследователи разных языков, привела к созданию особых отраслей лексикологии — неологии (науки о неологизмах) и неографии (области неологии, связанной с регистрацией и толкованием новых слов).

Как любая наука, неология выдвигает и решает ряд вопросов, наиболее важными из которых являются причины появления новых слов и выражений, изучение моделей их создания, лексикографическая обработка неологизмов и т. д.

Анализ работ китайских лингвистов за последние двадцать лет, посвященных проблемам неологизмов, позволяет сделать вывод о том, что неология становится самостоятельным разделом лексикологии китайского языка. За годы существования КНР можно выделить, по крайней мере, два бума неологизмов в китайском языке: первые годы после образования КНР и годы осуществления политики открытых дверей. Именно о втором буме пойдет речь в предлагаемом докладе.

По мнению китайских лингвистов, в 80-е годы в китайском языке ежегодно появлялось около 700 неологизмов, в 90-е годы — 300-400 новых слов. Это значит, что количество неологизмов за последние 20 лет составило более 10 тысяч слов и во много раз превысило число неологизмов, появившихся в первые годы образования КНР. Естественно, что такой пласт современной лексики не может остаться без внимания специалистов-лексикологов.

В 1984 году Люй Шусян на страницах журнала «Цышу яньцзю» обратился к китайским лингвистам с призывом: «Давайте все обратим внимание на новые слова и новые значения». После этого на страницах китайских научных журналов появились десятки статей, посвященных анализу неологизмов. Свое мнение по различным проблемам неологизмов высказали Чжао Цзиньмин, Лю Сянцзюнь, Ли Чжэньцзе, Ван Дэчунь, Ван Хайфэнь, Чэнь Цзяньминь, Шэнь

Мэнъян, Лю Илин, Лю Шусинь, Ли Синцзян, Юй Гэньюань и многие другие.

В 1987 году в Шанхае был издан словарь неологизмов «Ханьюй синьцы цыдянь» под редакцией Минь Цзяцзи, Лю Цинлун и др. Это был первый словарь подобного рода, вслед за которым за последние 15 лет было опубликовано более 20 словарей неологизмов, а с 1991 года начали выходить ежегодники неологизмов под редакцией Юй Гэньюаня, Лю Илина, Чжоу Хунбо и др.

Какие же особенности неологизмов отмечены в результате анализа новой лексики китайского языка? Ниже приведем наиболее характерные особенности.

— Выявлена тенденция усложнения структуры слова. Еще до середины XX века всеми лингвистами отмечалось, что развитие лексики китайского языка шло от моносиллабизма к двусложности. В настоящее время видна тенденция к усложнению лексики — к полисиллабизму (увеличение трехсложной, четырехсложной и более сложной лексики). По нашим подсчетам, в ежегоднике неологизмов за 1992 год из 448 новых лексических единиц 281 трех- и более сложные, нет ни одной односложной единицы, например: *жэцзхэньсай* ‘тренировочные соревнования’, *тучжэньцэ* ‘мероприятия на местах’, *хуцзыгунчэн* ‘домострой’, *жэньсинхэньдао* ‘зебра (переход через дорогу)’, *тайяньцзао* ‘солнечные батареи’, *силехуа* ‘серийность’, *домэйти* ‘мультимедийный’ и т. д.

Появление большого числа сложных неологизмов обострило и усложнило проблему разграничения сложного слова и словосочетания.

— Появилось большое число сокращений как реакция на первую особенность. Несомненно, многосложные слова могут более полно выразить те сложные понятия и явления, которые становятся реалиями жизни, но многосложность создает определенные трудности в процессе коммуникации. Это противоречие решается посредством сокращения сложных слов и словосочетаний, что соответствует «закону экономии языковых усилий» (А.Мартине). Приведем лишь несколько примеров: *лицзяо* ‘транспортная развязка’ (от *литииши цзяотун*); *кунтяо* ‘кондиционер’ (от *кунцятяоцзе*) и др.

— Копирование, имитация в словообразовании. Как только появляется новая модель в словообразовании, появляются новые слова, построенные по этой модели. Например, модель: деятельность + звезда (заимствованная модель по типу: кинозвезда, телезвезда) послужила основанием для образования целого ряда неологизмов: *гэсин* букв. 'пение + звезда, топ-певица (певец)', *усин* букв. 'танец + звезда', *паосин* букв. 'прыжки + звезда', *сюэсин* 'учеба + звезда, отличник' и т. д.

— Появилось и такое явление, как сочетание западного и китайского способа записи иностранных заимствований. Такие неологизмы называют в Китае *хуньсюэр* — метисы. Например, *МММ* *гунсы* 'компания МММ', *ОК цзе* 'улица, где много иностранцев'. Вслед за этим явлением появилось и использование только иностранных букв для записи иностранных заимствований или сокращений китайских слов. Например: *VCD* — *video compact disk* 'видеодиск'; *TV* — *дяньшэ* 'телевидение'; *BTV* — *бэйцзин дяньшэтай* 'Пекинское телевидение' и т. д. Следует отметить, что подобные слова не включаются в основной лексикон словаря «Сяньдай ханьюйцзыдянь», изданного в 1996 году, но в этом словаре есть приложение, включающее около 40 таких новообразований, в том числе *CD, FAX, MTV, P, ROM, UFO* и т. д. Однако в настоящее время в журналах, газетах, на телевидении и в рекламе используется гораздо большее число подобных слов.

— Ху Минян и другие китайские лингвисты отмечают большую образность неологизмов и относят большинство из них к разговорному стилю. Потребность коммуникантов в новых эмоционально-экспрессивных обозначениях приводит к появлению слов-синонимов и так называемых неосемантизмов (новых эмоционально-экспрессивных значений у уже имеющихся в языке слов и выражений). Например: *сяхай* 'заниматься торговлей', *лаоцзю* 'интеллигенция', *хуняньбин* 'зависть', *далаоцзю* 'невежа', *каньдашань* 'болтать' и т. д.

— Абсолютное большинство неологизмов однозначны. Эта особенность является одним из критериев отнесенности того или иного слова к неологизмам. Например: *фэйде* 'НЛО', *гогэ* 'государственная манера, стиль', *дайгю* 'проблема поколений', *даоэ* 'спекулянт', *люнао* 'утечка мозгов', *дуюао* 'единственный ребенок'.

— Увеличивается словообразовательная продуктивность некоторых односложных морфем. К таким морфемам относятся: *гу* 'часть, доля', *гань* 'чувство', *ху* 'двор', *син* 'звезда', *фэн* 'ветер', *жэ* 'горячо', *чжи* 'система', *цзу* 'группа, род', *ван* 'сеть', *син* 'тип, модель' и многие другие.

— Часть неологизмов относится к эвфемизмам. Например: *дисаньчжэ* 'любовница', *сишоуцзянь*, *вэйшэньцзянь* 'уборная, туалет', *сяган* 'уволить со службы', *баому*, *ай* 'служанка', *сюнчжао*; *вэньсюн* 'бюстгальтер'.

Быстрый рост неологизмов приводит к тому, что число слов, выражений и сокращений, которые не сразу воспринимаются читателями и слушателями, возрастает. В прошлом году китайские лингвисты провели эксперимент — предъявили студентам вузов ряд неологизмов для определения их значения. Оказалось, что 10 % предъявленной лексики были неизвестны или неправильно истолкованы студентами.

Если говорить о способах образования неологизмов, то это прежде всего словообразовательные процессы (словосложение, аффиксация, морфемная контракция, конверсия), появление новых значений у старых слов, иностранные и диалектные заимствования, а также возрождение старых слов.

Что касается возрождения старых слов, то наиболее ярким примером китайские лингвисты считают возрождение обращений *сяоцзе*, *сяньшэнь*, *тайтай*, а также таких слов, как *гуангу* 'просим пожаловать', *гуоцзю* 'занять более высокий пост', *гуаньчжао* 'прошу любить и жаловать', *гуяо* 'акция', *шоуфу* 'богач', *хэйдэо* 'вести нечестную жизнь', *цзяпу* 'родословная'.

Следует отметить, что неологизмы проникают практически во все сферы жизни: это экономика, политика, психология, урбанизация, наука и техника, образование, культура, спорт, законодательство, питание, брачные отношения, здравоохранение и т. д.

Одна из основных проблем, которая остро встает перед специалистами китайского языка в связи с большим количеством неологизмов, — это проблема стандартизации китайского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Минь Цзяцзи, Лю Цинлун* и др. Ханьюй синьцы цыдянь. — Шанхай, 1987.
Синьцы синьюй цыдянь. — Пекин, 1989.
Сяньдай ханьюй синьцы цыдянь. — Пекин, 1993.
Сяньдай ханьюйцыдянь. — Пекин, 1996.
Чао Цзичжоу. Лексикология китайского языка в XX веке // Китайское языкознание в XX веке. — Пекин, 1998 (на кит. яз.).
Чжу Юнкай, Линь Луньлунь. Особенности и источники неологизмов китайского языка за последние 20 лет // Юйянь вэньцзы инъюн. — 1999, № 2 (на кит. яз.).
Юй Гэньюань и др. 1992 ханьюй синьцыюй. — Пекин, 1993.

SUMMARY

For the past 20 years (the period of economic and social reforms in China) thousands of new words have entered into the modern Chinese lexicon. The paper attempts to analyse the linguistic features of these new words.

ХАН ШАОСЯН

НОВЫЕ СЛОВА И ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Прошло двадцать лет с тех пор, как в Китае началось проведение политики «реформ открытых дверей». В настоящее время Китай переживает глубокие изменения, связанные с экономическим и общественным развитием. Соответственно изменяется мышление людей, изменяется и их язык.

За последние два десятилетия (1978—1998 гг.), характеризующиеся интенсивным развитием общественной жизни, язык, как продукт общества, соответственно претерпел изменения и развитие. В словарном составе китайского языка появились многочисленные новые слова, выражения и значения. Общественный прогресс, развитие производства, распространение научно-технических достижений, новый образ жизни, международные связи, расширение и возрастающая роль средств массовой коммуникации — вот факторы, способствовавшие интенсивному расширению словарного состава китайского языка. В период реформ большую роль играет экономика, поэтому не удивительно, что в словарный состав вошли многие

новые слова и выражения, отражающие экономическую жизнь. Например:

超市 supermarket ‘супермаркет’, **因特网** Internet ‘Интернет’, **克隆** clon ‘клон’ (один из видов бесполого размножения), **打的** take a taxi ‘брать такси’, **泡沫经济** bubble economic ‘нестабильная экономика’.

Новые слова и выражения возникли в соответствии с требованиями жизни. Рассмотрим способы их образования:

1. Согласно правилам сочетания слов в китайском языке существительное + существительное или прилагательное + прилагательное:

手机 ‘мобильный радиотелефон’, **商品房** ‘товарное жилье’ (существительные **手**, **商品** в атрибутивном значении + существительные **机**, **房**);

超导 ‘суперпроводник’, **净菜** ‘очищенные овощи’ (прилагательные **超**, **净** + существительные **导**, **菜**).

2. Семантические сдвиги, т. е. возникновение нового значения слов:

策划 ‘инспирировать’

如果说“拥有一片美国”是一种策划，一种成功的攫取财富的策划，那么，出售“月球土地证”又岂止仅仅是一种策划。（《扬子晚报》1998, 12, 30);

工程 ‘проект’

争创全国一流南京 21 世纪双语学校——一个跨世纪面向未来的教育工程。（《扬子晚报》1998, 12, 25);

网络 ‘сеть, связь’

这个新型城市已经形成合理的经济网络。（《现代汉语辞典》с. 1320);

回扣 ‘отчисление’

据了解，许多单位的采购员在这里按高折扣后的售价买到挂历后，回到单位则以标价报销，赚取高额回扣。（《扬子晚报》1998, 12, 31).

3. Словосочетания, образованные путем терминологизации, расширение значения слов:

净化 ‘очистка’

净化污水，净化城市空气 → 净化心灵，净化社会风气。（《现代汉语辞典》с. 671);

起飞 ‘взлет’

飞机起飞了。→ 这个厂之所以能起飞,主要靠科学管理。
(《现代汉语辞典》с. 999);

接轨 ‘стыковка’

路轨的连接。→ 调整汇率,和国际接轨。(《现代汉语辞典》с. 642)

我国的铁路轨道结构已开始与国际先进水平接轨。

(《扬子晚报》1999, 1, 26);

曝光 ‘экспозиция, выдержка’

照相和洗印都必须经过曝光。→ 对质量低劣的产品及企业甚至企业领导人要坚决曝光。《扬子晚报》

事情在报上曝光后,引起了轰动。(《现代汉语辞典》с. 50).

4. Распространение диалектов:

煲 ‘кастрюля’. Теперь это означает ‘варить пищу’ (гуандунский диалект).

电饭煲, 瓦煲: 煲饭, 煲粥。

炒鱿鱼 букв. ‘жарить кальмара’. Это выражение обозначает ‘увольнение’ (гуандунский диалект).

解雇, 辞退。(《现代汉语辞典》с. 149).

5. Новые слова, заимствованные из других языков, кальки или полукальки:

克隆 ‘клон, клонирование’, 卡拉 OK ‘караоке’, 阿迪达斯 ‘Адидас’, 迪斯科 ‘диско’, 沙龙 ‘салон’.

6. Новые упрощенные слова:

邮编 — 邮政编码 ‘почтовый индекс’, 武警 — 武装警察 ‘вооруженная милиция’, 超市 — 超级市场 ‘супермаркет’, 严控 — 严格控制 ‘строгий контроль’.

С другой стороны, в новой лексике значительную часть занимают новые слова и выражения, возникшие путем сравнения, аналогии или упрощения.

Неологизмы, образованные по типу сравнения:

跌眼镜 ‘падали очки’ → ‘удивляться, удивлять’

最近美国国防部的官员们跌破了眼镜——堂堂的美国尖端武器竟然拿伊拉克陈旧的“萨姆”地对空导弹没办法。(《扬子晚报》1999, 1, 2)

郭沫若后来终究没有成为数学家或医学教授,却匪夷所思地成为了大诗人,大书法家,大艺术鉴赏家,令那些信奉“从小看到老一半”者大跌眼镜。(《扬子晚报》1998, 12, 31);

铁饭碗 ‘железная чашка’ → ‘стабильная профессия, должность’

海安县全面推行改革, 全县 9600 名教师将告别“铁饭碗”。
(«扬子晚报» 1999, 1, 1).

По типу аналогии:

远郊 ‘дальняя окрестность’ → 近郊 (中郊 букв. ‘ближняя окрестность’) букв. ‘средняя окрестность’;

微观 ‘микрокосмос’ → 宏观 (常观 ‘макрокосмос’) ‘космос’;

旺季 ‘пиковый сезон’ → 淡季 (平季 ‘мертвый сезон’) ‘обычный сезон’;

外宾 ‘иностранцы, зарубежные гости’ → 内宾 ‘граждане Китая’;

会海 букв. ‘море собраний’ → 会荒 букв. ‘мало собраний’.

По типу упрощения:

企管 — 企业管理 ‘управление предприятием’;

扶贫 — 扶助贫困 ‘оказание помощи бедным людям и районам с целью изменения образа жизни и выхода из трудного положения’;

调控 — 调整与控制 ‘регулирование и управление’.

Новые слова, значения и употребления в аспекте семасиологии характеризуются следующими особенностями:

1. Полисемией:

Слово 回归 ‘возвращение’ может употребляться, как 香港回归 ‘возвращение Сянган’, 股价回归 ‘возвращение акций’, 要安心改造, 争取早日回归社会 ‘Стремясь к скорейшему возвращению в общество, необходимо успокоиться, чтобы преобразовать себя’ (Газета «Синминьваньбао» 1997, 8, 4); 回归上海以后, 天天要去上海作协上班 ‘После возвращения в Шанхай нужно каждый день выходить на работу в Шанхайском обществе писателей’ (Газета «Синминьваньбао» 1998, 5, 20).

2. Специфическим сочетанием глагола с дополнениями, обстоятельств образа действия с существительными:

Форма «глагол + дополнение» в сочетании еще с одним дополнением употреблялась раньше очень ограниченно, но за последние годы эта форма значительно развилась. Например, 超长地铁钢轨登陆上海 букв. ‘Сверхдлинный рельс для метро высадил десант в Шанхай’, в знач. ‘При строительстве шанхайского метро впервые были использованы сверхдлинные рельсы’ (Газета «Янцзываньбао» 1999, 1, 6); 国际炒家碰壁香港 ‘Международные

спекулянты потерпели поражение в Сягане'; 签名纪念衫 'подписаться на памятной майке' (Газета «Синминьваньбао» 1997, 8, 9); 他曾经扭亏了几个企业 'Он сократил убытки на нескольких предприятиях' (Журнал «Байхуачжоу» 1997, 4, с. 96). Прежде глаголы 登陆, 碰壁, 签名, 扭亏 не могли сочетаться подобным образом с дополнениями.

Многие существительные теперь способны употребляться в функции определения даже в сочетании с наречием степени. Например: 很中国 букв. 'очень Китай', 相当专业 букв. 'довольно специальность', в знач. 'профессионал', 很淑女 букв. 'весьма образованная', 很九十年代 букв. 'очень девяностые годы', 很男人 букв. 'весьма мужчина', в знач. 'настоящий мужчина'.

3. Категориальными аффиксами:

От слова 盲 'слепота' были образованы выражения 科盲 'научная слепота', 法盲 'правовая слепота', 乐盲 'музыкальная слепота', 舞盲 букв. танец + слепота, 'человек, не разбирающийся в танцах'; от слова 角 'уголок' были произведены выражения 外语角 букв. 'уголок иностранных языков', 恋爱角 букв. 'уголок любви', 京剧角 букв. 'уголок пекинской оперы'; слово 族 'группа' имеет значение 'группа лиц, предметов, явлений, объединенных общностью каких-н. признаков', отсюда возникли: 工薪族 'зарплатная группа', 度假族 'каникулярная группа', 追星族 'группа, преклоняющаяся перед звездами' и т. п.

Язык эволюционирует в связи с развитием и изменением общества. Обширная лексика является проявлением признака эпохи. Чем больше включен человек в жизнь общества, тем охотнее он воспринимает новшества и созидает неологизмы. Чем больше неологизмов появляется в прессе, тем живее становится ее стиль. Чем быстрее развиваются политика, экономика и культура, тем выше частота появления неологизмов, стремительнее скорость их распространения. Главная роль новых слов и выражений в обществе заключается в том, что они обогатили разнообразные способы выражения современной лексики; кроме того, неологизмы оказывают постепенное влияние на психологию, на мышление людей и т. п. В настоящее время люди предпочитают в обыденной жизни пользоваться компьютерным языком, например: 荧屏菜单 'меню

на голубом экране»; называют «отставание, медленный ритм» как 286水平 букв. 'уровень 286'; 鼠标没到位 букв. 'мышь не на месте' и т. п. Во многих случаях при описании бытовых явлений используют слова из области финансов, например: 绩优股 букв. 'акция с хорошими дивидендами', в знач. 'зажиточная семья'.

Вышеуказанные высказывания обогатили выразительность устной речи, их распространение оказало определенное воздействие на мышление людей.

Обладает ли жизненностью новое слово, появившееся в языке, точно ли выражено его значение, соответствует ли его конструкция правилам словосочетаемости в китайском языке — от всего этого зависит, в конце концов, получит ли оно широкое распространение и достойное место в лексической системе китайского языка. Многие новые выражения более всего распространились в устной речи, особенно в среде молодежи, потому что молодое поколение меньше связано привычными ограничениями, быстрее и эффективнее воспринимает новшества.

А.Н.Хохлов

ВОСТОКОВЕД В.П.ВАСИЛЬЕВ И ЕГО ГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ

Наше изучение Востока может во многом помогать и нашему умственному и моральному развитию.

В.П.Васильев.*

Выдающийся российский востоковед Василий Павлович Васильев (1818—1900) благодаря огромной эрудиции в вопросах ориенталистики плодотворно работал в различных областях знаний — филологии, философии, истории, географии, археологии и этнографии. Широта его научных интересов поражает каждого, кто обращается к его научным трудам. Разнообразие научных занятий В. П. Васильева в значительной мере объяснялось тем, что в его время китаеведение представляло собой комплексную науку, многие направления которой были слабо дифференцированы, причем в общем русле китаеведческой науки главное место занимало языкознание, и прежде всего лингвистика: анализ грамматических и фонетических особенностей языка, иероглифика, создание двуязычных и значительно реже многоязычных словарей, подготовка учебных пособий.

Опираясь на опыт многолетней педагогической деятельности в Казанском (с 1850 г.) и Петербургском (с 1855 г.) университетах¹, В.П.Васильев разработал обширную программу преподавания китайского языка и в соответствии с ней подготовил и издал грамматические пособия, словари и хрестоматии (с текстом для чтения и переводов с подробными примечаниями). В течение длительного периода по ним велось обучение студентов на факультете восточных языков Петербургского университета.

Практическим потребностям преподавания китайского языка студентам обязаны своим появлением многие лингвистические

* *Васильев В.П.* О преподавании восточных языков в России // «Восточное обозрение». 1886, № 7 (13 февраля).

В.П.ВАСИЛЬЕВ

труды В. П. Васильева и прежде всего две большие работы, написанные им в качестве учебных пособий, — «Анализ китайских иероглифов» (в двух частях)² и «Графическая система китайских иероглифов»³. В течение долгого времени, начиная с десятилетнего пребывания в Пекине в качестве светского члена при Российской духовной (православной) миссии в 1840—1850 гг., он настойчиво занимался поисками наиболее простого и удобного способа овладения китайским языком. В записи, сделанной в августе 1841 г. в «Пекинском дневнике», мы находим его следующее суждение по этому поводу: «С некоторого времени меня особенно занимает метода изучения китайского языка. Европейцы хвалятся, что они сделали все для изучения трудного предмета. Написали грамматики, составили лексиконы, с которыми нельзя перевести ни одной статьи»⁴.

В рукописной работе 1850 г. В. П. Васильев высказывал уверенность в том, что несмотря на трудности освоения китайской письменности «одна правильная метода изучения иероглифов, основанная на постепенном развитии групп, может легко изошрить память, а не обременить ее, как думают»⁵.

Впервые подробно рассмотрев существующие китайские словари и различные системы расположения в них материала, такие, как ключевая («по ключам»), фонетическая («по звукам»), понятийно-семантическая («по материям»), В. П. Васильев пришел к выводу о неудачном, по его мнению, расположении в них иероглифов. По семантической системе был составлен, в частности, древнекитайский словарь «Эрья», а также некоторые известные в Китае словари более позднего времени, например, «Пяньцзы лэйпянь». Впоследствии появились тонические словари, построенные по фонетическому принципу (например, словарь большого объема «Пэй-вэнь юнь-фу»). Но эти указанные нами словари не предназначались для начального обучения китайскому языку, т. к. для работы с ними были необходимы навыки владения языком и знание чтений иероглифов (в частности, при работе с тоническими словарями).

Во времена В. П. Васильева наибольшим предпочтением пользовались словари, построенные по ключевой системе. Они считались

более удобными и доступными для учащихся, прошедших курс предварительного знакомства с основами китайского языка. Их преимущество — в сравнительно небольшом числе ключей, соответственно которым классифицировались многие тысячи китайских иероглифов⁶.

В 1841 г. вышел в свет словарь французского синолога Каллери, в котором было представлено 1040 фонетических черт. Система Каллери являлась, по мнению В.П.Васильева, лучшей из существующих, однако и ей были присущи недостатки. Она не получила широкого распространения в Западной Европе и даже не была принята его соотечественниками-синологами Г.Потье и С.Жюльеном, которые сохраняли приверженность ключевой системе.

Еще будучи в Пекине, В.П.Васильев приступил к разработке своей графической системы расположения иероглифов в словаре, причем почти одновременно с Каллери и независимо от него. О начальном этапе работы В.П.Васильева над созданием своей графической системы позволяет судить представленный им в ноябре 1850 г. Совету Казанского университета отчет о научных занятиях в Пекине по возвращении на родину после десятилетнего пребывания в китайской столице, куда его командировали с целью изучения восточных языков, особенно тибетского, для открытия впоследствии в Казанском университете кафедры тибетского языка. Касаясь своих языковых занятий в Пекине, В.П.Васильев, вернувшийся из длительной научной командировки уже сложившимся ученым, особое внимание в своем письменном отчете уделил проблеме изучения китайского языка. Это видно, например, из следующего отрывка:

«Я никогда не почитал занятие собственно *китайским языком* делом для меня второстепенным; можно решительно сказать, что ни один наш ученый, посвятивший себя изучению какой-либо части... этого огромного пространства, которое по справедливости должно назвать восточной половиной старого света, не может вполне достигнуть своей цели без знания языка того народа, который в продолжение тысячелетий составлял центр всей этой части света и не уступает по богатству своей литературы ни одной из старых наций. Литературы тибетская и монгольская собственно богаты только буддийскими сочинениями, но хотя немногие только из них были

переведены с китайского, хотя многие знаменитости возникли в центре этих стран, за всем тем самое изучение буддизма не может быть удовлетворительно, если мы не заглянем в китайские буддийские сочинения, которые представляют особую характеристику. Одни сочинения совпадают с тибетскими, но могут представлять варианты различных переводов; других и очень важных недостает в котором-нибудь из двух языков. Светские сочинения на [этих] двух языках, исключая медицинские, астрономические, математические, которые переводились и сочинялись у себя, незначительны, но даже на тибетский язык переведено несколько таких сочинений с китайского, а монгольский в этом случае почти сравнялся с маньчжурским, который начал и окончил свое поприще единственно переводами с китайского языка классических конфуцианских книг, некоторых исторических и затем повестей и рассказов. В этих переводах, а равно и в правительственных буллах, оба языка приняли огромное количество новых слов, которые были недоступны им прежде; так что природные монголы и маньчжуры, не учась, не могут понимать сочинений по части законодательства или философии. Слова, вновь образовавшиеся, не все составлялись из чисто монгольских корней, но представляют собой или почти чисто китайские, или к китайскому корню приделаны этимологические изменения, свойственные двум языкам, или выдумывались новые звуки, но всегда в pendant китайским. Даже в тибетских лексиконах мы находим множество слов, сформированных с китайского, хотя они не так распространены, потому что Тибет еще не так сближен с Китаем, как Маньчжурия или Монголия. Но духовное влияние Китая простиралось не на одни только эти страны севера и запада, Корея, Япония и Кохинхина также обязаны своим образованием и письменностью Китаю. Исключая Японию, мы черпаем до сих пор исторические и географические сведения об этих странах только из китайских источников»⁷.

Уже из вышеупомянутого отчета В.П.Васильева можно видеть, что еще во время пребывания в китайской столице его особенно занимала проблема наиболее быстрого и эффективного изучения китайского языка иностранцами, в том числе россиянами, приступающими к постижению китайской культуры. Его любопытные

рассуждения относительно метода изучения китайской иероглифической письменности довольно конкретно представлены в следующем пассаже представленного им отчета:

«Я думаю, что для правильного и точного изучения китайского языка нужно знакомить [учащихся] с постепенностью иероглифических начертаний, в которых прибавление одной черты изменяет и чтение и значение. Кроме специального назначения в этом случае можно рекомендовать преподавание китайского языка даже для изошрения памяти и развития умственных способностей в детях. Наверно, когда-нибудь вполне осознают это мое замечание, которое теперь покажется странным... Даже можно приписать именно этой письменности китайцев то, что они стоят выше всего остального света в природной сообразительности, говоря вообще о нациях, и не так легкомысленны, как другие. После знакомства с начертанием букв (иероглифов. — А.Х.) преподаватель познакомит учащегося с самыми звуками (или складами) китайского языка, которые, не будучи многочисленны, представляют отдельно каждый ту общую идею, которая, развиваясь в частных понятиях, имеет для них особое начертание. Это он сделает в двух видах: в отношении начальных букв и окончаний, — тогда откроется, что в китайском языке существует гораздо большее число звуков, нежели сколько насчитывает наше европейское ухо, и что для некоторых, по-видимому, одинаковых звуков надобно будет принять различную переписку на наших письменах. Это разнообразие еще более разовьется, когда каждый отдельный звук будет просмотрен по четырем интонациям (тонам. — А.Х.), которые для китайского уха делают из каждого особое слово. Пусть преподаватель представит в особой таблице главные иероглифы из всех интонаций. Они скорее всего сохранятся таким образом в памяти. Затем нужно будет разобрать иероглифы в шести главных характеристиках, которые представляет их начертание, и, наконец, пусть укажут значение ключевых знаков. Все эти условия кажутся нам необходимыми для правильного преподавания языка и должны предшествовать грамматическим правилам, которые не должны останавливать на себе долго учащегося по неизменяемости языка, за исключением синтаксического употребления так наз. пустых букв...

Наш профессор китайского языка приступит к более правильному и подробному изложению встречающихся при преподавании иероглифов. Хотя китайцы и имеют для этого много источников, однако ж немногие и то уж сами пользуются ими, когда учатся языку. Вообще главным недостатком не только в преподавателях китайского языка, но даже и вообще в большей части ученых должно почитаться касательно филологии то, что они сами не могут понимать всех разнородных сочинений на своем языке. Самый лучший ученый станет в тупик при чтении буддийской или даосской книги; получивший докторское звание иногда затруднится в чтении географической или исторической книги, затрудняясь над собственными именами. Тем более должно сказать это о ходячих учителях, которые знают только часть цзинов («канонов». — А.Х.) и поэзии. Разумеется, что по правилам нашего преподавания должно иметь познания в литературе и истории страны... Таким образом, при изучении китайского языка мы должны были сами создавать для себя методу обучения и были бы весьма счастливы, если бы хоть учитель мог ее понимать и [ею] руководствоваться. Но понятно, что план, о котором я упомянул выше, не был преследуем [нами] с самого начала, и собственно методического обучения не бывало. Все наши познания должны были приобретаться тяжким трудом...

В продолжение десятилетнего моего пребывания в Пекине я изучал собственно языки тибетский, китайский и маньчжурский. Язык монгольский был мне уже достаточно известен во время университетского образования, и потому я не распространяюсь здесь о нем, хотя постоянная практика в этом языке с живущими в Пекине и приезжающими из различных уделов Монголии познакомила меня еще лучше с многообразными их наречиями; язык разговорный, которым я владел при отправлении в Пекин, изучая его у наших бурят, превратился со временем для меня в язык юго-восточных монголов, наречие которых всего более встречается в Пекине. Само собой разумеется, что по мере большего знакомства с буддизмом из тибетских сочинений, которые служили оригиналом для монгольских переводов, для меня неминуемо яснее становились те монгольские термины, которые прежде еще могли мне представляться смутно, потому что истолкованье — одно и то же, как для монгольского, так

и для тибетского выражения. С другой стороны, из сличения с оригиналами на маньчжурском и китайском языках светских сочинений на монгольском, относящихся более к законоведению, легко мне было определять точный смысл новых монгольских слов и проникать в их этимологическое происхождение. Я не упустил также [случая] отчасти познакомиться с наречием туркестанцев, которое должно бы было обратить на меня еще большее внимание, если бы я нашел в Пекине сведущих в нем людей, потому что китайские земли этих народов принадлежат аборигенам тех племен, которые расселились ныне по всем частям света»⁸.

Судя по приведенному (в сокращении) отрывку из отчета В.П.Васильева, он предлагал сгруппировать иероглифы по фонетическому принципу, а сами группы расположить по совершенно новой системе — графической.

Интересные и ценные сведения о составлении В. П. Васильевым китайско-русского словаря по графической системе в первые годы его преподавательской деятельности в Петербургском университете сообщает, например, выпускник Казанского университета китаист А.И.Артемьев в своем петербургском дневнике. В его записи от 2 ноября 1856 г. мы находим следующую информацию:

«Вечером были мы (с женой. — А.Х.) у Васильевых. Его дамы, т. е. жена и своячина, нынешний год проводят более рассеянно: посещают театры, концерты и другие увеселения. Сам же он сидит более дома. Он показывал мне составляемый им китайский лексикон, располагаемый совершенно иначе, нежели расположены лексиконы самих китайцев и даже европейских хинезистов, впрочем, имеющий сходство с системой словаря Каллери. Васильев придумал почти буквенное, силлабическое расположение иероглифов: такая система значительно облегчит приискивание слов в лексиконе и даже будет способствовать изучению китайского языка без руководства учителя. Сколько я понимаю дело по старой памяти и небольшому знакомству с китайским языком, *система Васильева заслуживает похвалы и успеха*. Но издание китайского словаря весьма затруднительно и потому, Бог весть, будет ли он когда-нибудь издан»⁹.

О том, как коллеги-китаисты, окончившие Казанский университет позже В.П.Васильева, встретили его первую публикацию

о графической системе расположения китайских иероглифов (в «Журнале Министерства народного просвещения»), знакомит нас запись того же А.И.Артемьева в своем дневнике от 3/15 марта 1857 г.: «Мы с Огородниковым читали статью Васильева «Графическая система китайских иероглифов». Удивительно по-китайски написана она. Например, звук и слово признаются у него за одно и то же. А что такое «живопись и комбинация ее групп»? И много таких дикувинок»¹⁰. Нетрудно предположить, что подобные вопросы могли возникнуть не только у молодых китаистов, если читать статью В.П.Васильева без его словаря, вышедшего значительно позднее.

Желая дать представление о подготовленной им работе, чтобы получить на ее издание необходимые средства, В.П.Васильев в записке, представленной Академии наук, пояснял: «Весь мой труд разделен на две части: система расположения и лексикон. Первая составляет в глазах моих главную цену, лексикон есть уже учебное дополнение»¹¹.

«Лексикон» предназначался студентам, что определило особенности его построения и оформления. Чтение иероглифов отмечалось в соответствии с пекинским произношением и с указанием четырех тонов (по системе: ровное, тяжелое, острое и краткое), что являлось несомненным достоинством словаря. С достаточной полнотой были представлены в нем двусложные и многосложные сочетания отдельно взятого знака с другими. Поскольку словарь по своему назначению практически приравнивался к учебному пособию, основное внимание его составителя было сосредоточено в ряде словарных статей на семантическом анализе иероглифов по составляющим их элементам, что могло облегчить запоминание знаков учащимися.

Своему феноменальному для своего времени труду В.П.Васильев дал весьма скромный заголовок: «Опыт первого китайско-русского словаря, построенного по графической системе». Текст словаря был написан В.П.Васильевым, а также его учениками — Коржевым и П.С.Поповым. Новаторство В.П.Васильева проявилось в том, что его система, по его выражению, соединяла фонетическую систему с графической. Чтобы освоиться с ней, преподавателю или учащемуся не требовалось много времени. Как отмечал сам автор,

разработанная им система по сравнению с ключевой давала «возможность приискивать слова гораздо скорее, а для тех, которые [за]хотят изучить китайский язык... она есть единственное средство к избежанию сбивчивости и скорому запоминанию всех разнообразных начертаний»¹².

Система В.П.Васильева была не только практически удобной, но и научно обоснованной, так как показывала «сконцентрированную картину постепенного разрастания китайской письменности»¹³ и законы ее построения. Сначала она была принята и введена в Петербургском университете. Затем ее рекомендовали для других учебных заведений, и в частности для гимназий.

Высоко оценивал систему В.П.Васильева известный китаевед — преподаватель Петербургского университета Д.А.Пешуров, который, в частности, отмечал, что данная система распределения иероглифов позволяет внести в лексикон все шесть категорий китайского письма в строго научной последовательности и таким образом избежать прискорбных пропусков, характерных для лексикона Каллери¹⁴.

Не менее высокую оценку графической системе В.П.Васильева давал один из его любимых учеников А.О.Ивановский. В записке, представленной факультету восточных языков Петербургского университета по поводу учебников китайского языка для предполагаемого Владивостокского лицея, он предлагал: «Для лучшего запоминания начертаний иероглифов надо ввести и каллиграфию и непременно по графической системе проф. Васильева как единственно пригодной для этой цели»¹⁵.

Судя по всему, В.П.Васильев понимал значение сделанного им открытия, но не надеялся, что оно будет иметь большое будущее. 25 ноября 1895 г. он писал Ф.Р.Остен-Сакену: «Для меня гораздо дороже, кроме занятий, моя графическая система. Вот видите ли, по крайней мере 2500 лет изучали свою письменность китайцы, но ныне трудятся над ней и европейцы. А она трудна только потому, что изучают без системы. Впрочем, я не ручаюсь, что она скоро будет принята. Ведь это система придуманная»¹⁶.

Руководствуясь системой В.П.Васильева, впоследствии составляли и издавали свои словари Д.А.Пешуров и О.О.Розенберг, а в советское время В.С.Колоколов, И.М.Ошанин, Г.М.Григорьев,

Б.Г.Мудров и др. В целях усовершенствования в нее вносились некоторые изменения (О.О.Розенбергом и В.С.Колоколовым), однако основной принцип, предложенный В.П.Васильевым, оставался неизменным.

Высоко ставил графическую систему В.П.Васильева В.М.Алексеев за ее «весьма большое значение в воспитании китаистов, к каковому делу она в первую очередь и была предназначена». Он писал: «Система иероглифов В.П.Васильева явилась мнемоническим и логическим шедевром задолго до возникновения «магнитного поля»» изобретателей новых систем расположения иероглифов в словарях в Китае и Европе: она воспитала многих, в том числе и пишущего эти строки престарелого китаиста, и вызвала к жизни новые словари, по которым до сих пор учится наша молодежь»¹⁷.

Среди харбинских востоковедов, придерживавшихся графической системы В.П.Васильева, Г.Г.Авенариус называл составителя китайско-русского словаря А.П.Хионина, состоявшего до Октября 1917 г. на российской дипломатической службе в Китае, а затем преподававшего китайский язык в Харбине¹⁸.

Как крупный лексикограф своего времени В.П.Васильев внимательно следил за новыми публикациями коллег-китаеведов. Когда вышел в свет словарь П.И.Кафарова (архимандрита Палладия), дополненный и подготовленный к печати П.С.Поповым, он откликнулся на это событие благожелательной рецензией, хотя его ученик не следовал графической системе. По мнению В.П.Васильева, «данный словарь был лучше всех изданных до сих пор на европейских языках», так как по обилию фраз и по объяснениям многих лексических единиц превосходил все доселе существовавшие лексиконы. «Если мы, — писал он, — с радостью приветствовали лексикон г. Пешурова как очень полезный для начинающих, то здесь радость наша переходит уже в гордость. Едва ли в Европе нашелся бы синолог, который выказал в своем лексиконе такую разнообразную начитанность и ученость». Указывая в рецензии на крайнюю необходимость такого словаря для подготовки китаистов, В.П.Васильев подчеркивал: *«У нас всегда были солидные знатоки китайского языка; труды наших ученых не раз переводились на европейские языки и служат даже до сих пор предметом ссылок*

для тамошних ученых. Но между тем без лексикона нам трудно было до сих пор увеличить число изучающих китайский язык; их не хватало даже на удовлетворение официальных сношений с Китаем... А между тем, что бы ни говорили, с каждым годом сношения с Китаем увеличиваются, будет увеличиваться и потребность в числе знатоков его языка»¹⁹.

Отдавая должное изучению китайской иероглифической письменности, В.П.Васильев подчеркивал ее объединяющую роль по отношению к различным диалектам, полагая, что она «служит единственным средоточием всех разнообразных наречий, которые, можно сказать, только в письме и узнают свое общее родство»²⁰. «Только через китайскую письменность, — подчеркивал ученый, — мы узнаем великое значение алфавита в объединении народов»²¹.

Изучение китайского языка, его фонетического строя и грамматики позволило В.П.Васильеву сделать вывод о главном его отличии от других языков. Оно заключается в том, что «в нем как в письменном, так и в разговорном языке каждый слог... есть вместе и слово», однако «не все понятия состоят и особенно в разговорном языке из однослога». Поэтому относительно двуслогов В.П.Васильев уточнял: «каждый слог есть корень; сколько слогов, столько и корней в китайском языке»²².

Глубокое знакомство В.П.Васильева с целым рядом восточных языков позволяло ему заниматься сравнительно-историческими штудиями. Их результаты отчасти изложены им в статье «Об отношениях китайского языка к среднеазиатским» (1872 г.), где он, в частности, затронул вопрос о взаимовлиянии и лексических заимствованиях. Однако неразработанность методов сравнительно-исторического анализа в то время не позволила ученому до конца выявить взаимосвязи китайского языка с среднеазиатскими для выработки достаточно обоснованных научных выводов.

Исследование и сопоставление языков неизбежно требовало разработки единой системы транскрипции для записи речи другого языка при помощи элементов собственного письменного. С этой целью В.П.Васильевым вместе с востоковедами В.В.Радловым и К.Г.Залеманом была предложена «Общелингвистическая азбука, составленная на основе русских букв»²³.

Заслуги В.П.Васильева в области китайского языкознания трудно переоценить. Известный китаист и японист А.И.Иванов в своих воспоминаниях (1918 г.) о В.П.Васильеве особо подчеркивал, что «грамматики, хрестоматии и пособия, им составленные, долгое время были единственными не только на русском языке, хотя за отсутствием шрифта пособия выходили литографированными»²⁴. Как было показано выше, он является создателем новой графической системы, по которой языковеды продолжают создавать современные словари²⁵. Научно-обоснованный подход к изучению китайского языка позволил В.П.Васильеву увидеть богатство его лексики, наличие морфологии и грамматики, связь между фонетикой, морфологией и письменностью. Многие положения, выдвинутые В.П.Васильевым, нашли подтверждение в разработках последующих поколений китаеведов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Хохлов А.Н. В.П.Васильев в Нижнем Новгороде и Казани // История и культура Китая (Сборник памяти акад. В.П.Васильева). — М., 1974, с. 28—70; Хохлов А.Н. В.П.Васильев в Петербургском университете, его коллеги и ученики // История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. — М., 1997, с. 265—309.

² Васильев В.П. Анализ китайских иероглифов. — СПб., 1866 (Анализ китайских иероглифов. Часть первая. 2-е изд. под ред. А.О.Ивановского. — СПб., 1898; Часть вторая. Элементы китайской письменности. — СПб., 1884).

³ Васильев В.П. Графическая система китайских иероглифов // Опыт первого китайско-русского словаря. Сост. для руководства студентов. — СПб., 1867.

⁴ СПб. филиал Архива РАН, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 212, л. 82.

⁵ СПб. филиал Архива РАН, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 32, л. 19.

⁶ Количество ключей, выделяемых авторами словарей, было различным — от 540 в первом ключевом словаре «Шо-вэнь цзе-цзы», составленном Сюй Шэном в I в. н. э., и до 214 в словаре, составленном в 1633 г. Последняя система 214 ключей сохранилась и до настоящего времени.

⁷ ЦГА Татарстана, ф. 977, оп. Совет, д. 8453, л. 60—61.

⁸ ЦГА Татарстана, ф. 977, оп. Совет, д. 8453, л. 62—63.

⁹ ГПБ, ф. 37, ед. хр. 159, л. 112.

¹⁰ ГПБ, ф. 37, ед. хр. 160, л. 36.

¹¹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 197, л. 1.

¹² СПб. филиал Архива РАН, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 40, л. 6.

¹³ Васильев В.П. Графическая система китайских иероглифов // Опыт первого китайско-русского словаря..., с. VIII.

- ¹⁴ Китайско-русский словарь (по графической системе) Д.А.Пешурова. Предисловие, с. VI. — СПб., 1891.
- ¹⁵ Архив востоковедов СПб. филиала Архива ИВ РАН, ф. ф. 20, оп. 1, ед. хр. 52.
- ¹⁶ РГАДА, ф. 1385, оп. 1, ед. хр. 470, л. 12.
- ¹⁷ См.: *Алексеев В.М.* О роли китайской китаистики XIX в. в лексикографии // Краткие сообщения Института востоковедения. Вып. XVIII (Языкознание). — М., 1956, с. 80.
- ¹⁸ «На Дальнем Востоке» (Харбин), 1935, с. 2.
- ¹⁹ См.: «Новое время». № 5082 (24 апреля/6 мая 1890 г.).
- ²⁰ СПб. филиал Архива РАН, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 32.
- ²¹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 43, л. 1.
- ²² СПб. филиал Архива РАН, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 43, л. 2.
- ²³ Записка о необходимости установления общелингвистической азбуки для фонетической транскрипции текстов. Сост. В.Васильевым. В.Радловым и К.Залеманом. — СПб.: Изд. Акад. наук, 1888.
- ²⁴ *Иванов А.И.* В.П.Васильев как синолог. (Столетие со дня рождения акад. В.П.Васильева) // Известия РАН. — Петроград, 1918, с. 565.
- ²⁵ См. также: *Семенов А.Л.* Значение трудов В.П.Васильева по китайской лингвистике // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Часть 3. — М., 1991, с. 94—97.

Цзинь Тао

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ОПИСАНИЯ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

При классификации глаголов китайского языка выделяют группу, именуемую глаголами направления действия (ГНД). Несмотря на подробное описание языковых явлений, связанных с функционированием ГНД, ряд вопросов еще остается открытым. Прежде всего это относится к синтаксическому статусу ГНД, возможности комбинаций их между собой и с другими глаголами.

С точки зрения традиционной грамматики китайского языка синтаксическая функция ГНД рассматривается в рамках комплексов глаголов — ГНД дополняет и разъясняет значение глагола-сказуемого. При этом ГНД делят на две группы — простые и усложненные. Функция последних разъясняется теорией о поэтапном уточнении: семь ГНД, именуемые модификаторами, уточняют

направление действия, обозначенного глагольным корнем, к которому они присоединяются, а ГНД *lai*², *qu*⁴ присоединяются к модификаторам и уточняют направление движения по отношению к говорящему [Lu Shuxiang 1999, Zhu Dexi 1998, Liu Yuehua 1998, Ju Hong 1992, Яхонтов 1957].

Правомерность определения ГНД как дополнительной части к так называемому главному глаголу вызывает серьезное сомнение. Веским аргументом при этом является то, что семантическая нагрузка ГНД может превышать нагрузку главного глагола — последний в ряде случаев может быть удален, а предложение, тем не менее, остается синтаксически правильным, что не позволяет удаленный глагол называть главным по отношению к ГНД. Существует мнение, что глаголы, находящиеся перед ГНД, и сами ГНД в равной степени относятся к теме предложения, разъясняя ее под разными углами зрения [Xia Guozheng 1997].

Такое мнение о роли ГНД еще не стало общепризнанным, тем не менее сегодня идет поиск новых путей адекватного описания функции ГНД. С нашей точки зрения, для этого необходимо обратиться к теории когнитивной науки. Ключевое изменение, внесенное когнитивной наукой в изучение грамматики естественных языков, заключается в том, что грамматику нельзя рассматривать как совокупность неких правил, отчужденных от человека. Грамматическое описание не может ограничиться рамками языка, а должно быть ориентировано на объяснение связей и сопряженности языковых единиц с процессами познания мира, категоризации и концептуализации мира языковыми единицами, процессов порождения и понимания языковых сообщений [Герасимов 1985]. Основываясь на таком подходе, мы считаем, что так называемая группа ГНД является частью средств конструирования концептуальной системы восприятия, обозначения перемещения в пространстве и рассмотрение ГНД следует проводить в рамках изучения системы в целом.

В конструировании данной концептуальной системы участвуют также имена и именные сочетания, оформляющие понятие «место», и группа предлогов, указывающих на начальный и конечный пункты или само направление перемещения. В нашей работе

анализ ограничивается динамической частью этой системы, выражающейся в глагольных формах. В зависимости от характера самого перемещения и количества участников этого процесса можно выделить три сценария (С): С1 — собственные перемещения (перемещения одушевленных лиц, механизмов и перемещения под воздействием природных сил); С2 — принудительные перемещения предметов под воздействием человека; С3 — совместные перемещения лиц и предметов. В данной работе глагольные формы будут рассматриваться относительно С1, в котором субъект, перемещение которого описывается, именуем как действующее лицо (ДЛ). Рассмотрим другие компоненты описания перемещения в пространстве при С1.

Известно, что в физике при изучении перемещения предмета необходимо изначально определить систему координат. Восприятие перемещения, передаваемое языковыми средствами, в сущности не отличается от такого подхода, однако для конкретного языкового коллектива выбор системы координат может носить специфический характер. В целом в китайском языке можно выделить две относительно самостоятельных системы.

1. Субъективная система ориентации (ССО). Субъективность этой системы заключается в том, что исходная позиция (ИП), на которую ориентировано рассмотрение перемещения, определяется самим говорящим. В ССО перемещение характеризуется глаголами *lai* и *qu'*, которые указывают на приближение к ИП или удаление от нее. В большинстве случаев говорящий воспринимает перемещение с позиции собственного местонахождения в момент порождения речи, но в то же время ему необходимо учитывать, что адресат сообщения тоже склонен воспринимать перемещение с собственной позиции. Так, например, при сообщении о будущем перемещении к адресату для говорящего восприятие местонахождения адресата, как ИП, является единственно приемлемым вариантом. В сообщении, где позиции повествователя и адресата отсутствуют, выбор ИП во многом определяется чередованием мест течения события по ходу времени.

2. Объективная система ориентации (ОСО). Главными ориентирами ОСО являются начальный (НП) и конечный пункты (КП)

перемещения. Однако весомость НП и КП при восприятии разного рода перемещений не однозначна.

1) *Восприятие ориентируется одновременно на НП и КП:*

а. Перемещения характеризуются положением НП и КП по вертикальной оси. Когда КП расположен выше, используем *shang¹*, когда НП выше — *xia¹*.

б. Перемещения характеризуются соотношением между НП и КП. Когда КП воспринимается относительно НП как более закрытое пространство, используется *jin¹*; когда НП более закрытое пространство — *chu¹*.

с. Перемещение характеризуется значимостью НП и КП по отношению к действующему лицу. Когда КП по сравнению с НП является более постоянным местом нахождения лица, то используется *hui²*.

2) *Восприятие ориентируется на промежуток между КП и НП.*

Перемещение характеризуется глаголом *guo¹*. Когда восприятие сосредоточено на некоем предмете, находящемся на пути от НП до КП, глагол означает перемещение с пересечением этого предмета или неких границ, обозначаемых краями предмета. Когда промежуток между НП и КП воспринимается как расстояние, *guo¹* означает перемещение, преодолевающее это расстояние.

3) *Восприятие ориентируется преимущественно на НП.*

Перемещение указывает на отрыв и удаление от НП. В сообщении КП не может быть указан, но в зависимости от расположения потенциального КП по отношению к НП перемещение находит разное языковое выражение: когда КП подразумевается как некое место, расположенное далеко от НП, используется *zou³*; когда КП расположен близко от НП, но выше него, используется *qi³*; когда КП расположен в стороне или по разные стороны от НП — *kai¹*.

4) *Восприятие ориентируется преимущественно на КП.*

Перемещение рассматривается с точки зрения его результата — достижения КП — и передается глаголом *dao¹*.

Итак, рассмотренные выше глаголы являются не столько указателями направления перемещения (строго говоря, направление перемещения в любом случае однозначно — от НП до КП), сколько носителями системы координат, связанной с восприятием

перемещения. На этом основании мы считаем более целесообразным именовать их глаголами ориентации (ГО).

Помимо ДЛ и ГО, основными компонентами описания перемещения являются глаголы действия (ГД), среди которых можно выделить три группы:

а. Глаголы, обозначающие вид или образ действия, благодаря которому и происходит перемещение ДЛ целиком, например, *zou³*, *pa³*, *fei¹*, *pa²* и др.

б. Глаголы, которые, помимо обозначения образа действия, содержат информацию о характере перемещения, происходящем в результате действия, например; *kua⁴* содержит информацию о пересечении какой-то границы, *guai³* — о повороте в сторону и т. д.

с. Глаголы, обозначающие вид и образ действия, в результате которых происходит перемещение ДЛ не целиком, а лишь части его, например, *zuo⁴* ‘садиться’, *zhan⁴* ‘вставать’, *dun¹* ‘сесть на корточки’ и т. д.

ГД первой группы с ГО обеих систем можно сочетать произвольно, ГД второй и третьей групп — выборочно. Кроме того, участие ГД в сообщении может быть необходимым или носить характер дополнительной информации. Это зависит от возможности ГО самостоятельно конструировать сообщение.

При порождении речи ССО и ОСО могут быть реализованы отдельно. Наиболее полноценным для описания является глагол *lai²*, который способен передать перемещение ДЛ без дополнительного компонента. Это обусловлено, по нашему мнению, тем, что при *lai²* ИП совпадает с КП, т. е. КП всегда является определенной и известной информацией для участников коммуникации. Определенность КП влияет на *qi⁴* и *dao⁴*: когда КП известен для участников, то эти глаголы самодостаточны для конструирования предложения; когда же КП не известен для адресата, его необходимо указать после этих глаголов. Глаголы первой группы в ОСО сами по себе не полноценны, при их употреблении необходимо указание на ориентир. Самодостаточность *guo⁴* во многом зависит от степени конкретизации промежутка между НП и КП: когда промежуток воспринимается как расстояние, необходимым компонентом для

описания становится ГД. Неполноценными для описания перемещения являются *kai'* и *qi*³, участие ГД при этом необходимо. *Zou*³ самодостаточен, когда ДЛ — человек, в других случаях необходимо указать ГД.

Чаще обе системы употребляют совместно для описания передвижения. При этом присутствие ИП позволяет не указывать ориентир для глаголов из ОСО, он не влияет на его возможную позицию. Присутствие ГО из ССО усиливает восприятие перемещения как процесс, тем самым исключается возможность комбинации с *zou*³, который характеризует перемещение как оставление некоего места и имеет чисто результативное значение. Результативное значение *kai'* и *qi*³, как отрыв от НП, при комбинации с ГО из ССО ослабляется, одновременно усиливается восприятие перемещения как постепенного удаления в сторону или в стороны. При этом сама ИП у ГО из ССО воспринимается скорее как поле зрения, *qi*⁴ указывает на исчезновение из поля зрения, чем и объясняется невозможность его комбинации с *qi*³.

ЛИТЕРАТУРА

- Lu Shuxiang. Xiandai hanyu babaici. — Beijing, 1999.
Zhu Dexi. Yufa jiangyi. — Beijing, 1998.
Liu Yuehua и др. Quxiang dongci tongshi. — Beijing, 1998.
Ju Hong. Hanyu quxiang dongci ji donggu duanyu de yuyi he yufan tedian // Shijie hanyu jiaoxue. — 1992, № 4.
Яхонтов С.Е. Категории глагола в китайском языке. — Л., 1957.
Xia Guozheng. Xiandai hanyu yufan wenti yanjiu. — Wuhan, 1997.
Герасимов В.И. К становлению когнитивной грамматики // Современные зарубежные грамматические теории. Сб. научно-аналитических обзоров. — М., 1985.

SUMMARY

Orientation verbs are being considered within the bounds of a conceptual system of description of the transition in space, regarding the scenario, where the transition happens as a result of an active operation of the subject itself. On the basis of cognitive analysis two systems of orientation, fixed by these verbs, have been distinguished. We are also considering the factors, which influence the possibility of combination of orientation verbs with both operation verbs and among themselves.

О ПАССИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В РЕЧИ КИТАЙСКИХ ДЕТЕЙ

1. Пассивные предложения (ПП) *beidongju* в китайском языке (КЯ) характеризуются постановкой объектного подлежащего (П) в начальной позиции. В качестве формального показателя пассива выступают *bei* и его аналоги *gei, jiao, rang*, которые не только вводят субъект действия (а при его отсутствии указывают на него), но и определяют отношения между именами. *Bei, gei, jiao, rang* подчеркивают аналитический характер выражения пассива в КЯ (ср. в русском языке). При изучении детской речи (ДР) китайские лингвисты рассматривают ПП в широком смысле: с показателями пассива и без них.

2. При многостороннем подходе к ПП описывалась конструкция, используемая взрослыми носителями языка, ДР во внимание не принималась. Между тем анализ ПП в ДР помогает выявить не только его особенности, но и проследить возрастные этапы его структурного становления и семантического развития, увидеть его стилевые отличия. Результаты исследования имеют практическое значение как в обучении китайских детей родному языку, так и для преподавания КЯ иностранным студентам.

3. В эксперименте принимали участие 90 детей детского сада и яслей: 43 мальчика и 47 девочек образовали 9 групп по 10 человек в возрасте 1 г., 1,5 л., 2 л., 2,5 л., 3 л., 3,5 л., 4 л., 4,5 л., 5 лет. При этом использовались методы наблюдения и опроса, сознательно избегалось влияние взрослых при ответах детей на вопросы.

4. ПП появляется в 2 года, когда в сознании ребенка выработалось понимание таких категорий, как «производитель действия», «объект действия», «действие», и отношений между ними. Понимание сути семантических категорий «субъекта», «объекта», «действия» проявляется у детей через овладение субъектно-предикативной (S-P) и глагольно-объектной (V-O) структурами.

5. На фоне развития структуры ПП китайские исследователи попутно рассматривают вопросы, связанные со значением П, с оформлением глагола-сказуемого, с членом предложения, выражающим

субъект действия, с характером отношений между именными членами, с развитием значения конструкции в целом.

6. ПП развивается на основе базовой структуры, которую представляют в виде: имя объекта — глагол (тип A1) и имя объекта — *bei / gei* + имя субъекта — глагол (тип A2). Для каждой возрастной группы характерна определенная структурная сложность. В 2 года появляются: а) имя объекта — глагол (тип A1): *qiu nadao le* ‘мячик принесли’, б) имя объекта — *bei / gei* + имя субъекта — глагол (тип A2): *bi gei laomao nazou le* ‘ручка унесена кошкой’, в) имя объекта — глагол + результитивная морфема / предлог — имя со значением места (тип B): *jimu fang shangmian le* ‘кубики положили наверх’, г) имя объекта 1 — глагол — имя объекта 2 (тип C): *zhe ge gei ni* ‘эту отдаю тебе’, д) имя объекта — глагол 1 + имя (общий член) — глагол 2 (тип E): *dadan gei wo chi* ‘большое яйцо мной съедено’, е) имя объекта — имя субъекта + глагол (тип F): *guodanpi wo yao* ‘сладкую пластинку из боярышника мне нужно’. В этой возрастной группе в конструкции появляются наречные обстоятельства типа *ye*, отрицание *mei*. В 2,5 года появляются: а) имя объекта 1 — *bei / gei* + имя субъекта — глагол — имя объекта 2 (тип C2): *zhe shou gao ge da dongdong* ‘в руке сделали большую рану’, б) имя объекта — глагол 1 — глагол 2 (тип D): *shu mailai kankan* ‘книгу купим почитать’. Отмечено употребление модального глагола *neng*. В 3,5 года появляется структура: имя объекта — *bei / gei* + имя субъекта — глагол — счетное слово (тип C3): *zhe ge difang bei wenzi yao le yikuai* ‘за это место комар один раз укусил’. В 4 года добавляется имя объекта — (*yi ... , shenme*) + нар. (*ye / dou*) + отриц. (*bu / mei*) — глагол (тип G): *wo shenme ye bu xiang shuo* ‘мне ничего не хочется говорить’.

7. Структурное усложнение конструкции по возрастным группам происходит за счет таких приемов как распространение, подстановка и присоединение. Им сопутствуют опущение, слияние и проч. грамматические явления, которые ведут к появлению более сложных образований, выходящих за рамки ПП.

8. Усложнение структуры предложения позволяет увидеть развитие ее элементов, их значений и формирование отношений между ними. Так, если в ПП ДР в качестве подлежащего (П) (тип A1)

выступают только определенные неодушевленные существительные или существительные со значением животных (в данном типе это требование соблюдается обязательно, в противном случае — перед нами другая конструкция), то в роли П в других типах допустимо указание на человека. Синтаксическое сходство, проявляющееся в последовательности: имя объекта — глагол, формально объединяет П не только с объектным значением. Оно может: а) обладать результативным оттенком: *gangqin diehao le* (2 г.) ‘пианино (из бумаги) сложили хорошо?’, б) указывать на содержание / суть чего-либо: *nide shiqing jiangwan le ma?* (3 г.) ‘о своем деле рассказал?’, в) обозначать место: *jingche ke zuoguo le ma?* (3 г.) ‘на милицейской машине ты когда-нибудь ездил?’, г) иметь отношение к способу совершения действия: *shunxu bailuan le ke you guanxi?* (4,5 г.) ‘будет ли иметь значение, если положить как попало?’

9. Исследование ДР показывает, что ПП начинает формирование с отсутствия формальных средств выражения пассива (тип А1) в 2—2,5 года. Появление *bei* и его аналогов связано с введением в предложение имени субъекта—производителя действия. Показатель пассива и вводимый им субъект появляются в ДР одновременно. В возрасте до 3 лет (тип А2) субъект вводится всегда при помощи *gei*, *bei* же появляется к 3 годам. Вводимый ими субъект указывает на человека или другое живое существо. После 3 лет в качестве производителя действия выступают и неодушевленные предметы (явления), которые в структуре предложения могут опускаться (при сохранении показателя пассива), что свидетельствует о том, что ребенок осознает значение *bei* и его грамматическую роль в высказывании. С 3 до 5 лет *bei* и *gei* как показатели пассива употребляются у детей с одинаковой частотностью.

10. ПП требуют соответствующего глагольного оформления. Уже в 2 года (тип А1) глаголы-сказуемые оформляются результативной морфемой, морфемой со значением направления движения или глагольными суффиксами *-ла*, *-го*, *-чжэ*, иногда *-дэ*. Но если в 2—2,5 года *-ла* не всегда оформляет сложные глаголы: *maozi shuaidiao* (2 г.) ‘шапку сбросил’, то после 2,5 лет это оформление обязательно.

11. Появление второго имени в предложении формирует более сложные типы отношений между его элементами. Для подтипа

С1 — это отношения между объектом и субъектом, которые возникают в результате их взаимодействия: *zhe ge gei ni* (2) ‘эту отдали тебе’. Для подтипа С2 — это отношения между объектом и тем, что стало в результате совершения над ним действия: *zhe shou gao ge da dongdong* (2,5) ‘В руке сделали большую рану’, или отношения между целым и частью целого: *ta gei huaidan dashang le yi tiao tui* (5) ‘ему гад разбил ногу’. Для подтипа С3 имя2 можно одновременно рассматривать и как часть целого и как объект к глаголу со значением количества: *zhe ge difang bei wenzi yao le yikuai, wenzi zhen huai!* (3,5) ‘за это место комар укусил один раз, комар такой плохой!’, или только как приглагольное счетное слово: *tamen liang ge dou bei laoshi ma le yi dun* (5) ‘их двоих воспитательница поругала (разок)’. Восприятие объекта 2 как части объекта 1, по мнению китайских исследователей, — наиболее сложный тип отношений между именами, и осознают его дети в более позднем возрасте. Для типа Е (имя объекта — глагол 1 + имя (общий член) — глагол 2) введенное имя одновременно является объектом к глаголу 1 (*gei*) и субъектом к глаголу 2. Это сложное грамматическое построение появляется в ДР довольно рано: *da dan gei wo chi* (2) ‘большое яйцо дали мне съесть’, *xiao baitu gei wo wan* (2,5) ‘белого зайчонка мне дали поиграть’. Субъект (тип F), введенный без показателя пассива, структурно входит в группу S-P сказуемого: *da laohu wo lai da* (2) ‘большой волк мной (будет) убит’. Тип F китайские исследователи относят к ПП, хотя это не единственная трактовка данной структуры.

12. В коммуникативном плане ПП в ДР также обладает некоторыми особенностями. В ранний период оно используется детьми для сообщения о факте или для выражения желания: *da huilang gaosi le* (2) ‘большого серого волка убили’. Имя объекта обладает выраженным оттенком распорядительства. В 2,5 года ПП широко употребляется в вопросах: *zhe ben shu kanguo le meiyou?* ‘эту книгу когда-нибудь читали?’ Распорядительный оттенок у объектных имен ослабевает. После 3 лет ПП употребляется как часть темы: А: *wo dao tian shang qu ba ta (zhi taiyang) naxialai!* В: *taiyang ni nabuxialai* (5) — А: ‘я поднимусь на небо и сниму его (указывая на солнце)’. В: ‘солнца тебе не забрать!’ Начинательная функция ПП в ДР развита недостаточно.

13. Среди структурного многообразия в ДР преобладают ПП, в которых показатели пассива отсутствуют. Предложения с *bei* и *gei* встречаются реже, потому что структура ПП в ДР чаще опирается на семантику слов, ее образующих, нежели на формальные показатели.

14. По частоте употребления в ДР выделяются ПП трех типов: А1 — 27,4 % от общего количества ПП, А2 — 23,3 %, F — 24,7 %. Это не случайно, так как дети овладевают конструкцией вслед за взрослыми, в разговорной речи которых эти три вида преобладают.

15. По структурному многообразию ПП в ДР (за исключением *wei ... suo*) близки к их употреблению взрослыми носителями языка. При почти полном их грамматическом овладении к 5 годам они отличаются лексической бедностью: лексика ребенка к 5 годам отражает детское представление о мире, воспринимаемое через призму собственного «я».

ЛИТЕРАТУРА

Сяньдай ханьюй бэйцзыцзюй яньцзю. — Пекин, 1994.

Чжоу Гогуан, Кун Линда, Ли Сяннун. Эртун юйянь чжун ди бэй дун цзюй // Юйянь вэньцзы инъюн. 1992. № 1.

SUMMARY

This article introduces such questions as the reasons for appearing grammatical construction with «bei», stages of its developments, the development of structural elements and relations between them in Chinese children's speech.

Ж.В.ШМАРОВА

К ВОПРОСУ О ГЛАГОЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ (СОЧИНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ)

Основной способ словообразования в китайском языке — словосложение, словообразовательным средством которого является сложение слов (основ). В результате словосложения образуются сложные слова.

В китайском языке принято выделять пять моделей словосложения, в их выделении — заслуга многих отечественных китаеведов (И.М.Ошанин, Н.Н.Коротков, А.И.Иванов, Е.Д.Поливанов, В.М.Солнцев, А.Л.Семенас и др.), а также китайских лингвистов (Лу Чживэй, Чжан Шоукан, Жэнь Сюэлян и др.). Помимо пяти основных моделей, некоторые ученые выделяют еще дополнительные, в частности Жэнь Сюэлян, говоря о синтаксическом способе словообразования, выделяет пять дополнительных моделей, Н.Н.Коротков выделяет глагольно-предложную модель.

В основу выделения моделей положены грамматические и семантические отношения между компонентами сложного слова. Среди основных моделей всеми учеными выделяется сочинительная модель, или копулятивная (такие названия модели даны в работах И.М.Ошанина, В.М.Солнцева, Н.Н.Короткова, А.Л.Семенас, А.А.Хаматовой и др.). В теории китайского языкознания существует несколько названий для данной модели. Например, в работах Лу Чживэя она называется бинлиши и бинлеши. Гао Минкай, Чжан Шилу, Жэнь Сюэлян используют термин бинлеши. Чжан Шоукан, Чжан Чжигун, Ли Цзиньси используют термин лянхэши.

Копулятивное сложение при словообразовании имен существительных подробно рассматривалось А.Л.Семенас, под которым, по ее определению, «понимается сложение функционально-синтаксически и семантически равноправных морфем (лексем), дающих в сумме одно значение»¹.

¹ Семенас А.Л. О синтагматической семантике копулятивного сложения в китайском языке // Исследования по китайскому языку. Сборник статей / Под ред. В.М.Солнцева. — М.: Наука, 1973.

Известный китайский лингвист Чжан Шоукан дает такое определение: «Сочинительный тип связи, если смотреть с точки зрения значения, которое привносит морфема в значение составного слова (хэчэнцы), это соединение морфем, близких или противоположных по значению, формирующее определенное значение»².

Из определения, данного А.Л.Семеновым, следует, что компоненты сложения, в данном случае, если говорить о слове, морфемы, должны быть одной грамматической природы. Они могут быть субстантивными, вербальными или адъективными. Нередки случаи, когда сложение основ может привести к образованию слова совсем другой грамматической природы, чем его компоненты. Это отмечается многими исследователями китайского языка.

Если говорить о значениях морфем, образующих сложное слово, то это может быть соединение не только близких по значению и антонимичных основ, но также соединение коррелятивных основ, основ с отдаленным значением, а также соединение основ, при котором одна из них утрачивает свое значение. Об этом писал другой известный китайский лингвист Жэнь Сюэлян.

Что представляют собой компоненты составного слова? Они неоднородны. Ими могут быть самостоятельные слова китайского языка, а также знаменательные морфемы, которые утратили в современном китайском языке синтаксическую самостоятельность, это так называемые «связанные морфемы». Но даже самостоятельные слова, будучи компонентами составного слова, утрачивают свою синтаксическую самостоятельность и являются морфемами.

Под сложным словом автором здесь понимается в широком смысле любая языковая единица, состоящая из двух или более знаменательных морфем, выступающая в качестве синтаксического элемента как целое, т. е. не синтезирующаяся в речевом акте.

В данной работе приведены результаты анализа двусложных глаголов, которые были отобраны путем сплошной выборки из китайско-японского словаря Кураиси (объем 36000 слов), выпущенного издательством Иванами в Токио в 1972 году.

² Чжан Шоукан. Гоуцыфа хэ гоусинфа (Словообразование и формообразование). — Хубэй, 1981.

Главная задача состояла в том, чтобы, исходя из вышеуказанных определений сочинительной модели, выбрать из общего числа двусложных глаголов те, что относятся к данной модели. Затем в процессе анализа значений составляющих слово морфем и значения целого слова в целом разбить все слова на группы.

В процессе работы для более точного определения значений составляющих слово морфем автором использовался Большой китайско-русский словарь под ред. И.М.Ошанина. — М.: Наука, 1983.

Было проанализировано 8140 двусложных глаголов из словаря Кураиси.

В результате было отобрано 2738 двусложных глаголов, которые можно отнести к сочинительной модели. Они разбиты на следующие семантические группы:

1. Соединение синонимичных или близких по значению морфем. Например, *дуби* 'укрываться от кого-чего-л.', где *ду* 'укрываться', *би* 'укрываться'; *сыпо* 'порвать', где *сы* 'рвать', *по* 'сломать, порвать'; *тибу* 'пополнять', где *ти* 'пополнять', *бу* 'дополнять'. Сложение синонимичных или близких по значению морфем, по-видимому, возможно в связи с тенденцией в современном китайском языке к полисиллабизму и со стремлением передать информацию более точно, не допуская непонимания. Известно, что образование двуслога помогает избавиться от лексической омонимии однослогов.

Значение сложного слова тождественно значениям составляющих его морфем. Количество глаголов этой группы от общего числа проанализированных глаголов составило 2132 слова.

2. Значение сложного слова является тождественным значению одной из морфем. Значение другой морфемы как бы дополняет значение всего слова. Значение такой морфемы может обозначать более общее значение действия в сравнении с конкретным значением другой морфемы и сложного слова в целом. Морфема, которая «дает» значение всему слову в целом, может быть как в первой, так и во второй позиции. Например, *цзючжи* 'лечить кого', значение сложного слова тождественно значению морфемы *чжи* 'лечить', тогда как *цзю* имеет значение 'спасать, помогать'; *люецией* 'огрابتь', значение сложного слова тождественно значению морфемы *люе*

‘грабить’, тогда как *цуй* имеет значение ‘брать, взять’; *сягуй* ‘становиться на колени’, значение сложного слова тождественно значению морфемы *гуй* ‘стоять на коленях’, тогда как *ся* имеет значение ‘спускаться, падать’.

Основы, утратившая значение, играет второстепенную роль при словообразовании, однако без этой основы слова не существует. Приведем другие примеры глаголов этой группы, где значения морфем не соотносятся как общее и конкретное значения действий: *чжэньай* ‘ценить, беречь кого-что’, значение сложного слова тождественно значению морфемы *чжэнь*, тогда как *ай* имеет значение ‘любить’; *цзучжи* ‘организовывать’, значение сложного слова тождественно значению морфемы *цзу*, тогда как *чжи* имеет значение ‘плести, ткать’.

Кроме таких глаголов, где мы наблюдаем сложение коррелятивных основ, в эту же группу можно отнести глаголы с антонимичными основами. Например, *ванцзи* ‘забывать’, где значение сложного слова тождественно значению морфемы *ван*, тогда как *цзи* имеет значение ‘помнить’. Всего было выявлено 545 глаголов этой группы.

3. В эту группу входят слова, значения которых как бы складываются из значений морфем, их составляющих. Здесь можно выделить две подгруппы.

Первая подгруппа. Значение сложного слова выражает действие, которое состоит из двух действий. Необходимо отметить, что большинство слов данной подгруппы состоит из морфем, значения которых антонимичны. Сам глагол выражает действие, которое характеризуется двумя противоположностями. Например, *хуси* ‘дышать’, где *ху* ‘выдыхать’, *си* ‘вдыхать’; *чумо* ‘действовать, водиться (о животных)’, где *чу* ‘появляться’, *мо* ‘исчезать’. В данную подгруппу входят также слова, составляющие морфемы которых не являются антонимами, например, *гэнюнь* ‘культивировать (землю)’, где *гэн* ‘пахать’, *юнь* ‘пропалывать’; *тугай* ‘правлять’, где *ту* ‘зачеркнуть написанное’, *гай* ‘исправить’. В данной подгруппе выявлено 16 слов.

Вторая подгруппа. К ней относятся слова, значения которых выражают одновременно два действия, которые совершаются

непосредственно одно за другим или чередуются. Такие слова на русский язык обычно передаются не одним, а двумя словами. Например, *гунсяо* 'снабжать и сбывать', где *гун* 'снабжать', *сяо* 'сбывать'; *хуйгай* 'раскаяться и исправиться', где *хуй* 'раскаиваться', *гай* 'исправить'. В данной подгруппе выявлено 45 слов.

Некоторые из глаголов этой группы конверсируются в существительные. Например, *хуси* 'дышать' — 'дыхание'; *маймай* 'заниматься торговлей' — 'купля-продажа'; *тугай* 'править' — 'правка'; *чжанде* 'колебаться (о ценах)' — 'рост и падение (цен)'; *чжэньляо* 'осмотреть и лечить кого' — 'диагностика и лечение' и др.

Распределение по группам показало, что большая часть глаголов относится к первой либо ко второй группе. Глаголов третьей группы немного.

SUMMARY

This paper studies the verb-building in Chinese. Most verbs are created with the help of word (stem)-composition, which is the main way of word-building in modern Chinese. The author analyses the type of verb-composition, where morphemes are equal in syntactic and semantic plans. The author describes only double-syllabled verbs. These verbs are chosen from Chinese-japanese dictionary. Analysing the meaning of the compound verbs and the meanings of their morphemes the author divides all verbs into three semantic groups: 1. Both morphemes are synonyms or their semantic meanings are very close. 2. The meaning of the whole compound is identical to the meaning of only one morpheme. The other morpheme plays a less important role in verb-building. 3. The meaning of the whole compound verb includes meanings of both morphemes.

ЧАСТИ РЕЧИ И ЯВЛЕНИЕ АСИММЕТРИИ МЕЖДУ КАТЕГОРИАЛЬНЫМИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СИНТАКСИЧЕСКИМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Асимметрия (отсутствие одно-однозначного соответствия) категориальных значений лексико-семантического и функционально-синтаксического планов (например, употребление слов со значением действия или качества в синтаксическом значении предметности и, напротив, слов со значением предмета — в синтаксическом значении действия или качества) — широко распространенное явление КЯ. Известное в науке со времен Г.Габеленца [Габеленц 1886], это явление в современном китаеведении получило достаточно полное и всестороннее описание (см. в этой связи раздел «Функциональные классы слов» в книге Н.Н.Короткова [Коротков 1968], основанный на обобщении разысканий китайских ученых по указанной проблеме). Однако объяснение этого явления — в силу отсутствия в китайском слове морфологической оснащенности и ориентации исследования, вследствие этого, на функционально-синтаксические критерии — остается своего рода камнем преткновения на пути решения проблемы частей речи в целом.

В настоящем докладе рассматривается ряд получивших развитие в китаеведении научных представлений, заключающих в себе тот или иной способ объяснения интересующего нас явления. Предварительно отметим, что обсуждение проблемы велось с позиций теории фундаментального соответствия частей речи и членов предложения, воспринятой китаеоведами из арсенала европейской грамматической теории. Цель исследования состояла в выделении частей речи как классификационных лексико-грамматических категорий.

Первый способ получил свое развитие в русле идеи об основной и неосновной функции слова, перехода — в условиях асимметрии категориальных лексико-семантических и функционально-синтаксических значений — одной части речи в другую. С теми или иными вариациями указанное научное представление разделяют

очень многие китаеведы. Вот что писал по этому поводу А. А. Драгунов: «Лексико-грамматические категории, как общие, так и частные, не изолированы друг от друга. Как и в других языках, действие или качество в китайском языке могут быть опредмечены, и наоборот, слова с предметным значением представлены как действие или качество. Достигается это, как известно, в основном синтаксическим путем. Однако, в отличие от многих других языков, в китайском языке мы в этих случаях, как правило, имеем дело не с различными, лишь материально друг с другом совпадающими, словами, а с различными функциями — основной и неосновной — одного и того же слова, смысловое единство которого прекрасно осознается говорящим» [Драгунов 1952]. Приводятся примеры, иллюстрирующие указанное положение вещей:

1) *Во дала та* 'Я побил его' и:

2) *Гэйла та идунь хао да* 'задал ему хорошую трепку'.

Утверждается, что в первом примере слово *да* функционирует в своей основной, глагольной роли, во втором же случае — в неосновной, предметной.

1) *бань цяо* 'дощатый мост'; *го цяо* 'перейти мост' и:

2) *дибань цяо ла* 'пол покорибился', букв. 'сместился'.

В первом случае, как считает А. А. Драгунов, *цяо* является существительным, выступая в своей основной функции, во втором случае «это же слово оглаголено, выступает не в основном, а в производном значении».

1) *мутоу го син ла* 'дерево уже сгнило'

2) *мутоу чжоцзы* 'деревянный стул'.

В первом случае слово *мутоу* 'дерево' «по своим лексико-грамматическим свойствам представляет собой существительное», во втором случае это же слово «употреблено в роли прилагательного» [Драгунов 1952].

Логическим завершением отмеченного подхода к интерпретации явления асимметрии категорий лексико-семантической и функционально-синтаксической семантики явилось представление о полифункциональности китайского слова, о его принципиальной способности относиться к различным лексико-грамматическим категориям, или частям речи; *yí cì duō lei* (одно слово — много

категорий), *jian lei* (совмещение категорий), *jian shu* (совмещение принадлежности) — формулы китайских ученых, в концентрированном виде выражающие суть указанного научного представления.

Второй способ исключает абсолютизацию приема установления основной и неосновной функции слова и перехода одной части речи в другую (соотв. способности слова относиться к различным частям речи) как способ анализа языкового материала. В связи с этим авторы книги «Yufa xüci jianghua» («Лекции по грамматике и стилистике») Люй Шусян и Чжу Дэси, написанной в период обостренного внимания к проблеме выделения частей речи в КЯ, предостерегали: «Если допустить, что с изменением синтаксической позиции слова в предложении меняется его частеречная принадлежность, то окажется, что почти каждое слово должно относиться к двум, трем частям речи, многие слова — к четырем, пяти категориям; в таком случае деление слов на части речи утратит свое значение и мы естественным образом придем к теории, отказывающей китайскому слову в определенной частеречной принадлежности» [Люй Шусян, Чжу Дэси 1952].

Отсюда, согласно Люй Шусяну [Люй Шусян 1979]:

1) допускается употребление той или иной части речи в асимметричных синтаксических позициях, не приводящее к ее переходу в другую часть речи в условиях, если такое употребление является обычным для всех слов данной категории. Например, главная функция существительного — быть подлежащим предложения и дополнением глагола, однако оно может быть определением к существительному, не превращаясь тем самым в прилагательное. Как обычное рассматривается также употребление прилагательного в позиции дополнения, в именном функционально-синтаксическом значении, как, например, в следующем случае: *xiu jiu li fei jiao jiu lin xin* 'Привести в порядок старое, утилизировать ненужное — это значит отдать старое, получить новое'.

2) допускается временное, живое (*lin shi huo yong*) употребление отдельных слов данной категории в асимметричной синтаксической позиции, пример которого Люй Шусян видит в случае *hao le* (букв. хороший *le*) 'добился успеха', *hao bu shang le* 'не смог добиться успеха'.

3) подчеркиваются различия между случаями употребления одной части речи в функции другой части речи, при которых а) исходная часть речи переходит в иную часть речи или же б) сохраняет свою категориальную принадлежность. Считается, например, что в сочетании *ai piping* 'подвергаться критике' глагол *piping* 'критиковать' лишь употребляется в функции существительного (*dongci ming yong*), оставаясь по существу глаголом; в сочетании же *wenyl piping* 'литературная критика' *piping* является «настоящим существительным» (*zhengshi = de mingci*).

Третий способ, исходя из присущего китайскому языку факта возможной асимметрии между категориальными лексико-семантическими и функционально-синтаксическими значениями, утверждает отсутствие в КЯ частей речи как классификационных лексико-грамматических категорий. Наиболее последовательно и аргументированно эту точку зрения развивал китайский ученый Гао Минкай. «Если мы говорим, что некоторое слово имеет или не имеет частеречную принадлежность, то тем самым мы отвечаем на вопрос, имеет или не имеет это слово в предложении определенную (подчеркнуто нами — Е.Ш.) сферу обозначения — обозначает ли оно только предмет, только качество или только действие. Если это так, тогда мы говорим, что это слово является или существительным, или прилагательным, или глаголом. Если же какое-либо слово в зависимости от условий может обозначать и предмет, и действие, и качество, то оно не имеет определенной частеречной принадлежности» — утверждал Гао Минкай, обосновывая свое понимание проблемы [Гао Минкай 1957].

Отрицая существование в КЯ частей речи как классификационных лексико-грамматических категорий, Гао Минкай оперирует понятием «функция части речи», основанным на представлении об обязательном выражении в предложении понимаемых в универсально-логическом ключе категорий типа «предмет», «действие», «качество». Соответственно в своем грамматическом анализе Гао Минкай говорит о той или иной «функции части речи», не прибегая к понятиям типа «основная и неосновная функция слова», «употребление одной части речи в функции другой части речи», как это принято говорить при других подходах к анализу

материала. Например, анализируя предложения *hua shi hong* = *de* 'цветы красные', *Zhe duo hua jian jian hong le* 'Этот цветок постепенно покраснел', *hong shi yizhong yanse* 'красный — это определенный цвет', Гао Минкай утверждает, что здесь мы имеем употребление одного и того же слова *hong* 'красный', не имеющего определенной частеречной принадлежности в функции различных частей речи — прилагательного, глагола, существительного соответственно.

Итак, имевший место в китаеведении опыт объяснения явления асимметрии категориальных лексико-семантических и функционально-синтаксических значений дает неоднозначные результаты. Каждый из подходов, будучи не лишенным внутренней логики и опоры на реалии языка, не объясняет явления в целом. Существование / несуществование в КЯ частей речи как классификационных лексико-грамматических категорий, характер грамматической значимости функционально-синтаксических критериев при выделении частей речи, части речи и синтаксис — весь этот круг проблем, взятый в их взаимной связи, ждет дальнейшего осмысления и решения.

Весьма точный диагноз причин недостаточной эффективности и доказательности результатов обсуждения и решения проблемы частей речи в китайском языке дает Люй Шусян [Люй Шусян 1979]. По мнению ученого, эти причины состоят в самой теории фундаментального соответствия между частями речи и членами предложения, с позиций которой осуществлялся грамматический анализ, приведший в конечном счете к отождествлению этих взаимосвязанных, но принципиально различных грамматических категорий.

SUMMARY

The paper deals with the problem of parts of speech according to the phenomenon of non-correlation between general lexical-syntactic meanings being widespread in Chinese. The author analyzes three main methods of explaining this phenomenon represented in literature.

ЭЛЛИПСИС В КИТАЙСКОМ ТЕКСТЕ (РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ)

Эллипсис в тексте обозначает пропуск некоторой лексики, которая может быть установлена из других предложений текста. С грамматической точки зрения эллипсис (далее Э) реализуется как структурная неполнота синтаксической конструкции, с точки зрения теории информации все виды Э — это уже известная информация, остающееся — это новая (или важная) информация. Э часто встречается в текстах объявлений, рекламы, записях, внутренних монологах персонажей, отражающих быструю смену мыслей и образов [Wales 1989]. Э в целом же присущ разговорной речи, для которой характерны конструкции с «незамещенной» синтаксической позицией, и обусловлен свойственной ей ситуативностью. Если, например, в баре просят «Две кружки, пожалуйста!», бармен сразу понимает, что требуют две кружки пива. Но что касается роли Э в организации связности текста, то обращение к контексту представляется существенно более важным [Halliday, Hasan 1985].

Как и субституцию, Э (кит. *shenglue*) можно подразделить на «именной» (номинальный), «глагольный» (вербальный) и «клезальный» (Э предложения).

1. «Именной Э» (*mingcixing shenglue*) в основном реализуется как пропуск слова, несущего основное вещественное значение в именных конструкциях, Э второстепенных членов в них вплоть до Э всего именного словосочетания. В плане внутренней структуры таких словосочетаний китайский язык аналогичен английскому по порядку распределения слов с указательно-вещественно-категориальными значениями в них (при специфике постановки поясняющих слов в английском):

- [1] The two high stone walls along the roadside.
Na liang zuo gao shi qiang (yan lu de).
'Те две высоких каменных стены (вдоль дороги).'

Ху [Hu 1981] отмечает, что поясняющие слова ('вдоль дороги') английской конструкции в китайском варианте имеют две возможные

позиции: первая — перед всем словосочетанием, например, *yanlude na liang zuo gaogao de shi qiang*, и вторая — на месте уточняющего члена, например, *na liang zuo yanlu de gaogao de shi qiang*. Очевидно, что первый вариант более приемлем на слух. Ху также предлагает выделять «правый» и «левый» Э. При «правом» Э после опущения слова, несущего основное вещественное значение, его место занимает «родоразличительное слово» (например, «каменный», «деревянный», «железный»). В этих случаях китайский язык требует во избежание смысловой путаницы постановки замещающего слова *de* (здесь он подобен суффиксам родоразличительных слов в английском). Сравните:

[2] — *Wo xiang mai yi liang heise zixingche. — Yao mai jiu mai lanse de!*

‘Я хочу купить черный велосипед. — Покупать — так синий!’

То есть центральным словом при «правом» Э может быть качественное слово. Таких примеров достаточно много. При «правом» Э в именной конструкции в самом конце можно поставить счетное слово как таковое или в комбинации с числительным или префиксом *di*, причем первый вариант в китайском языке встречается чаще:

[3] *Zhe yu ba youwande renmen cui hui jia lai. Wu Shao nainai shi di yige.*

‘Этот дождь поторопил всех гуляющих вернуться домой. Бабушка У Шao была первой.’

(Mao Dun. Ziye)

Случаи замещения определительными указательными словами типа *zhe* и *na* центрального вещественного слова при эллипсисе последнего в китайском языке маловероятны, так как, покинув именную конструкцию, они тут же утрачивают свое значение.

Основное назначение «левого» Э — сохранение ключевого вещественного слова в форме существительного при различной степени опущения предваряющих его элементов. В китайском (как и в английском) в таких случаях часто опускаются качественные слова. А вот пример пропуска числительного «один» со счетным словом:

[4] *Zheli yige da maobing! Da maobing!*

‘Это — большой недостаток! Большой недостаток!’

(Мао Дунь, там же)

«Высшая» форма «номинального Э» — это, несомненно, опущение всего именного словосочетания (в [5] оно представлено одним словом, хотя может иметь перед собой группу «указательно-поясняющих» слов):

[5] — *Tiaojian ye jianding le ma? — Jianding le. San shi wan!*

‘— Условия тоже обговорили? — Обговорили. Триста тысяч!’

(Мао Дунь, там же)

Здесь в ответе опущено слово *tiaojian* (‘условие’). Особенность этой формы Э — передача той лишь информации, которую важно знать другой стороне.

2. «Глагольный Э» (*dongcixing shenglue*). Согласно Квирку [Quirk 1972], глагольные конструкции в английском языке максимально могут состоять из 5 компонентов (типа (he) may have been being examined) при всей их малоупотребительности. В китайском системное изучение глагола является слабым местом, особенно в плане изученности финитности и временных форм глагола. Тем не менее, работы Ван Ли [1944], Чжао Юаньжэня [1968], Люй Шусяна [1979] и др. послужили теоретической основой изучения глагольных словосочетаний и глагольного Э в том числе.

Собственно, Э глагольного сказуемого при ясности контекста или ситуации явление редкое:

[6] — *Xiao Wang, ni hao ma? — (Wo) hen hao, ni ne?*

‘— (Маленький) Ван, как дела? — Хорошо, а у тебя (как)?’

В [6] следует обратить внимание на функцию модальной частицы *ne*, которая при однозначности контекста (или типичности вопроса) фактически заменяет сказуемое. В английском или русском эквивалентах Э подобной модальности реализуется через интонацию, а не употреблением модальных частиц.

Не совсем ясно пока, относить ли употребление конструкции *shi... de* в позиции сказуемого к случаям Э имени или глагола.

Если Э глагольных словосочетаний также подразделить на «правый» и «левый», то «правый» Э в китайском языке очевидно будет означать опущение видо-временных показателей глагола:

[7] — *Shanghui daying le ma? — Ziran daying.*

‘— (Торговая) палата ответила? — Естественно, ответила.’

(Мао Дунь, там же)

Правда, здесь можно говорить о компенсационной роли обстоятельства.

[8] — *Zhege shihou ni shang nali qu a? — Dao gonganju you dian gongshi.*

‘— В такое время ты куда идешь? — В полицейское управление по делам.’

[9] — *Gongsi Li zongjingli yizhi qing ni daili. — Na bu xing. Haishi qing Wang Hefu ba!*

‘— Прошу тебя заменить гендиректора (фирмы) Ли. — Не пойдет! Лучше попросить Ван Хэфу!’

(Мао Дунь, там же)

После реализации вида в глагольной конструкции при «правом» Э в постпозиции может стоять глагол (в [8] — *you*) в качестве объекта. Ху [1981] полагает, что в [8] *dao* фактически синоним *shang*, отсюда *dao gonganju* (‘иду в управление’) — это эллипсис *dao gonganju qu*. Аналогично *qing Wang Hefu* — это эллипсис *qing Wang Hefu daili* (‘Прошу Ван Хэфу заменить’), то есть глагол *daili* опущен. Из-за смены объекта разговора *ni* (‘ты’) у первого говорящего трансформировалось в *Wang Hefu* у второго. Поскольку сам глагол опущен, естественно, нет и его видо-временных показателей.

В следующем примере не только опущен знаменательный глагол *xiao* (‘смеяться’), но и выражающая значение начинательности форма *qilai*:

[10] *Tamen dou xiao qilai le. Lian Fan Bowen ziji ye zai nei.*

‘Они (все) начали смеяться. Даже Фань Бовэнь и то оказался среди (смеющихся).’

(Мао Дунь, там же)

«Левый» Э глагольной группы в китайском языке главным образом проявляется в пропуске вспомогательного (модального) глагола. В этом отношении он весьма напоминает Э второстепенных слов в именных словосочетаниях.

[11] — *Yao nao! Xian yao shen ta! — Shen ta! Shen ta!*

‘— Нужно начинать! Вначале следует допросить его! — Допросить его! Допросить!’

(Мао Дунь, там же)

В текстах разговорного стиля нередок и Э всей глагольной конструкции. В следующем примере говорящий при повторе собственных слов опустил глагол *da* (‘бить’) с показателем результата *de*:

[12] *Daodi da de zenyang le, zenyang le?*

‘В конце концов как побили, как?’

(Мао Дунь, там же)

3. «Клозальный Э» (*fenjuxing shenglue*) предполагает пропуск «клоза» (словосочетания, части предложения) и / или главных элементов «клоза». Наиболее часто этот тип Э встречается в предложениях, где ответ выражен утвердительной или отрицательной лексикой:

[13] — *Shenme! Nandao ni lingwai hai you xiangfa? — Meiyou. Wo yiwei San xiansheng dao yinggai hai you lingwai de hua shuo.*

‘— Что! Неужели у тебя есть еще соображение? — Нет. Я считаю, что г-н Сань еще должен что-то высказать.’

(Мао Дунь, там же)

Здесь отвечающий говорит *meiyou* (‘нет’), и содержание его отрицания и есть та фраза, которую произнес первый говорящий.

В ситуации, когда нельзя подтвердить или опровергнуть, английский и китайский языки равно могут использовать применение говорящим ситуативной лексики оценочно-предположительного свойства для опущения целого «клоза». Английский здесь обычно использует лексику типа *shurely, probably, possibly* и т. д.,

китайский же — лексику типа *ke bu shi* ('а разве не'), *dagai* ('вероятно'), *ye xu* ('возможно, может быть') и т. д.:

- [14] — *Xiang bu dao ni shi huanying tamen dazhang!* — *Ye bu yiding!*
'— Вот не думал, что ты одобряешь их драку. — Вовсе не обязательно!'

(Мао Дунь, там же)

В [14] полный смысл ответа имел бы вид: 'Я также вовсе не обязательно хочу, чтобы они дрались', но содержание уже раскрыто в первой фразе, отсюда ответ не требует полного изложения позиции и формально представлен не целым «клизом», а комбинацией наречия с отрицанием. Что в данной ситуации совершенно достаточно и удовлетворяет требованию адекватного восприятия сообщения.

Иногда некоторые «клизы» посредством «уровневого переноса» (*rankshifting*) предстают как часть другого, большего «клизы» и эллиптируются. Это типично для психических процессов. Наполнение Э в [15] можно обсуждать достаточно широко:

- [15] *Suan le! Nimen tingzhi bianlun, wo jiu qu zhao tamen lai. Lin xiaojie, ni zancheng ma?*
'Ладно! Вы прекращайте спор, (а) я пойду найду и приведу их. Мисс Линь, вы одобряете (согласны)?'

(Мао Дунь, там же)

В целом же говорящий желает, чтобы мисс Линь одобрила все сказанное (или предложенное) им. Ситуация здесь не требует повторения «клизы» с перечислением действий.

Ху вполне правомерно предлагает относить к данному виду Э и одновременный пропуск нескольких основных элементов в нем. В лексическом плане это означает Э именных и / или глагольных конструкций, предложных оборотов и т. д., в синтаксическом — пропуск подлежащего, сказуемого и других членов предложения [Ну 1995]. То есть для отнесения к этому типу Э необходимо опущение по меньшей мере двух элементов.

- [16] — *Ni dao chang li ji nian le?* — *Liang nian you shi tian.*
'— Ты на заводе как давно (сколько лет)? — Два года и десять дней.'

(Мао Дунь, там же)

Здесь мы наблюдаем Э подлежащего, сказуемого и обстоятельства места. Примеров такого Э в китайском языке множество, и в рамках доклада мы опускаем их подробное описание.

В заключение несколько слов о явлении в эллипсисе, которое Ху Чжуанлинь [1995] называет *tonggou guanxi* и которое достаточно условно можно перевести как «одноструктурные отношения». Это неточно, поскольку повторяется не только структура, но и лексика. Здесь пересекаются явления лексического повтора, анафорического Э и стилистического параллелизма. Насколько обоснованно это выделение — покажет время. Пока же приведем следующие три примера:

- [17] *Bai mao zhua haozi* и *Xiaohai chi binggun*
‘Белая кошка поймала мышь’ и ‘Ребенок ест мороженое’
[18] *Ta jue ding le* и *Ta nading zhuyi*
‘Он принял решение’ и ‘Он вынес (твердое) решение’
[19] *Da gongzei ya! Da zou gou ya!*
‘Бей штрейкбрехеров! Бей лакеев!’

(Мао Дунь, там же)

В предложениях примера [17] различие смыслов в рамках одной структуры не играет роли для связи и связности текста; предложения в [18] имеют одинаковый смысл при разных структурах и взаимозаменяемы в тексте, но лишь в [19] не только лексическая синонимия, но и структурное единство вкупе с модальностью придают исключительное усиление смыслу текста, маркируя его связность. «Одноструктурные отношения» не могут четко указывать на формальное сходство и на сходство по смыслу, а требуют формального и смыслового единства структур.

Таким образом, Э, представленный в тексте в виде полностью пропущенных элементов или самих усеченных синтаксических конструкций, своего рода «синтаксических аббревиатур» [Горелов] и наряду с другими средствами связи (субституцией, референцией и пр.) выступающий как средство связи предложений, одновременно выступает и как проявление связности и цельности текста как такового.

ЛИТЕРАТУРА

- Wales Katie.* A Dictionary of Stilistics. Longman, 1989.
Halliday, M.A.K. & Hasan, Rujaiya. Cohesion in English. Longman, 1976.
Quirk, Randolph et al. A Grammar of Contemporary English. Longman, 1972.
Hu, Zhuanglin. Textual Cohesion in English. Thesis. The University of Sydney, 1981.
Hu, Zhuanglin. Yupiande xianjie yu lianguan. Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe, 1995.

SUMMARY

In this report the Ellipsis of the components of different syntactic structures in Modern oral Chinese Discourse is stated.

Р.А. Янсон

О ФОРМИРОВАНИИ ВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ (К ПРОБЛЕМЕ ПАЛИ-БИРМАНСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ)

Из набора показателей, которые в современном бирманском языке принято считать настояще-прошедшего времени, в древнем языке встречается только 2: i^1 и $sate^3$ ($satañ^3$). В современном языке $sate^3$ отличается от прочих показателей настояще-прошедшего времени тем, что является архаичным, наряду с временной семантикой выражает также эмфазу и имеет некоторую дополнительную, не собственно грамматическую, специфику. В древнем языке различие между двумя показателями весьма существенно. Так, показатель i^1 во всех случаях своего употребления допускает ту же трактовку, что и в современном языке. Функционирование же показателя $sate^3$ носит весьма противоречивый характер. С одной стороны, его употребление исключает использование i^1 , что функционально сближает оба показателя, с другой — в отличие от i^1 он может наслаиваться на показатель am^1 , имеющий отчетливую семантику будущего времени, замыкая соответственно конструкцию $V am^1 sate^3$, общим грамматическим значением которой является будущее время.

В такой ситуации логично предположить, что показатель $sate^3$ вообще не имеет отношения к выражению времени. Такое предположение подтверждается при детальном анализе этого показателя под углом палийской интерференции.

В отличие от всех других показателей древнего и современного языка, имеющих временную семантику, $sate^3$ представляет собой двусложное образование. Компонент sa показателя $sate^3$ не был устойчивым и чередовался с элементами so^3 и su^2 , и таким образом реально показатель выступал в трех вариантах: $sate^3$ — so^3te^3 — su^2te^3 . Взаимозаменяемость первых компонентов показателя безосшибочно указывает на то, что во всех случаях мы имеем дело с местоимением третьего лица: sa и so^3 являются заимствованными палийскими местоимениями, а su^2 — собственно бирманским.

Компонент te^3 показателя $sate^3$ часто встречается в древнем языке при именах и имеет отчетливо выраженное значение эмфазы, которое можно перевести как «именно, же». Таким образом, показатель $sate^3$ и его варианты вообще не имеют отношения к выражению временной семантики, формально это просто эмфатизированные местоимения третьего лица. Данной констатации недостаточно, чтобы уяснить роль образования $sate^3$ в высказываниях и причину, по которой оно стало ассоциироваться с временным показателем.

Как известно, причастия широко распространены в пали и при этом часто выступают в функции финитной формы. В бирманском языке причастия не представлены. Пали воспринимался и воспринимается в определенной среде в Бирме как язык-эталон, и имеются многочисленные свидетельства того, что бирманцы стремились уподобить грамматику своего языка особенностям пали. Традиционными средствами бирманского языка было невозможно передать палийские причастия, в том числе и в тех случаях, когда они выступали в функции финитной формы. Тогда и была введена конструкция $Vsate^3$, послужившая аналогом палийских конструкций с причастиями. Произошедшая номинализация глагола в составе конструкции выводит последнюю из сферы временной семантики. Древнебирманские конструкции Vi^1 и $Vsate^3$ оказываются не соотносимыми в плане выражения временной семантики, это — грамматически разные способы выражения одной и той же пропозиции, причем один из них есть результат палийской интерференции.

Необходимо остановиться на роли компонента te^3 в составе образования $sate^3$. В древних текстах довольно широко распространены бессвязочные конструкции. Они обязательно завершают

ся элементом te^3 в тех случаях, когда эмфатическая нагруженность конструкции отсутствует. В такой ситуации можно было бы предположить, что te^3 выполняет в конструкции роль связки, чему, на первый взгляд, препятствует очевидная семантика эмфазы, приносимая элементом te^3 при употреблении с именами в обычных, не эллиптированных высказываниях. Тем не менее интерпретация te^3 как связки оказывается наиболее приемлемым решением, что подтверждается следующими наблюдениями.

В бирманских текстах ниссая, которые представляют собой смешанный пали-бирманский текст, где за палийским словом или словосочетанием следует бирманский эквивалент, бирманские аналоги палийских бессвязочных конструкций обязательно завершаются элементом te^3 ; там же, где в пали присутствует связка, которая обычно факультативна, в бирманском эквиваленте также используется связка. Для ранних текстов ниссая характерно чрезвычайно строгое следование в переводе всем формальным особенностям палийского оригинала. Использование te^3 в тех случаях, когда в палийском тексте связки нет, свидетельствует скорее всего о том, что бессвязочные конструкции не были свойственны бирманскому языку. Столкнувшись с палийской бессвязочной конструкцией, бирманцы не могли использовать связку при передаче ее на родном языке, поскольку таковая отсутствовала в оригинале. Тогда в обиход была введена практика завершения перевода таких конструкций частицей te^3 , семантика которой — подтверждение, подчеркивание — соотносима с семантикой связки. В результате требование строго следовать при переводе всем деталям оригинала было формально соблюдено. Естественно, что приемы, использовавшиеся в ниссая, стали использоваться и в собственно бирманских текстах, где произошло сращивание палийского местоимения с бирманской эмфатической частицей и постепенное превращение нового образования в грамматический показатель с временной семантикой.

Такая эволюция образования $sate^3$ вполне объяснима. Выражение времени в бирманском языке есть прерогатива финитных глагольных показателей. Образование $Vsate^3$ всегда завершает высказывания, и на почве позиционной общности с показателями времени, а также в связи с некоторой искусственностью конструкции для бирманской

грамматики оно с течением времени десемантизировалось и оказалось вовлеченным во временную парадигму бирманского языка.

Не составляет труда объяснить и внешнюю противоречивость упоминавшейся выше древней конструкции *Vam'sate³*, в которой *am'* является показателем будущего времени. Показатель *am'* восходит к палийскому суффиксу опатива, т. е. занимает не конечную позицию в слове. Заимствуя его, бирманцы должны были отразить словообразовательную модель пали, которая в данном случае запрещала использование *am'* в качестве конечного показателя. С другой стороны, как говорилось, временные показатели в бирманском являются финитными. Тон показателя *am'* подсказывает нам, каким образом бирманцы вышли из такой противоречивой ситуации и на основании какой логики.

Обычно заимствуемые из пали простые слова реализуются в бирманском языке со вторым, ровным тоном. В русле этой тенденции следовало ожидать, что *am'* будет функционировать в бирманском языке во втором тоне. Большинство бирманских показателей времени являются односложными и несут второй тон. Однако в тех случаях, когда все предложение выступает в функции определения к имени, показатели изменяют тон на первый. С учетом этих фактов конструкция *Vam'sate³* становится прозрачной — часть высказывания, предшествующая *sate³*, представляет собой предложение, выступающее в функции определения к местоимению *sa*, откуда и возникает первый тон у показателя *am'*. Противоречивость ситуации, возникшей при заимствовании *am'*, оказывается таким образом снятой: с одной стороны, *am'* функционирует аналогично бирманским временным показателям, с другой — формально не является финитным, что соответствует законам палийского словообразования. Правда, такой формальный компромисс привел к тому, что будущее время в древнем языке могло выражаться только в составе конструкции, опять же возникшей под влиянием пали.

SUMMARY

One of the two markers of Old Burmese, viz. *sate³* (*satañ³*), usually analysed as past-present tense markers, is found to be a combination of Pali 3d person pronoun and Burmese emphatic particle. The combination was introduced to represent Pali participles, used in finite function. Controversial combination *Vam'sate³*, common in Old Burmese, in which *am'* is a future tense marker, must be analysed as a construction, consisting of an utterance in future tense used as attribute to NP.

ПЕРФЕКТ В СИСТЕМЕ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА

Перфектные формы тибетского глагола в подавляющем большинстве случаев образуются на основе форм прошедшего времени. Перфектные формы обозначают действие, совершенное как непосредственно перед моментом речи, так и в более отдаленное время до момента речи. Основное в значении перфекта то, что он указывает на сохранение или значимость для настоящего момента имеющихся результатов или последствий тех действий и событий, которые были совершены в прошлом. Таким образом, наличие результата или последствия связывает совершившееся действие, выраженное в перфектной форме глагола, с настоящим моментом. Поэтому можно утверждать, что перфект тибетского глагола соотносит денотат перфектной формы с двумя временными планами — прошлым и настоящим. В приводимых ниже примерах на перфектное значение указывает вспомогательный глагол *jung*.

khø²⁴ nga²la hgy:¹ tang¹ jung.

‘Он послал мне деньги (Теперь они у меня имеются)’.

ngε²³ cang¹ma¹ thong¹ jung.

‘Я все видел (Сейчас хорошо представляю себе ситуацию)’.

Данные перфектные формы *tang¹ jung* ‘послал’, *thong¹ jung* ‘видел’ обозначают действие как законченный процесс, сохраняющий свой результат в настоящем.

Идея о соотносительности двух временных планов в значении тибетского глагола — предшествующего и последующего — высказывалась в ряде работ Ю.Н.Рериха [G.N.Roerich, 1957, 52], Я.Шмидта [1939, 91], Ю.М.Парфионовича [1970, 117], Хадзиме Китамура [Hajime Kitamura, 1977, 32], Бема Чинцзора [Bema Chinjor, 1998, 83].

Перфектное значение тибетского глагола определяется не только временной формой, но и в значительной мере лексическим содержанием глагола, который обозначает действие, приводящее к реально наблюдаемым последствиям.

Тибетский глагол в перфектном значении может указывать на:

а) взаимосвязь действий или результатов:

nge²³ sa²khang¹la the² kha¹la²⁴ je²³ na²jung.

‘Я заболел после того, как поел в том ресторане’.

nge²³ pe²the¹ je²³ xa².

‘Я полностью все забыл’.

б) кратность соотносительных действий в прошлом:

khong¹ki² kyke¹ rang¹la ka¹ zhi¹ nang¹ song.

‘Он задавал вам вопросы’.

В функции перфекта глаголы чаще всего выступают в тех случаях, когда действия, оставляющие свой след в настоящем, являются актуальными для момента речи.

the² ring¹ ngan² co¹ kyha²⁴ jung.

‘Сегодня мы замерзли’.

Перфектные формы глагола могут выражать обобщенное фактическое или конкретно-фактическое значение:

kyhe¹ rang¹ pho²³ la zhong² si²³ hyong nge³?

‘Видели ли вы диких яков в Тибете?’

xing² pa¹ nam⁴ su sɔn¹ sa¹ pa¹ jung² song nge²³?

‘Крестьяне получили новое зерно?’

В тибетском языке различаются результативные и качественные формы перфекта. Результативный перфект связан с переходными глаголами:

kyhe¹ rang¹ ki²³ khong¹la phy²yi²⁴ le⁴ xa²?

‘Вы преподавали ему тибетский язык?’

the² ring¹ nga² ngu¹ khang¹ ne² ngu¹ ra²³ jung.

‘Сегодня я получил деньги из банка’.

nge²³ nyi¹ khu²⁴ xa².

‘Я заснул’.

nge²³ na² jung.

‘Я заболел’.

Перфектные формы тибетского глагола образуются при помощи постпозитивных вспомогательных глаголов, исходное лексическое

значение мы помещаем в скобках: *song* ('ходить'), *jung* ('становиться'), *xaW* ('класть', 'устанавливать'), *nyong* ('получать', 'проходить'), *car* ('завершать'), *zhup* ('исполнять').

В отдельных случаях для интенсификации глагольного значения допускается парное употребление вспомогательных глаголов:

kong¹ phe²? car song.

'Он уехал'.

khohg¹ phe²? car xa²?

'Он уехал'.

Отрицательная форма перфекта образуется посредством отрицательной частицы *ma*², которая располагается в препозиции относительно показателя перфекта:

khong¹ ki²? kyhe¹ rang¹ la ka: ¹zhi¹ nang¹ ma² song.

'Он не задавал вам вопросы'.

nge²? zhong² kyhe¹ ne²? ¹thong¹ ma nyong.

'Я никогда не видел диких яков'.

С результитивными перфектными глаголами сочетаются такие обозначения временных единиц и отрезков, как наречия, падежные и падежно-послеложные формы существительных, имеющие значение еще не истекшего периода времени или определенной повторяемости действия: *tak tu* 'когда-либо', *yuang se¹* 'часто', *tha² kin² ne²?⁴* 'уже', *the² ring¹* 'сегодня', *sa² kho: ¹ti: ²* 'на этой неделе', *ti¹ bo: ²* 'в этом году', *lo² ta: ¹* 'ежегодно'.

the² ring¹ nga: ²ngy: ¹khang¹ ne²? ngy: ¹rak² jung.

'Сегодня я получил деньги из банка'.

theng² sang¹ lha: sa: ¹khang¹ pa¹ sa: ¹pa¹ mang² ø¹ kyap² xa²?

'В последнее время в Лхасе построили много новых домов'.

Встречаются также сочетания перфектных глаголов с наречиями меры и степени, а также со сравнительными оборотами:

thon² zhup¹ xin¹ tu¹ zhak¹ pa¹ xi²? jung.

'Тонджуп сильно испугался'.

qa²nyi¹le² xo:¹wa ta: kyk²song.

‘Помчался будто птица, вырвавшаяся из тенет’.

Тибетскому глаголу свойственна категория версий (в иных терминах — директива, адрессива), связанная с выражением предназначенности действия для субъекта или объекта. Как справедливо указывает Е.С.Кубрякова [1992, 89] глагол обладает способностью свернуть информацию и о времени, и о пространстве (среде)... включая в обозначение действия либо представление о субъекте действия... либо представление о его объекте...».

Вспомним также характеристику японского глагола, данную Е.В.Струговой [1995, 100]: «Отношения, связанные с ориентацией действия, можно выразить с помощью противопоставления семантического компонента «давать» — семантическому компоненту «получать», «от лица / говорящего к лицу / говорящему».

khong¹ki²nga²la¹ngy:¹tang¹jung.

‘Он послал деньги мне’ (гл. *tang¹* ‘послал’ употреблен со вспомогательным глаголом *jung*, так как действие направлено на 1-е лицо).
nge²khong¹la¹ngy:¹tang¹song.

‘Я послал деньги ему’ (глагол *tang¹* ‘послал’ употреблен со вспомогательным глаголом *song*, так как действие направлено на 1-е лицо).

Два глагола *tang¹jung* и *tang¹song* ‘послал’, тождественные по лексическому значению, противопоставлены по версионному признаку и соответственно по перфектному показателю: *jung* для 1-го лица, *song* для 3-го лица.

Тибетскому глаголу также свойственна категория «контролируемости / неконтролируемости» («произвольности / непроизвольности») действия. Предикаты, характеризующиеся признаком «контролируемость», как правило, обозначают действия. Предикаты, имеющие семантический признак «неконтролируемость», обозначают неконтролируемые ситуации, например, *xe²* ‘бояться’, *po:²* ‘ошибаться’, *xi¹* ‘умереть’, *kuha²* ‘мерзнуть’, *na²* ‘болеть’.

Вспомогательные глаголы весьма избирательно употребляются в отношении 1-го или 3-го лица глаголов в зависимости «контролируемости / неконтролируемости» действия.

Так, вспомогательный глагол *jung2* иногда употребляется с 1-м лицом глаголов прошедшего времени неконтролируемого действия, а также с 3-м лицом глаголов прошедшего времени как контролируемого, так и неконтролируемого действия:

neʔ³ no:² song.

‘Я ошибся’.

khong¹ kiʔ³ kha¹ laʔ⁴ soʔ³ song.

‘Он приготовил еду’.

Вспомогательный глагол *jung2* употребляется с первым лицом глаголов прошедшего времени контролируемого действия и с третьим лицом глаголов неконтролируемого действия:

nga² leʔ⁴ jung.

‘Я приехал’.

khong¹ kiʔ zhu² keʔ⁴ kuap² pa¹ ko² jung.

‘Он слышал раскаты грома’.

Вспомогательный глагол *xaʔ⁴* употребляется с 1-м лицом перфектного глагола, образованного на основе настоящего времени неконтролируемого действия:

ngɛ:² par¹ deʔ⁴ lak⁴ xaʔ⁴.

‘Я потерял свой фотоаппарат’.

Специфическим свойством формы перфекта тибетского глагола является наличие категорий заглазости / очевидности действий или событий, которые говорящий мог наблюдать лично или не наблюдать до момента речи, но иметь о них информацию.

Приведем примеры глагольных перфектных форм со значением очевидности действия:

zho² kar¹ pen¹ zə² khang¹ la qin¹ song.

‘Джогар пошел в библиотеку’ (говорящий сам наблюдал этот факт *qin¹* ‘пошел’, вспомогательный глагол *song*).

khø² nge² kyki¹ la to² xy² song.

‘Он бросил камень в мою собаку’ (говорящий сам наблюдал это событие).

Несмотря на очевидность наличия специфических перфектных форм тибетского глагола, некоторые тибетологи не выделяют перфект в отдельную категорию, а рассматривают его как простое прошедшее время глагола [M.Goldstein, 1998, 83; Lhosawa Losang Thonden, 1980, 204; Tashi Daknewa, 1994, 73].

Между тем перфект тибетского глагола отличается от простого прошедшего времени по следующим параметрам: а) по морфологической структуре: простое прошедшее время выражается аналитической морфологической формой, представляющей комплекс вспомогательного глагола в сочетании с частицами и вспомогательными глаголами, восходящими к самостоятельным глаголам с посессивным или экзистенциальным значениями, обладающими темпоральными характеристиками и выражающими отношение к лицу, т. е. образующими личные формы глагола (1-е лицо — *yin²*, 3-е лицо — *re²*). Например, *nga² qin¹ payin²* ‘Я пошел’; *khong¹ qin¹ pare²* ‘Он пошел’.

Что касается перфекта глагола, то он выражается аналитической морфологической формой, представляющей комплекс знаменательного глагола в сочетании (без частиц) со вспомогательными глаголами, восходящими к самостоятельным глаголам с определенной семантикой, предполагающей завершенность действия, но не содержащей указания на лицо, например, *nga² qin¹ song* ‘Я пошел’, *khong¹ qin¹ song* ‘Он пошел’;

б) по семантическому содержанию: глагольные формы с перфектным значением обозначают прошедшее действие, результат которого ощущается в настоящем, т. е. «факт, совершившийся и пребывающий доныне в своем результате» (А.А.Потебня, 1958, 256). Глагольные формы простого прошедшего времени констатируют отнесенность действия или состояния к истекшему отрезку времени вне связи с настоящим моментом;

в) по сочетаемости с различными лексемами: перфект тибетского глагола не сочетается с такими характерными для простого

О.В.Семенова. О видах, формах и приемах контроля навыков произношения...

прошедшего времени обозначениями временных моментов или отрезков времени, как *kha¹ sa¹* 'вчера', *na¹ ning² lo²* 'в прошлом году' и т. д., но при этом перфект сочетается с такими наречиями, как *the ring* 'сегодня', *sa: kho: ti:* 'на этой неделе'.

Таковы некоторые свойства перфекта, занимающего важное место в системе форм тибетского глагола и несомненно заслуживающего дальнейшего углубленного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. — М., 1992.
Парфионович Ю.М. Тибетский письменный язык. — М., 1970.
Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. — М., 1958.
Стругова Е.В. Категория директива в современном японском языке // III Международная конференция «Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии. Западной Африки». — М., 1995.
Шмидт Я. Грамматика тибетского языка. — СПб., 1839.
Goldstein M.C. Essentials of Modern Literary Tibetan. — Delli, 1998.
Lhasawa Losang Thongen. Modern Tibetan Language. — Dehli, 1980.
Pema Chhinjor. New plan. Tibetan Grammar and Translation. — Chandigarh, 1998.
G.N.Roerich. Textbook of Colloquial Tibetan. — Calcutta, 1957.
Tashi Daknewa. A Basic Grammar of Modern Spoken Tibetan. — New Delhij, 1994.

О.В. СЕМЕНОВА

О ВИДАХ, ФОРМАХ И ПРИЕМАХ КОНТРОЛЯ НАВЫКОВ ПРОИЗНОШЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Повышение эффективности обучения КЯ (китайский язык), и в частности фонетике КЯ, неразрывно связано с формированием научно-методической базы преподавания КЯ. Рациональное эффективное управление обучением и воспитанием учащихся требует наличия четкой, научно организованной системы контроля. Составляющими контроля являются виды, формы и приемы контроля. На страницах педагогической и методической литературы понятия «вид контроля» и «форма контроля» трактуются по-разному. Представляется весьма убедительным и научно аргументированным

подход к решению этого вопроса, предложенный Е.В.Мусницкой (Мусницкая, с.26) который следующим образом представлен в таблице.

Вид контроля	Форма контроля
Контроль готовности к учебной деятельности (предваряющий учебный процесс) — КГУД2	Тестирование
Контроль готовности к учебной деятельности (как часть учебного процесса) — КГУД1	Опрос (фронтальный, индивидуальный, комбинированный, взаимный, тестирование)
Контроль процесса овладения компонентами деятельности (в ходе учебного процесса) — КПОКД	Опрос (разные виды, в т. ч. тестирование)
Контроль результатов учебной деятельности (как часть учебного процесса) — КРУД1	Опрос (разные виды, в т. ч. тестирование), контрольные устные и письменные зачетные работы
Контроль результатов учебной деятельности (после завершения учебного процесса) — КРУД2	Контрольные устные и письменные работы, в т. ч. тестирование; зачеты, экзамены

Рассмотрим далее отдельные виды, формы и приемы контроля в контексте обучения КЯ. Говоря об обучении произношению, мы будем иметь в виду в качестве объектов контроля, в зависимости от этапа и уровня обучения, прежде всего слухопроизносительные навыки, кроме этого также языковые знания (в нашем случае, сведения о фонетической системе КЯ) и речевые умения в таких видах речевой деятельности, как говорение (чтение вслух) и аудирование.

Навыки произношения с позиций задач обучения устному и письменному общению на иностранном языке в аспекте контроля принято понимать как правильное автоматизированное произнесение (артикулирование) звуков, корректное ударение и интонирование речевых отрезков в процессе речевого общения, той или иной речевой деятельности.

1) КГУД2. Данный вид контроля, который осуществляется в форме тестирования, дает возможность обеспечить дифференцированный подход к обучению, на основании результатов такого контроля можно сформировать группы обучаемых, имеющих примерно одинаковые исходные данные *психолингвистического*

плана. Обычно этот вид контроля имеет место за рамками учебного процесса и может рассматриваться как факультативный, о чем свидетельствует отсутствие (к сожалению) обязательно проводимого контроля возможности успешного овладения КЯ у приступающих к его изучению (аналогичная ситуация и в случае с другими иностранными языками). Этот аспект проблемы контроля требует специального исследования, базирующегося на научно обоснованных данных, и ждет своего решения. Что же касается остальных видов контроля, то они сегодня являются достаточно широко используемыми и более-менее разработанными. Планируя в будущем организацию КГУД2, можно предложить обратить внимание на такой объект контроля, как языковые знания. В данном случае объем знаний и конкретизация их номенклатуры должны определяться в зависимости от будущей специализации обучаемых. В этом отношении, вероятно, целесообразно тестировать базовые лингвистические знания абитуриентов, планирующих изучать КЯ в рамках филологических и педагогических специальностей.

2) КГУД1. Контроль данного вида проводится на текущем занятии в начале работы над новой темой, новым занятием, навыком, умением. Основной задачей данного вида контроля является управление учебным процессом посредством выявления готовности к конкретной учебной деятельности и установления причин и характера полной или частичной неготовности к ней. Среди объектов КГУД1 наиболее существенными принято считать понимание конкретной цели предстоящей деятельности, т. е. занятия или его этапа; знания, навыки и умения, на базе которых будут формироваться новые знания, навыки и умения; компетентность в смежном материале, владение навыками и умениями, дающими основание для использования переноса, опоры на него и / или предупреждение возможности интерференции; рациональности пути осуществления: определенной речевой деятельности (Мусницкая).

Как правило, наиболее интенсивным является начальный этап обучения произношению, однако контроль овладения просодическими операциями в КЯ очень важен и на последующих этапах. Приведем примеры использования форм и приемов контроля на различных этапах и уровнях обучения в рамках КГУД1.

Начальный этап (вводно-фонетический курс).

Фронтальный опрос (устные вопросно-ответные упражнения): произнесение (чтение) отдельных звуков, (тонированных) слогов, отдельных слов, словосочетаний.

Комбинированный опрос: объекты контроля те же, что и при фронтальном опросе, а также чтение предложений и текстов. Кроме этого в качестве объектов контроля могут выступать такие языковые знания, как сведения о структуре слога КЯ, основные характеристики тона, сведения об интонационных особенностях КЯ, графике и транскрипции и др. На данном уровне обучения произношению возможно использование таких приемов, как работа с таблицей инициалей и финалей в слогах КЯ, озвучивание графически представленных моделей, чтение про себя и выявление (графическая разметка) указанных моделей за определенную единицу времени.

Взаимный опрос очень эффективно реализуется в виде следующего приема, когда одному из обучаемых предлагается графически фиксировать произнесенные другими обучаемыми слоги и слова, при этом по окончании работы обучаемые снова озвучивают зафиксированные слова и слоги.

Следующие этапы (после вводно-фонетического курса) — это работа над овладением интонационными особенностями предложений и текстов. «Традиционно», к сожалению, этому уделяется крайне мало внимания, особенно за пределами 1-го курса. Между тем, интонация наряду с лексико-грамматическими средствами языка является одним из основных средств выражения коммуникативного намерения говорящего (Мусницкая, с. 46). Для КЯ значение ритмико-мелодической организации огромно: ритмически неверно построенное предложение даже при точном произнесении звуков и тонов сильно затрудняет его восприятие (Спешнев, с. 108). Таким образом, на данных этапах обучения по-прежнему актуален контроль следующих просодических операций:

в процессе аудирования:

- 1) расчленение аудиофразы в опоре на синтагмы — их ритмико-мелодическую организацию и паузацию;
- 2) распознавание коммуникативного типа аудиофразы по ее ритмико-мелодической организации;

3) прогнозирование фразового стереотипа в опоре на мелодическое завершение синтагм и фраз;

4) вычленение данного и нового (темы и ремы) в аудируемом сообщении в опоре на логическое ударение и паузацию;

5) расчленение аудиотекста на отдельные фразы, представляющие собой различные структурно-семантические типы, в опоре на их мелодическую организацию, известные аудитору семантические структурные признаки (Мусницкая, с. 47—48).

При чтении необходимо контролировать способность читающего совершить операции по расчленению текста на следующие единицы: синтагмы, совпадающие с членением предложения на словосочетания и члены предложения (группы подлежащего; сказуемого; обстоятельства и др.);

предложения различных структурно-семантических типов (различные модели) — простые, сложносочиненные, сложноподчиненные и др.;

предложения различных коммуникативных типов — вопросы, просьбы, утверждения и др.;

компоненты актуального членения — темы и ремы (Мусницкая, с. 48).

Кроме приемов, описанных для начального этапа обучения, здесь можно также применить следующие:

неоднократное прочтение вслух одного и того же отрезка текста с выделением каждый раз, с помощью эмфатического ударения, нового логического предиката;

прочтение вслух указанного абзаца текста, выделение при этом главной информации с помощью логического ударения;

озвучивание целого текста — выразительное чтение, которое требует владения всем комплексом слухопроизносительных навыков в целом, контроля сформированности всех составляющих их операций.

Перечисленные выше объекты и приемы контроля в достаточной степени универсальны для всех языков; при этом для КЯ их детальная и конкретная разработка еще впереди. Здесь весьма эффективными представляются материалы учебника Т.П.Задёнка, связанные с проблемами овладения интонацией. При этом

графические модели предложений могут быть использованы как для контроля непосредственно просодических операций, так и соответствующих языковых знаний, причем как в рамках КГУД1, так и в рамках КПОКД.

3) КПОКД. Объектом контроля данного вида является понимание цели выполнения отдельных заданий, рациональность пути выполнения определенной речевой деятельности: знания, навыки, умения. КПОКД проводится на текущих занятиях, на которых происходит проверка деятельности учащихся по овладению определенной дозой знаний, навыков и умений в соответствии с работой над новым материалом. КПОКД способствует поэтапному установлению преподавателем соответствия между намеченной целью и достигнутыми результатами обучения.

Для начального этапа обучения важен такой объект контроля, как сочетаемость инициалей и финалей в слоге; здесь в рамках комбинированного опроса уместен такой прием, как выбор из списка слогов только слогов реально существующих в КЯ.

В рамках КПОКД, особенно на начальном этапе, важны такие объекты, как навыки, связанные с реализацией характеристик тона (высоты, интенсивности, длительности). При этом приемы контроля (причем не только навыков, но и соответствующих языковых знаний) можно весьма эффективно проводить, используя графические модели экспериментальной фонетики.

4) КРУД1. Проводится на текущем занятии, завершающем работу над темой (разделом) учебника, т. е. предусматривает проверку овладения определенными знаниями, умениями и навыками в результате изучения достаточно большого объема материала.

Наиболее важной формой контроля в рамках КРУД1 является контрольная работа, проводимая, как правило, в форме фонетического диктанта. На данный момент для КЯ это, пожалуй, наиболее разработанная форма контроля.

Для последующих этапов обучения КЯ достаточно разработанными являются виды работ, связанные с аудированием.

5) КРУД2. Этот итоговый вид контроля проводится в конце определенного действующей программой этапа обучения (семестра, учебного года) и служит для определения соответствия проверяемых

знаний, навыков и умений в их взаимосвязи тому или иному уровню, качеству, заданным параметрам, предусмотренным программой. КРУД2 так же, как и КГУД2, имеет место за рамками учебного процесса и также рассматривается, как факультативный. Что касается вынесения данного вида контроля на семестровые и годовые экзамены КЯ, то необходимо говорить о контроле таких видов речевой деятельности, как говорение (чтение вслух) и аудирование. Весьма широко распространенным для КЯ является такой прием контроля слухопроизносительных навыков чтения, как озвучивание целого текста. Этот прием распространен на всех этапах обучения КЯ. Однако если на начальных этапах обучения КЯ основные требования к контролю в целом соблюдаются, то этого нельзя сказать о последующих этапах, и в результате этот прием теряет свою, так сказать, «фонетическую» направленность.

Очень часто в рамках реализации КРУД2 не придается должного значения контролю такого речевого умения, как аудирование. Опыт преподавания КЯ в МГЛУ позволяет говорить об актуальности таких приемов, вынесенных на экзамены, как предъявление для аудирования разных фрагментов текста, а также целого текста с последующим контролем их обработки.

Проблема организации контроля связана с таким вопросом, как требования к нему (корректность организации, требования, связанные с условиями, принципами обучения и др.), в разной степени разработанные для западноевропейских языков. Все это, безусловно, актуально и для КЯ. Кроме этого, возникает ряд проблем, связанных с особенностями КЯ. Прежде всего это разработка отдельных видов и форм контроля и построение учебных программ и планов в связи со специализацией (прежде всего по линии филологические (переводческие) специальности и прочие).

ЛИТЕРАТУРА

- Мусницкая Е.В.* 100 вопросов к себе и ученику. — М., 1996.
Спешнев Н.А. Фонетика КЯ. — Л., 1980.
Софронсов М.В. Введение в КЯ. — М., 1996.
Задоенко Т.П. Основы КЯ. — М., 1983.

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В ЯЗЫКАХ ДВ И ЮВА

В языках изолирующего строя типа китайского и вьетнамского отдельный звук (фонема), как известно, не может в одиночку представлять слово или даже морфему, то есть не может выступать в роли языкового знака. В качестве основной знакообразующей единицы здесь, как правило, выступает тонированный слог — силлабема. Предлоги, послелоги, аффиксы в этих языках также не могут быть меньше слога.

Важной типологической чертой изолирующих языков ДВ и ЮВА является то, что для образования слов они используют определенные языковые модели, по которым можно судить о принадлежности того или иного слова к той или иной части речи. В китайском языке лингвисты насчитывают пять таких моделей, а во вьетнамском четыре. Эти модели учитывают тип связи между слогоморфемами (силлабемами), которая может быть: атрибутивной, глагольно-объектной, результативной, субъектно-предикативной и др. Можно констатировать, что данная ситуация сложилась в указанных языках по той причине, что основным структурным носителем языковой и неязыковой информации здесь выступает не отдельный звук (фонема) или их цепочки, а лишь тонированный слог (силлабема) или их сочетания. (Ср. известное высказывание Е.Д.Поливанова о том, что в китайском языке слова образуются не из звуков, а из слогов).

Предложенная Е.Д.Поливановым формула — 1234 отражает полный состав основного носителя информации в китайском и ему подобных языках. Цифра 1 означает, что в этой позиции может быть только согласный звук. 2 — промежуточный неслогообразующий гласный, 3 — всегда слогообразующий гласный и 4 — либо сонант, либо полугласный (тоже неслогообразующий). В настоящее время в дальневосточном языкознании принято называть первый элемент формулы инициалью, второй — медиалью, третий — центральною, а четвертый — терминалью. При этом сочетания 234 называются финалью.

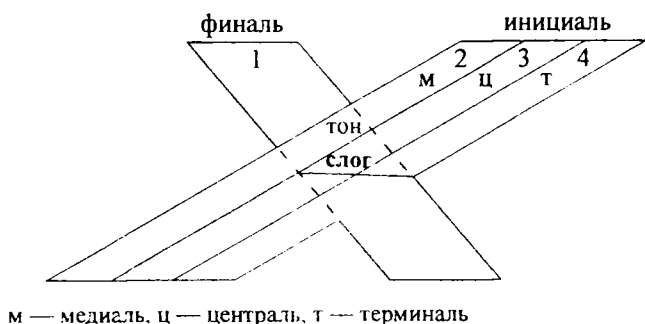
Асимметрия основного носителя информации в изолирующих языках ДВ и ЮВА, вызванная жесткой дистрибуцией фонем внутри него, привела к тому, что относительной свободой на синтагматической оси обладают только инициали и финали. В случае отсутствия медиали свободой обладает так называемая субфиналь.

Если в неизолирующих языках, например, флективных, языковые знаки, большие по длине, чем отдельный звук (фонема), образуются путем перекрещивающихся классов фонем, то в китайском, вьетнамском и им подобных языках они образуются с помощью перекрещивающихся классов инициалей и финалей. Это ясно себе представляли создатели древнекитайского способа транскрибирования иероглифов — фаньце и авторы фонетических таблиц рифм, которые возможные в языке слоги изображали в виде своеобразных мысленных осей координат. На одной (по горизонтали) записывались иероглифы с одинаковыми инициалами, на другой (вертикальной) были представлены иероглифы с одинаковыми финалями (рифмами). Мысленное пересечение осей давало реальный слог. На достаточную свободу, в синтагматическом плане, инициалей и финалей указывают и многочисленные повторы и полуповторы, которые широко представлены в китайском, вьетнамском и других языках ДВ и ЮВА. Это слова типа: *дянь дао, лян мянь, пан хуан* в китайском и *кхат кхэнь, зoa зам, лэо кхоэо* во вьетнамском, когда повторяются либо инициали, либо финали.

Китайская филологическая традиция и учение иньюньюсюэ (учение о звуках и рифмах) как раз и строилось на описании основного носителя информации, то есть слога, с помощью этих свободных элементов (инициали, которая называлась шэнму, и финали-рифмы, которая называлась юньму, с которой связывался тон — шэндяо). Эта традиция была заимствована также средневековыми вьетнамскими филологами.

Учитывая вышеизложенное, внутреннюю структуру основного носителя информации, то есть тонированного слога в изолирующих языках ДВ и ЮВА типа китайского и вьетнамского можно представить в виде следующей схемы.

СХЕМА основного носителя информации в изолирующих языках ДВ и ЮВА

ЧЖАН ТИНТИН

О КИТАЙСКОЙ КАЛЛИГРАФИИ

Китайская каллиграфия — это свод правил написания иероглифов кистью. Формирование различных стилей китайской каллиграфии прошло долгий путь. В течение этого времени графическая форма и способ начертания иероглифов неоднократно менялись и трансформировались, поэтому в Китае существует много различных школ каллиграфии. Для того чтобы лучше узнать историю создания иероглифического письма, нужно обратиться к истокам.

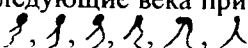
Указать точную дату появления китайской письменности трудно. Во время раскопок, которые проводились в китайском городе Си Ань в 1954—1957 гг., была найдена глиняная посуда с изображением рисунков. Археологи считают, что этой глиняной посуде и, следовательно, изображенным на ней рисункам 6000 лет. На их основе впоследствии были созданы иероглифы. Позже в ходе раскопок в провинции Шаньдун были обнаружены обрядовые погребальные предметы, которым 4500 лет; на них были такие же рисунки, как на глиняной посуде, но уже более похожие на современные иероглифы. А еще позже в провинции Хэнань обнаружили черепашьи панцири, по времени относящиеся к династии Шан, существовавшей 3000 лет

тому назад. И на этих панцирях были изображены рисунки, которые претерпели еще большие изменения в сторону современных иероглифов. Таким образом, можно считать, что китайская письменность существовала уже в эпоху династии Инь-Шан, то есть примерно 3000 лет тому назад. Свидетельством тому служат надписи на черепаших панцирях и на костях животных, которые были обнаружены археологами в конце прошлого столетия при раскопках Иньского городища династии Шан.

Существует интересная история о том, как обнаружили эти старинные черепаший панцири. В 1899 г. во время правления династии Цинь жил-был некий чиновник по имени Ван Ижон. Однажды он заболел и позвал к себе врача. Врач выписал ему рецепт на лекарства, одно из которых называлось «кость дракона». Ван Ижон послал слугу за лекарствами и велел показать ему эту «кость дракона». Оказалось, это был черепаший панцирь. На этих черепаших панцирях Ван Ижон случайно увидел рисунки. Он собрал все панцири с рисунками и передал их ученым для изучения. Так обнаружилось, что эти рисунки были записями исторических событий эпохи династии Шан.

С этого времени начинается интенсивное изучение древней китайской письменности. Наряду с надписями на костях были обнаружены надписи на бронзовых, каменных и гончарных изделиях. Эти надписи, как установили ученые, в основном имели отношение к гаданиям. Прежде чем приступить к какому-либо важному делу, касалось ли оно охоты, войны, урожая и тому подобное, люди в первую очередь обращались к гаданию либо на панцирях черепах (*цзя*), либо на костях (*гу*) животных. Гадание производилось по трещинам, которые образовывались при нагревании панцирей на огне. Это по существу самая ранняя форма китайской письменности, которая известна под названием «цзя гу вэнь» (甲骨文). За первую половину XX столетия в Китае обнаружено свыше ста тысяч образцов письма «цзя гу вэнь», изданы десятки научных трудов, посвященных исследованию этой древней письменности, однако письменность, как и история инь-шанского периода, еще не изучена в полной мере.

Письменные знаки в период возникновения представляли собой рисунки-пиктограммы. Так, например:

«Человек» изображался знаком , который после многих изменений в последующие века принял, наконец, современное написание 人 (, , , , , , , , , 人).

Письменный знак, означавший в те далекие времена «глаз», изображался так: , затем с течением времени он претерпел ряд изменений: , , , , пока не превратился в современный иероглиф 目.

«Рука» в древние времена изображалась так: . В современном написании этот иероглиф выглядит так: 手.

Существуют разные стили китайской каллиграфии.

1. В середине эпохи династии Чжоу историографы провели работу по упрощению письма «цзя гу вэнь». Образцы письменности этого времени сохранились главным образом в виде надписей на бронзовых винных чашах и на треножных сосудах. Этот стиль письменности назывался «чжун дин вэнь» (钟鼎文) или, как его еще называют, «цзинь ши вэнь» (金石文) либо «цзинь вэнь» (金文). Хотя в письме «цзинь вэнь» заметна тенденция к упрощению иероглифов, но по существу она мало отличалась от письма «цзя гу вэнь».

Последние годы эпохи «воюющих царств» (战国时期) были отмечены развитием торговых связей, путей сообщения и всей экономической жизни, а также наиболее значительными изменениями в китайской письменности. Существовавшие в то время семь сильных царств не имели единой для всех письменности. Письменность каждого царства имела свои отличия и особенности. И только после того, как в конце III века до нашей эры император Цинь Шихуан (秦始皇) объединил все семь царств, началась унификация и упрощение китайской письменности, в результате чего был создан стиль письма «чжуань шу» (篆书), значительно отличавшийся от письма «цзинь вэнь». Письменность этого периода дошла до наших времен не только в виде надписей на бронзе, но и на керамических изделиях, на монетах и на бамбуковых дощечках.

Стиль «чжуань шу» в начале циньского периода был известен как «да чжуань» (大篆), а в конце этого периода была проведена унификация и упрощение по приказу императора Цинь Шихуан,

в результате чего был создан официальный стиль письма «сяо чжуань» (小篆), который значительно отличался от древнего письма «цзя гу вэнь».

По преданию, в начале правления династии Хань князь Лу Гунван, желая реконструировать свой дворец, решил присоединить к нему старое жилище Конфуция. Когда стали разбирать стены жилища Конфуция, обнаружили много бамбуковых дощечек с надписями, которые были названы «би чжун шу» (壁中书, то есть книги из стены). Иероглифы на бамбуковых дощечках писали бамбуковой заостренной палочкой, конец которой был смочен особым лаком. Черты иероглифа были утолщенными в их начале и походили на головастиков, поэтому и стиль письма был назван «головастиковым» (蝌蚪书). Длинные, узкие дощечки из бамбука, связанные лыком или шнуром, представляли собой как бы сброшюрованный том. Современный иероглиф 册 (цэ), означающий «том», «экземпляр книги», наглядно изображает связанные бамбуковые дощечки.

2. Наряду со стилем «чжуань шу» постепенно получает все более широкое распространение новый стиль письма «ли шу» (隶书) — так называемое «деловое письмо». Этот стиль появился как следствие развития письменной коммуникации в связи с потребностью более простого и быстрого написания графических знаков. «Чжуань шу» некоторое время сохранял свои позиции как более аристократический вид письма, но постепенно был вытеснен новым стилем, как несравненно более простым и удобным. Китайские источники приписывают заслугу упрощения письма, упорядочения и приведения в систему стиля «ли шу» некоему уездному чиновнику по имени Чэн Мяо (程邈), который, отбывая наказание в тюрьме, в течение многих лет работал над упрощением письма. В письме «ли шу» уже можно видеть упрощенные ключевые знаки, например 亻 (вместо 人), 氵 (вместо 水), 灬 (вместо 火).

3. В период династии Хань наряду со стилем «ли шу» пользовались также стилем письменности «цао шу» (草书, скорописное письмо). Стиль «цао шу» отличался тем, что иероглифы в этом стиле писали, не отрывая кисти от бумаги, не выписывая каждую черту в отдельности и сокращая отдельные элементы иероглифа. Это была своего рода скоропись. Такое письмо представляет удобство в смысле

сокращения времени, затрачиваемого на письмо, но разбирать его без специальной тренировки довольно затруднительно.

4. В конце ханьской династии выработался новый стиль «кай шу» (楷书), или «чжен шу» (正书) — каллиграфическое, образцовое письмо — официально принятый стиль письменности.

5. Наряду со стилем «кай шу» сейчас применяется и созданный в конце II века нашей эры стиль письменности «син шу» (行书), который представляет собой нечто среднее между «кай шу» и «цао шу» и обычно употребляется в письмах и рукописях.

Говоря о китайской каллиграфии, нельзя не рассказать о четырех необходимых для этого занятия, даже искусства, предметах. Это так называемые в Китае «четыре драгоценности»: бумага, кисть, тушь и тушница.

Начнем с бумаги (纸). Существует специальная бумага для каллиграфии — Суань Чжи, которая появилась 1000 лет тому назад. Ее называют «рисовой бумагой», на самом деле это неправильно, потому что она сделана не из риса, а из коры сандалового дерева и пшеничных отрубей. Процесс изготовления такой бумаги очень сложный, он состоит из 18 этапов. Со дня отбора материала до появления готовой бумаги проходит 10 месяцев. Эта необычная бумага обладает рядом особенностей: она белоснежная, тонкая и мягкая, эластичная, долговечная и легко впитывает тушь. Поэтому в Китае ее называют «Императором всей бумаги» и «Бумагой долголетия». Ее используют не только для каллиграфии и китайской живописи, но и для записей важнейших дипломатических событий. Эта бумага имеет очень много сортов, она бывает шершавая, гладкая, мягкая и менее мягкая.

Теперь о кисти (笔). Самая лучшая кисть для каллиграфии в Китае называется «Ху Пи», она сделана из козьей шерсти, либо из шерсти дикого кролика, либо из шерсти хвоста сибирского хорька лучшего качества. Такая кисть и мягкая, и упругая, что дает возможность выполнять линии различной толщины и насыщенности на бумаге. Она круглая и заостренная по форме, легко вбирает и удерживает влагу. Процесс изготовления таких кистей состоит из нескольких этапов. Шерсть распределяют на несколько десятков сортов по длине, толщине и мягкости. В настоящее время в Китае

насчитывается более 200 сортов кистей «Ху Пи». Древко кисти «Ху Пи» изготавливается из местного бамбука высшего сорта, и оно бывает отделано слоновой костью, бычьим рогом или красным деревом. На конце древка нередко делают личную печать из бычьего рога или тыквы-горлянки. Именно поэтому кисть «Ху Пи» называют «Императором всех кистей», ею пользовалась вся знать Древнего Китая, включая императора.

Тушь для каллиграфии (徽墨) имеет форму прямоугольной сухой палочки, которая не только практична, но и является в Китае особым предметом искусства. На ней изображаются мистические традиционные животные или пейзажи, что требует высокого художественного мастерства. Тушь высших сортов продают как поштучно, так и в наборах. В наборе бывает от двух до четырех или больше палочек туши, каждая из которых является частью одного рисунка, подобно мозаике. Поэтому некоторые экземпляры туши являются предметами коллекционирования, подобно маркам. В эпоху династии Цин стоимость одной палочки туши высшего сорта была в прямом смысле слова на вес золота, то есть за одну палочку туши давали столько золота, сколько она весила. Поэтому в Древнем Китае известные художники уделяли особое внимание качеству туши, предпочитая лучшие сорта. Тушь изготавливается из прессованной сосновой сажи. А после династии Мин в состав туши начали добавлять смолу и свиной жир. Самая известная и самая лучшая тушь называется «Хуэй Мо», она изготавливается в провинции Анхуэй, расположенной в центральной части Китая. В состав туши высшего сорта «Хуэй Мо» с целью ее лучшей впитываемости и сохранности добавляют мускус и душистые травы, применяющиеся в китайской медицине.

Для растирания туши в Китае используют тушницу (端硯) из специального камня, которая также является предметом искусства. Таковую тушницу изобрели 2000 лет тому назад. К камню для изготовления тушниц предъявляют очень жесткие требования, потому что тушь должна быть не только хорошо растерта, но и не должна впитываться в камень. Самая хорошая тушница называется «Дуань Янь», ее изготавливают в провинции Гуандун. Процесс изготовления этой тушницы занимает длительное время. Особую трудность

представляет камень, который добывается только у подножия горы Ке Шань в провинции Гуандун. После добывания камня его сортируют, отдают резчику по камню, шлифуют и упаковывают. Поскольку добыча этого камня очень сложна и сам камень очень ценный, резчик обычно старается использовать весь камень при изготовления тушницы, чтобы было как можно меньше отходов. Поэтому тушницы получаются разной формы и неповторимы по рельефу.

D.I.Elovkov

THE PROBLEM OF LINGUISTIC UNITS

According to the Euroamerican linguistic tradition, the main (basic, fundamental) linguistic units (LU) are the morpheme (M) and word (W). According to the Chinese one, there is only one basic LU, i. e. *zì* — a syllable represented by a hieroglyph.

The difference in understanding of language mechanism reflects the distinction in the language mechanism itself.

Most of the LUs called “words” consist of components which have meaning themselves. This makes it necessary to introduce two levels of analysis and two types of LUs. So, existence of two types of meaningful units in European languages is obvious. Still, it must be noted that psycho- and neuro-linguistic investigations prove that ordinary speakers, in normal circumstances of communication, do not perceive meaningful components of words (i.e. Ms), and so, for them, the W is the single unit of the language and speech. It is only scientific analysis that shows the existence of such a unit as the M.

Chinese and certain other languages of the Far East (FE) and South-East Asia (SEA) differ from European languages in this respect. For instance, in Khmer, the overwhelming majority of LUs in speech and dictionaries do not divide into meaningful parts, they are minimal meaningful units (MMU). The Khmer MMU, in its functions and role in language mechanism, corresponds to the unit called *zì* in Chinese.

MMUs fulfill a great variety of functions in Khmer: they are nominative units, dictionary entries, distinct components of utterances (sentences), are used to form new nominative units which are “compound lexical units” (such as *phlu:v* + *Taek* “road + iron = railway”).

Such a variety of functions shows that the MMU plays the fundamental role in the structure of Khmer, that it is its basic, or fundamental, unit, the word “fundamental / basic” meaning here “statistically predominant and exceeding other LUs in the number of functions fulfilled”.

In this situation, it seems reasonable to create a special term to denote the unit and it is preferable, too, to have such a term which would express the essence of the phenomenon.

According to what has been said above, the words “basic structural unit” [BSU; in Russian “основная структурная единица” (ОСЕ)] seem to be quite adequate to be used as the term to denote the unit.

The word “structural” means that the unit is used as a distinct component of certain constructions (structures) — syntactic, in particular.

Being a MMU, the LUs are considered Ms according to the Euro-american traditional terminology. At the same time, functioning as components of utterances, fulfilling their own functions in them, they are similar to words of European languages. It is just this duality of the single unit that has been making it difficult for European and American scholars to determine the status of the LU = MMU in Khmer, Thai, Vietnamese.

The term “basic structural unit” has the most general meaning and actually can be applied to any language, including European ones. This would mean that European languages have two BSUs which are traditionally called “morpheme, word”.

An important feature of the BSU is its phonetic setup. The left and right boundary of the BSU is phonetically strictly fixed and is never changed. This makes it a clear-cut unit, standing out sharply in any sequence of LUs and makes it distinctly different from European languages’ LUs. The speech-flow in Khmer is divided in discrete units, i. e. LUs = BSUs, quite easily and unambiguously. This is one of the most important features which makes Khmer LUs = BSUs always easily perceived by speakers of Khmer. And the fact that they are perceived

and easily singled out from the speech by ordinary speakers is their fundamental characteristic.

The phonetic properties of the LU called BSU leads to that it becomes enclosed in a hard phonetic shell, or capsule, which is never changed or destroyed (very rare exclusions exist, e. g. *ka:l+Na:* [time + which] “when”: [ka:lna: > kəna:]).

Such property of the BSU allows to introduce a new notion — that of a “phonetically encapsulated unit” [PCU; in Russian “фонетически замкнутая единица” (ФЗЕ)]. And so, another very important and specific characteristic of Khmer LUs = BSUs is that they are phonetically encapsulated units (BSU = PCU; OCE = ФЗЕ).

The Chinese *zì* is a monosyllable; the Khmer BSU, the analog of *zì*, is a monosyllable, represented by a full syllable, or a disyllable of a specific structure: “defective + full syllables”. Monosyllables and disyllables of this type are phonetically encapsulated units.

Phonetic encapsulation of LUs in Khmer, as well as in Vietnamese and Thai (and in certain other languages of the FE and SEA) is a very specific and very important characteristic. It is mainly the phonetic encapsulation that makes LUs = BSUs so easily perceived and, consequently, singled out in speech, which makes these languages quite different from European ones.

To summarize, it may be said that the notion of BSU allows to avoid the difficulties in describing Khmer, as well as Thai and Vietnamese, which arise if the notions of M and W are used. The single term is used to denote the single unit. The description becomes much more adequate to language material and compatible with traditions that have been existing in the region for centuries.

As it was said, the term “BSU” has the most abstract and general meaning, and it is its benefit. This makes the notion of BSU applicable to the analysis of **any** language. The unit itself and the notion of BSU are actually universal, because **every** language has its basic structural unit (or — some of them — units).

The BSU structure may, of course, be — and actually is — different in different languages. The first stage of language analysis is to determine its BSU and to describe its structure.

MODIFICATION AND NOMINALIZATION IN CHINESE NOUN-PHRASES

This paper is concerned with the internal structure of NPs in Chinese languages, with particular emphasis on constructions involving modification and nominalization.

The paper is based on a questionnaire survey of five Chinese languages: Mandarin, Shanghainese, Hokkien, Teochew and Cantonese. The questionnaire is semantically oriented, designed to elicit NP constructions illustrating the following 12 functions:

(1) (a) <i>thing</i> modified by its <i>possessor</i>	eg. John's apple
(b) <i>thing</i> modified by a <i>numeral</i>	eg. three apple
(c) <i>thing</i> modified by a <i>demonstrative</i>	eg. this apple
(d) <i>thing</i> modified by a <i>colour expression</i>	eg. red apple
(e) <i>thing</i> modified by a <i>locative expression</i>	eg. apple on the table
(f) <i>thing</i> modified by an <i>activity expression</i>	eg. apple that John bought
(2) (a) <i>covert thing</i> modified by its <i>possessor</i>	eg. John's
(b) <i>covert thing</i> modified by a <i>numeral</i>	eg. three
(c) <i>covert thing</i> modified by a <i>demonstrative</i>	eg. this one
(d) <i>covert thing</i> modified by a <i>colour expression</i>	eg. red one
(e) <i>covert thing</i> modified by a <i>locative expression</i>	eg. one on the table
(f) <i>covert thing</i> modified by an <i>activity expression</i>	eg. one that John bought

This paper presents a summary of the results of the questionnaire, proposes a number of generalizations based on these results, and examines their implications vis a vis current theories of syntax and semantics.

The focus of this paper is on the notion of macrofunctionality, whereby several distinct functions are expressed by means of an identical morphosyntactic construction. For example, whereas in English, functions (1a), (1d) and (1f) are expressed in three different ways (MODIFIER's THING, MODIFIER THING, and THING *that* MODIFIER), in Mandarin, these three functions can all be expressed by means of the same construction, MODIFIER *de* THING. Such macrofunctionality underlies a number of well-known species of grammatical markers, including "ligatures", eg. Cantonese *dek*, encompassing many of the functions in (1); "classifiers", eg. Teochew *liap*, expressing a variety

of functions in both (1) and (2); and “nominalizers”, eg. Mandarin *de*, ranging over several of the functions in (2) and often spreading to functions in (1). The most extreme examples of macrofunctionality occur in Hokkien and Teochew, where all 12 functions in the questionnaire are expressed by means of the same construction, involving the particles *e* and *kai* respectively.

Based on the results of the questionnaire, a number of generalizations are proposed governing the occurrence of macrofunctionality — including several implicational statements of the following forms:

- (3) For any language L and construction C:
 - (a) if C expresses functions F1 and F2, then C also expresses function F3.
 - (b) if C has property P and expresses function F1, then C also expresses function F2.

Generalizations as in (3a) impose constraints on possible patterns of macrofunctionality. For example, if a construction expresses functions (1b) and (1d), it also expresses function (1c). Generalizations as in (3b) impose further constraints on patterns of macrofunctionality involving constructions of particular types. For example, if a classifier forms part of a construction expressing function (1c), it also forms part of a construction expressing function (1b); similarly, if tone sandhi occurs within a construction expressing function (1c), it also occurs within a construction expressing function (1b). Further generalizations proposed are of an areal nature, mapping out patterns of macrofunctionality across Chinese languages, and comparing these patterns to those attested in adjacent areas to the north, eg. Yukaghir, Mongolian, Korean and Japanese, and to the south, eg. Vietnamese, Hmong, Kayah Li (Karen) and Lai Holh (Chin).

The macrofunctionality of Chinese NPs calls into question many of the traditional analyses proposed for such constructions. Typically based on languages with lesser macrofunctionality, such analyses generally posit a multiplicity of representations for what is essentially one and the same construction. For example, Eurocentric analyses of Mandarin *de* characteristically talk of (at least) two “different *de*’s”, a “genitive *de*” and a “relative *de*”, based only on the fact that in familiar European languages, functions (1a) and (1f) are expressed via distinct constructions. However, as argued herein, Mandarin provides no language-internal motivation for such a distinction. Analogously, Mandarin-oriented analyses

of Hokkien *e* generally presuppose the existence of two “homophonous *e*’s”, a “genitive / relative *e*” and a “classifier *e*” simply because Hokkien *e* corresponds to two different markers in Mandarin: genitive / relative *de* and classifier *ge*. Again, however, there would seem to exist no language-internal justification for the imposition of such putative homophony upon Hokkien *e*. In contrast, the present paper takes for granted that — in the absence of specific language-internal evidence to the contrary — a single morphosyntactic construction should be assigned a single syntactic representation and a single semantic representation. Accordingly, this paper proposes unified representations for the macrofunctional markers characteristic of Chinese NPs. Specifically, it is argued that markers such as Mandarin *de*, and Hokkien *e*, possess a unique syntactic role, that of *nominalization*, and a unique semantic interpretation, that of *association*. A corollary of the analysis proposed herein is that Chinese NPs do not exhibit many of the nominal construction types forming the staples of traditional grammar; that is to say, in Chinese there is no genitive, no adjectival attribution, and no relative clause construction — at least as these terms are commonly understood.

TSENG CHIN-CHIN

PROSODIC PROPERTIES OF THE INTONATION IN THE TWO VARIETIES OF STANDARD MANDARIN CHINESE

This study is to compare the intonation systems of standard Chinese in Mainland China (D) and in Taiwan (T). For those who have been in contact with these two varieties of Chinese share the impression that people from Taiwan talk softly and gently, while Mainlanders have more variation in their intonation, thus it is more pleasant to the ear. Part of the difference between British English and American English lies in intonation, too.

In order to investigate what prosodic properties might have contributed to the perceptual differences in the intonation of the two Mandarin Chinese varieties, and how the differences reflect their prosodic system respecti-

vely, recordings of five sentences were extracted from a phonetic database¹. Twelve radio broadcasters, six of them from Mainland China and six from Taiwan did the recordings. The five sentences used in this study together form a short dialogue (See appendix). The sentences are designed to test second language learners of Chinese on how they've managed the intonation pattern in Mandarin Chinese². There are two declarative sentences (j519 and j521), one interrogative sentence (j518), one imperative sentence (j520), and one exclamatory sentence (j522). The voice data were analyzed by Computerized Speech Lab (Model 4300B).

The major findings are:

The Mandarin variety in Taiwan has slower tempo than Mainland China in declarative sentences. (j519:1.20(T)>0.95(D); j521:1.76(T)>1.47(D.)). In addition, The variety in Taiwan seems to be more of a syllable-timed language, because the correlation between duration and the number of syllables is greater than the one of Mainland China. Sentence j521 has the longest duration among all the six subjects from Taiwan, due to that the sentence has the most syllables and a pause in between, but only two of the subjects from Mainland China pronounced that sentence the longest.

The result also shows that Mainland variety demonstrates higher register than the variety in Taiwan (pitch range: 381-146(D) vs. 360-139(T); average pitch: 245(D) vs. 233(T)). This also conforms to the general impression that people from Mainland speak with a higher tone.

Appendix

Subjects: D1-D6, T1-T6

¹ The database was funded by the NSC in Taiwan. The 12 radio broadcasters were instructed to read material containing single characters, words, phrases and sentences. The material was mainly based on three sources. They were "Emergency Chinese" published in Shanghai, examples in Yu-yin-xue Jiao-cheng (Teaching Mandarin phonetics) and Wai-guo Xue-sheng Xue-xi Han-yu Yu-yin Dui-ce (The learning strategies for foreign students to master Mandarin Sounds). Each broadcaster took about fifty minutes to record the reading list.

² The material was based on Wai-guo Xue-sheng Xue-xi Han-yu Yu-yin Dui-ce (The learning strategies for foreign students to master Mandarin Sounds).

Sentences:

J518: Jie-jie, ni qu nar a? "Sister, where are you going?"

J519: Shang-jie mai dong-xi. "I am going shopping."

J520: Gei wo mai yi-ba yu-san ba! "Get an umbrella for me!"

J521: Hao, wo yi-ding gei ni mai lai. "Alright, I'll definitely get you one."

J522: Ni zhen shi wo-de hao jie-jie! "You are such a nice sister!"

REFERENCES

- Berkovits, Rochele*. 1984. Duration and fundamental frequency in sentence-final intonation. *Journal of Phonetics* 12.255-65.
- Chiang, Wen-yu*. 1995. The intonation of Wh-questions in Mandarin Chinese and Taiwanese. Papers from the Fourth International Symposium on Phonology. C4-1-32. Taipei: National Taiwan Normal University.
- Guo, Jin-fu*. 1993. Tone and Intonation in Chinese. Beijing: Beijing Language Institute.
- He, Yang, and Song Jin*. 1992. Intonations of Beijing dialect: An experimental exploration. *Language Teaching and Linguistic Studies* 2.71-96.
- Lin, Tao, and Li-jia Wang*. 1995. *Yu-yin-xue Jiao-cheng* (Teaching Mandarin phonetics). Taipei: Wu-Nan Publishing Inc.
- Ohala, John J.* 1974. Phonetic explanation in phonology. Parasession on Natural Phonology, eds. by A. Bruck, R. Fox, and M. LaGaly, 251-74. Chicago Linguistic Society.
- Ohala, John J.* 1981. Speech timing as a tool in phonology. *Phonetica* 38.204-12.
- Shen, Xiaonan Susan*. 1989a. Interplay of the four citation tones and intonation in Mandarin Chinese. *Journal of Chinese Linguistics* 17(1).61-74.
- Shen, Xiaonan Susan*. 1993. On the temporal dimension of Mandarin. *Acta Linguistica Hafniensia* 26.143-59. Copenhagen: The Linguistic Circle of Copenhagen.
- Shi, Peiwen*. 1980. Changes in intonation of 4 kinds of sentences. *Language Teaching and Linguistic Studies* 2.71-81.
- Wu, Zong-ji, and Mao-can Lin*. 1989. Introduction to experimental phonetics. Hobei: Gao-deng Jiao-yu Publishing Inc.
- Zhao, Jin-Ming, Zi-min Meng*. 1997. *Yu-yin Yan-jiu yu Dui-wai Han-yu Jiao-xue* (The study of phonetics and the teaching Chinese as a second language). Beijing: Language and Culture University.

CURRENT DEBATES IN CHINA ON THE NATURE OF CHINESE CHARACTERS¹

§ 1. It is usually assumed that the current debates in China on the nature of Chinese characters and on language and character policy center around the question of the simplification of Chinese characters. This is not true. Actually, the debates represent a struggle between the forces of internationalism and chauvinism, between science and pseudo-science. This struggle involves nearly all aspects of the place of Chinese characters among other writing systems of the world, and vitally concerns the past, present and future of Chinese characters.

Before presenting an overview of this struggle, I should say a few words about the most egregious example of chauvinism and pseudo-science in the Chinese linguistic circle, namely the work of Xu Dejiang (1935—), the *de facto* chief editor of an unofficial journal *Chinese Character Culture*. Xu was a teacher of Chinese in a high school in Inner Mongolia before the Cultural Revolution. During this period he was involved in several unlawful activities, and spent seven years in a jail in Inner Mongolia for serious crimes. He was released from jail through unofficial means (by “going through the back door”, *zou hou men*: in colloquial Chinese) with the help of Mrs. Yuan Xiaoyuan (1902—). Yuan had previously been an English translator in an office of the United Nations in the U.S.A. Although she held no scientific degree, she nevertheless proclaimed herself a professor when she returned to China in 1985, and founded the journal *Chinese Character Culture* in 1989, putting herself in the role of chief editor. However, being too old to deal with the affairs of the editorial board, she relinquished this position to Xu Dejiang, and has employed him as *de facto* chief editor up to the present time.

¹ I am deeply grateful to Dr. David Moser from the University of Michigan, now teaching linguistics at Beijing Foreign Studies University, for polishing the English in my paper; and to Prof. Victor Mair, and John DeFrancis for inviting me to their conferences and meetings to read this paper.

It is clear from the above account that neither Yuan nor Xu have any linguistic education, and as a result their linguistic claims and analyses are full of nonsense (see the third part of this paper below). Neither of them have any official academic affiliation, and they have never been awarded any scientific titles. Xu paid 300 thousand *renminbi* to Fudan University in exchange for their granting him the title of “visiting professor”. Subsequently Xu began to omit the qualifier “visiting” from the title, thus promoting himself to “professor”, and using this false title in his journal articles and business card. For these reasons, I published an article in a scientific journal based at the Xi'an Institute of Foreign Languages accusing Xu Dejiang of being an “academic fraud” in 1995. After the appearance of the article, Xu brought a suit against me in 1996, demanding that I and the journal that published the article pay him 200 thousand *renminbi* for defamation of character. But as the Chinese writer Lu Xun (1881—1936) once pointed out, if one calls a woman with a good reputation a prostitute, this constitutes a curse; if one applies the same word to a prostitute, it is simply a statement of fact. I cited this quotation in court, which helped me to win the case. This incident is actually a rather interesting historical coincidence as well as a joke. Lu Xun, “an ardent advocate of Chinese language reform” (DeFrancis, 1984, p. v), still lends his influence in the struggle against the person who is currently the fiercest opponent of language reform — Xu Dejiang. Xu's lawsuit aroused great indignation among scholars and teachers of linguistics in China, including those at Fudan University. They immediately decided to cancel Xu's title of “visiting professor”, a heavy blow to Xu's reputation, as well as the second factor in my winning the case.

The third factor leading to my winning the case was a petition in support of me signed by 708 scholars and teachers, including 17 foreign scholars, notably Prof. Kenneth Pike, John DeFrancis, Victor Mair and his wife Zhang Liqing, W.Lippert, A.Peyraube, L.Sagart, K.Reichi, J.Banczerowski, A.Majewicz, W.Schuhmacher, H.Sheinhardt, P.Kupfer, David Moser, and others. Thus, after a bitter three-year struggle against the fraud Xu Dejiang, the court in Beijing finally rejected Xu's case. Let me take this opportunity to express my gratitude to Prof. John DeFrancis, Victor Mair, and all the others who supported me in this case.

§ 2. The extreme chauvinism of Xu Dejiang and his journal *Chinese Character Culture* is manifested in many aspects. For example, Xu has written that “Chinese characters are a written language, much superior to alphabetic writing systems” (cited in Wu Tieping, 1997, p. 329 et passim). This quotation reveals not only Xu's chauvinism, but his ignorance of linguistics, for here he has made a very basic mistake of confusing language and writing systems. Xu has also said that “The Chinese language and writing system are the most scientific in the world” (cited in Wu Tieping, 1998 [21, p. 58). Xu also cited, with permission, the opinion of a Japanese writer, who wrote that “only Chinese characters can be called a true writing system” (see *Chinese Character Culture* No. 1, 1991, p. 10. In the following citations, I shall omit the name of the journal). Xu published certain papers in his journal claiming that “alphabetic systems are backward systems; they are immature human inventions, halted halfway on their road to development” (No. 2, 1993, p. 17). Such unscientific, ungrounded claims, involving outright academic fraud and obvious chauvinism, have aroused not only the anger of Western scholars, but also the anger of Chinese national minorities, most of whom employ alphabetic systems in their writing. For example. Dr. P.Kupfer, H.Scheinhardt and other German linguists published a declaration criticizing Xu's “radical nationalism and cultural chauvinism”. They wrote “We very highly appreciate Chinese cultural tradition, and we love the Chinese language and writing, but we do not agree with Xu's views about the superiority of Chinese characters.” (See Kupfer, 1977, p. 2).

A Korean associate professor of Chinese nationality, Li Shuying, published a similar article, saying “We love both Chinese characters and our own writing system” (see Li, 1998). I must say that most Chinese scholars and teachers are opposed to Xu's chauvinistic claims. For example, the most famous philologist and calligrapher in China, Prof. Qi Gong has said that “the languages and writing systems of all peoples in the world are the common wealth of humanity” (see Wu Tieping, 1997, p. 203).

Xu's extreme chauvinism are most evident in the following statement, published on the cover of Xu's journal (No. 3, 1996): “In the near future, Chinese characters will be the universal language of the world.” Apart from the obvious confusion of language and writing, this ridiculous claim

is perpetuates the following fantasy scenario concocted by DeFrancis (1984, pp. 1—3): During the Second World War, a linguistic planning group attached directly to the office of General Tojo (the supreme commander of the Japanese armed forces from 1942—1943) called the Committee on English Planning, in anticipating that Australia, New Zealand and the United States “would be conquered and incorporated within the Japanese empire”, felt that it was “necessary to plan for the day when policy would be implemented by forcing them to abandon their traditional orthography based on the Latin alphabet and to adopt instead a system based on Chinese characters”. They called this system “Singlish” (a portmanteau term from “Sino-” and “English”). A member of this fictitious committee — a Vietnamese traitor — argued for this policy, stating that “Asian hegemony justified imposing the superior culture of Asia on the decadent West... Ideographic Chinese writing is superior to alphabetic Western writing and should therefore replace it.”

Xu and his supporters have many times echoed these sentiments almost exactly, with only one difference: the Japanese and their collaborators in the imaginary scenario were advocating Singlish with overt imperialistic intentions, whereas Xu and his supporters (who comprise only a small number of people) present such ideas under the guise of patriotism. Karl Marx said that history often repeats itself twice, once in the form of tragedy, the second time in the form of comedy. The fantasy of Singlish failed with the failure of Japanese imperialism; 57 years later, Xu's claims turn out to be only a laughing stock for real linguists.

The chauvinism of Xu and his supporters is also evident in their rejection of all foreign linguistic theories, and in their declaration that China will become “the center of linguistic study for the whole world”, and that “the 21st century will be the century of China”. For a critique of such fallacious views, see Wu Tieping, 1994, pp. 51—56. Given that Xu cannot read any foreign languages, his blanket rejection of foreign linguistic theories is particularly absurd.

§ 3. Xu's pseudoscientific claims can be found throughout all his papers, which have been severely criticized by Yin Binyong, Su Peicheng (1994), Wu Tieping (1994, 1997, 1998) and others. It is enough to enumerate here a few of the false claims in Xu's writings. Xu has said

that the International Phonetic Alphabet is flawed, because before every vowel in IPA there must be a consonant (cited in Wu Tieping 1998 [1], p. 50). Based on the same "reason", Xu says that the scheme for the Chinese Phonetic Alphabet approved by Chinese Congress in 1986 is flawed, because in the SCPA there are separate vowels without consonants before them (cited in Wu Tieping 1998 [2], p. 57). Xu often confuses language and writing system, saying that there are Indoeuropean writing systems (cited in Wu Tieping, 1994, p. 53). In a word, Xu is a total ignoramus in linguistics. This is why, in the declaration signed by 708 scholars and teachers in support of me in the legal case, there is a condemnation of Xu, pointing out that Xu's false claims violate linguistic common sense (See Wu Tieping 1997, 2d impression, p. 379). Nevertheless, Xu has shamelessly boasted that he has created his own "theories" and "formulas", and that his theory "represents the second stage in the development of linguistic theory, and thus it has epoch-making significance", that "Xu's general linguistic theory represents the highest level in the study of linguistics and writing in the contemporary world" (cited according to Wu Tieping 1998 [1] p. 51). Xu even went so far, as to publish, in Taiwan, a festschrift commemorating his sixtieth birthday, because this festschrift was forbidden to be published in mainland China. The editor of this festschrift was Xu's confederate, Shen Xiaolong, a notorious plagiarist from Fudan University. Such abominable behavior on Xu's part has led almost all linguists in China, and also my lawyers to the unanimous conclusion that Xu is a complete fraud infiltrating into China's linguistic circle. This is really a great shame for China.

In addition, almost all foreign linguists who learn of Xu's behavior, are full of contempt for him. For example, an American linguist, Dr. David Moser said in an open declaration: "I have read a great number of Xu Dejiang's articles in *Chinese Character Culture*, and it is my opinion that his work is a typical example of pseudo-science...". (Moser, 1997, p. 3). A German linguist Dr. W.W.Schuhmacher, now working in Denmark, published an open letter, pointing out, that, "Xu Dejiang is not only a bad scientific worker, but is a complete scientific fraud. He presents his false claims as science" (Schumacher, 1997, p. 2)

When Xu failed in the linguistic circle in China, he then insinuated himself into the circle of preschool education, seizing a high position

there, promulgating his pseudoscientific claims, e.g., that for infants from zero to three years old, recognizing Chinese characters without writing them down is much easier than to learn listening and speaking in Chinese. Prof. J. Defrancis, V. Mair and Associate Professor Zhang Liqin pointed out that such a claim is outright falsehood. (Defrancis et alii, 1997, p. 2).

Xu and his supporters also spread their pseudo-science in the study of the history of Chinese characters. In this area, Xu and his group wildly confabulate the origins and explanations for the structure of Chinese characters. For example, Xu published a paper in his journal *Chinese Character Culture* (No.2, 1998, p.58), claiming that the Chinese character denoting “want” (the character for “west” above the character for “woman”) was so composed because Chinese “wanted” Western women. In fact, the Chinese character with the sound “yao” was a pictographic one, originally depicting a man with his waist. Since it was loaned to denote the auxiliary verb “want”, “yao” later became a sound component with a meaning component denoting “body” added.

In addition, Xu and his supporters put forward a totally mistaken principle in explaining the motivation of Chinese characters, that “every sound component in Chinese characters has meaning”, and so they arbitrarily give meanings to all sound components. For example, they said that, “the character, denoting goose “e” was so composed because it is a kind of bird, always highly raising its head in order to show off itself (myself)” (both above citations from *Chinese Character Culture* No. 4, 1991, pp. 33—34). Anyone with even a little bit of linguistic education knows that “e”, like many animal names in many languages, is an onomatopoeic word. The sound component “wo” in the character denoting goose has no semantic connection with the Chinese character denoting “me”.

Xu's ambition for fame and success is not only limited to China's mainland. He once visited the department of East Asian Studies at Toronto University in 1994 and subsequently titled himself a visiting professor in that university (see the back cover of *Chinese Character Culture* No. 2, 1994), adding this title to his business cards. Xu's fraud has aroused protest from the dean of that department Victor Falkenheim. He published a declaration, signed in Feb. 5th, 1997, announcing that nobody in his department had given him such title (see Falkenheim, 1997, pp. 1—2).

Xu even went to the department of East Asian languages and civi-

lizations at Harvard University giving a "lecture" there titled "The scientific (?) education of Chinese characters" in Dec. 14, 1993 (see the same cover), but in Xu's journal *Chinese Character Culture*, No. 3, 1998, p. 10, the time when he gave the same lecture is Jan.(without date), 1994.

In a word, everything about Xu is false: his title, his "scientific" claims, his two brochures, even his wife, a former undergraduate student in the Medical Institute in Dalian, China, who now pretends to be a linguistic professor (see the evidence in Wu Tieping, 1998 [2] p. 51). He is a contemporary Hlestakov (a swindler in Gogol's comedy *The Inspector-General* [1836]). But Xu is still deceiving foreigners, especially those who do not know his disreputable history and behavior, at not only Harvard University, but also at the New York State University (see the back cover of *Chinese Character Culture*, No. 2, 1994), Singapore, Thailand, South Korea, the 7th University in Paris (see the same journal, No. 1, 1999, p. 6). This is the reason why I am appealing here to you to publish articles criticizing Xu and his supporters outside China. Among the articles I am especially recommending is one written by Dr. David Moser in English: *A Brief Summary of the Ongoing Academic and Legal Dispute Between Xu Dejiang and Wu Tieping* (unpublished), written under prof. V.Mair's inspiration. This article severely criticizes Xu's chauvinism, pseudo-science and other false claims. This is one of the best articles in this regard.

Finally I must express my deep gratitude to Prof. John DeFrancis for his giving me one thousand American dollars to publish a book criticizing Xu. Unfortunately there is no publishing house willing to do the job yet, because one thousand dollars is not enough to pay the expenses needed for publishing.

REFERENCES

- DeFrancis, John. 1984. *The Chinese Language: Fact and fantasy*. University of Hawaii.
- DeFrancis, John, V.Mair and Zhang Liqing. 1997. "Subjectivism and arbitrariness can not turn to be a science", in *News about Chinese Language and Writing*, No. 7, Beijing Normal University, China, P.R.; also in Wu Tieping. 1998 [1] p. 49.
- Falkenheim, Victor. 1997. "The whole truth has come out", in *New about Chinese Language and Writing*, No. 7, Beijing Normal University.
- Kupfer, Peter; Scheinhardt, Hartwig et alii, 1997. "Declaration in support of Prof. Wu Tieping", in *New about Chinese Language and Writing*, No. 5, Beijing Normal University; also in Wu Tieping, 1998 [2], pp.59—60.

- Li Shuying. 1998. "Do people using alphabetical writing systems lack human feelings?" in a newspaper *China's Education* (Organ of the Chinese Ministry of Education), Nov. 10. Li was against a paper in Xu's journal vilifying that people using alphabetical writings lack human feelings. In this organ there were published 15 papers criticizing Xu and his cooperators from different angles.
- Moser, David. 1997. "Three characteristics of pseudo-science, in *News about Chinese Language and Writing*, No. 7, Beijing Normal University.
- Schuhmacher, W. Wilfried. "A letter to whom concerned", in *New about Chinese Language and Writing*, No. 7, Beijing Normal University.
- Wu Tieping. 1994. "Can the center of the linguistic study in the world shift over to China?" in Yin Binyong and Su Peicheng (eds): *Evaluate Scientifically the Chinese Language and Characters*, The Publishing House of Teaching and Learning the Chinese Language, 1994.
- Wu Tieping. 1997. *Critical Essays on Language and Culture*, Publishing House in the Beijing University of Language and Culture. Its second impression appeared in 1998 in the same publishing house.
- Wu Tieping. 1998 [1]. The pseudo-science and its manifestations in the linguistic studies in China — Comments on Xudejiang's behavior, in *Journal of Shanxi University*, No. 1.
- Wu Tieping. 1998 [2]. "Against the pseudo-science. defend the dignity of science", in *Foreign Languages in Fujian Province*, No. 4.

DING HONG

谈回族语言的特点

中国共有 55 个少数民族,除回族外,其他民族在其历史发展过程中,都形成了本民族的语言,而回族则以中国主体民族的语言——汉语为其形成的标志及民族共同语。其所以如此,是与回族族源的多元性及回族教育的特殊性分不开。但回族毕竟是一个独立民族,其成员在使用汉语时也有本民族的个性,并在此基础上加强了回族成员内部的心理认同。本文从回族历史及教育角度,对回族使用汉语的过程及其语言特点做了全面而客观地描述。

SUMMARY

There are 55 minority ethnic groups in China. Each has developed its own language except the Hui, who has adopted the Han Chinese as a marker for the formulation of itself as an ethnic group. This is closely related to the plurality of the origin and the uniqueness

of the Hui education. Nonetheless, Hui is a separate ethnic group in the end. Even in using the Han Chinese, members of the Hui attain their own ethnic characteristics, which in turn become basis for reinforcing the internal identity of the Hui as a group. By a retrospection of the Hui History and Education, this paper renders a comprehensive and objective description to the process in which the Han Chinese adopted by the Hui and the current characteristics of the ethnic Hui Language.

张在云

句子成分冗长及修正

句子成分冗长的毛病可以说是语言表达和写作中的一种多发、常见的语病，译文、报刊、杂志和书本上都会时常看到这类病句，即使是一些名人、大家，乃至著名的语言学家手上也都会有这样的败笔，让人时有所见，特别是在翻译作品中，尤为多见。此外，由于这类病句有臃肿冗长、脉络不清、结构松散或关系混乱等原因，往往还会诱发和导致其它的语病也同时产生，诸如出现顾此失彼、照应不周、搭配不当、头绪不清、标点错误、句子成分多余或残缺等“并发症”。

本人在长期的汉语教学、阅读和写作实践中，搜集、分析、研究和归纳了这类病句，把它们分为如下主要几类：（一）句子主语中心语前的定语冗长，称为“高帽子病句”；（二）状语和其它成分冗长，称为“大脖子病句”；（三）宾语前的定语冗长，称为“大肚子病句”；（四）宾语本身冗长，称为“长脚杆病句”；（五）两种不同结构形式的句子套叠在一起的杂糅冗句，又称为“焊接句”。

本文分门别类地举出充足的实例来加以剖析、研究，并探讨犯病原因、防止和改正的方法，提出了分别使用“切割法”、“接近法”、“提示法”、“叠用法”、“断开法”等来医治这些不同类别的冗句，以便提供给华人圈内外从事汉语教学、写作、翻译、编辑、播音等方面的人员参考，以利于他们在各自的工作中尽量避免和杜绝使用这类病句，提高汉语的表达和使用水平。经过二十多年来的教学实践，很多学生和社会人士学习以后，获益匪浅，不论在教学、写作、表达、翻译或动手修改能力方面都大大提高，收到了很好的教学效果。

中山大学对外汉语教学法有些什么特点 齐明娜

教学原则取决于教学目的, 教学要求。留学生到中山大学的目的是进修汉语。中山大学为了提高汉语水平, 条件非常好。学生每天都上四个学时的汉语课, 除此以外, 还有机会在自然状态下和中国人接触、谈话, 课堂上所学过的语言材料马上就能用。

教师经过考试根据留学生的汉语水平进行分班, 使不同水平的学生都能得到较快的提高。

中山大学汉语中心有很多课型如“口语”、“读写”、“听力”、“精读”、“泛读”、“写作”、“初听”课。虽然教师按照课程表实行分科教学, 但是他们在课堂上还是实行综合性的教学, 同时发展说、听、读三项技能。

每科都有一定的教材, 教材跟中国现实生活有密切的联系, 所以不能不引起学生的很大趣味。学生不但增长语言知识, 而且也多了解中国各方面的情况。在汉语教学过程中, 他们除了得到语言本身的知识以外, 还扩大国情知识面。教师在课堂上清清楚楚地讲解教材, 特别重视生词的用法, 词与词之间的关系和词的常用搭配。他们精讲的能力很强, 外国教汉语的教师比不上他们。

高级班的学生上写作课, 课上教师教他们合逻辑地表达思想。经验很丰富的教师一定把学习的材料与留学生本国的生活、传统、风俗、价值观念、心理状态等结合在一起, 所以课堂气氛很生动、活跃。

留学生在这样的环境下进修, 对掌握汉语有很大好处。我还是劝告教师在课堂上多重视学生的活动。教师讲解的活动时间不应该超过学生操练的活动时间。

中山大学对外汉语教学法是值得研究的、宣传的, 各国高校的汉语教师一定要吸取他们丰富的教学经验。

高尔第

汉语“是”动词谓语句结构特点

汉语表达时所用的话语单位可以分为 6 类, 就是单词、复词、词组(也称短语)、单句、复句、句组(不包括插入的、并列的句子)。依据结构要素不同就能够将话语单位区别开来。单词有一个词根作为词素(lexeme), 复词有不只有一个词根作为词素, 短语有一个中心词(head)作为语素(phraseme), 单句有主格(the nominative)和认定(the affirmative)词作为句素(the essentials), 复句有主格词或主格从句(the nominative clause)和认定词作为句素, 句组有主要句(the main sentence)作为全组要素。这些要素本身或者与其它成分一起决定话语单位内部的成分关系, 也因此产生特定的结构语义阈值。从语法角度来看, 短语只有一个要素, 其他成分与它组合, 所以短语是由词法成分构成的。而单句总有两个要素相应结合, 所以句子是由句法成分构成的。在汉语句子中作为句素的主格词和认定词(一般称为谓语)有句法制约关系。主格词是名物化词, 指的是行为认定的主体(behaviorer)或实现认定的客体(object)。主体可以理解为生物或是生物的拟用、替用词。客体则可以是别类词的名物化, 亦即原来不属于名词然而作名词用。认定词是动态化词, 既可以是主体发出的动作或产生的行为, 也可以是对客体现实、现象的确认。汉语句子是以主格名物词和定式动态词作为要素的话语单位。可以从三方面来认识单句的性质: 1. 对称性, 单句在句法结构上是完整的, 各类单句都是主格词和认定词应合的形式。2. 制约性, 单句中有“主导”语义的名物词与包含“时态、体态、情态”语法范畴以及“语态”表现方式的定式动词, 形成“格”的价位和“形态”相应或者和“语态”对当的句法机制。在这里应当强调指出: 虽然汉语句中认定词(谓语)都是带形态标志的定式动词(只有“未过时”是零形态), 然而定式动词并不一定作认定词用。3. 独立性, 单句在语流之中不修饰、不补充其它话语单位。相比之下从句或者任何名词和动词连用的形式, 像似句子的“句坯”其实起着比如“插入”成分的作用, 即使孤立地出现也还是不独立的。因此, 不应把没有动词在内的话语单位当成句子, 也不可把包含动词在内的话语单位全都看作句子。“是”动

词和别的作为构句要素的动词一样，必然要与主格词产生应合的句法关系才会成为句子。汉语“是”动词在句子中并不起着连系的作用，它的用法和其他语言中的连系动词比较是有相当的区别。所以笔者把这个“是”列入现实动词一组。属于这一组的还有：乃、像、似、为、如、若、系、即、非，等等。“是”动词谓语句在结构上有若干特点：

1. 汉语“是”动词的涵义为“就事实作出决定”，亦即认定事实。它与行为动词不同之处在于：不具有及物性能，因而本身不带补充成分。

2. 句中主格词是“是”动词认定的客体（object）。这个“客体”可以理解为“目标、对象”（target），不可理解为“受体”（recipient）。

3. 句子原型中，主格词的位置在认定词之后（例如：向阳的山坡上是苹果园/屋里是谁/在村子前面是一片麦地/出餐厅向前便是办公室/再往前走是一间不大的过厅/就连爱因斯坦也是经过多年的艰难摸索才创造出广义相对论的[]）。在句子变型中，主格词被移到认定词之前（例如：我就是/那是/那可不是吗/牵狗的人便是）。

4. 如果句中有插入的成分，并且它与主格词若是同一事物，那末这个与主格词同位的成分在认定词之前。还应当注意的是：主格同位词不可移到主格词之后，而主格词也不可移到主格同位词之后。由“的”作中介的修饰成分，它后面常可省略被修饰词亦即主格词（例如：这张桌子是三条腿的桌子/居里夫人是第一位两次获得诺贝尔奖的人/钢琴是怎样成为乐器之王的[]/时间是不等人的[]/桂花是在秋天开的花/最凶猛的野兽是什么野兽）。句子变型中，主格词被移到认定词之前，而主格同位词在认定词之后（例如：秋天开的花是桂花/什么野兽是最凶猛的野兽）。

5. “是”动词谓语句如果延伸，可以成为“认定词+主格词+补充词”结构，便是由前后两个动词联合使用的形式。其中后一个动词虽然可以带有“形态”标志却不作为认定词用，它是句中主格词的补充词。（例如：是国防建设取得了重大成就/是汽车撞倒了一位行人/是历史把他们扔进了垃圾堆/是桂花在秋天开

/是她手脚被家务事捆住了)。句子变型中,主格词被移到认定词之前(例如:桂花是在秋天开/他脚是被石头砸破了)。这里应当指出:一个句法成分可以移动,但是同一成分中的各个词不可拆散。因为句子都有规格,一个结构的原有成分关系不可人为地加以改变,否则不是成了另一种结构,就是什么也不是。中国一位语言、文字教育家 1978 年在一篇文章里强调认为:“语言学的分类要统一,科学的第一要事就是要有正确的分类,宇宙中的一切事都要有正确的分类”。这个“分类”观念应当引起我们极大的注意,并且认真地实践下去。他的名子是黎锦熙。

2000 年 4 月于北京

张在云

简化汉字在教学、使用和繁简转换中 应注意的几个问题

本文根据不少实例指出,简化汉字已经在大陆推行了四十多年,经受了数亿人长期的实践和检验,总的来说,成绩很大,举世公认,但尚有不合理、不尽如人意的地方,故而在教学、使用和繁简转换中常出现差错,不利于语文教学和书面语言的交流。特别在电脑广泛普及和使用后,在改革开放和科学技术迅速发展的今天,需要进行大量的繁简汉字转换工作,以便于华人圈内外的科技、文化交流,“汉字简化方案”的缺点和不足更加显示和暴露出来,极需要我们认真加以改进和设法对付,方能进一步提高语文教学的水平,提高古籍整理的质量,促进海峡两岸的文字统一,适应日益发展的中文信息处理要求,跟上时代的需要的发展。

本文具体指出简化汉字存在的下列七个方面问题需要改进,妥善处理。即为:

(一)要继续做好异体汉字的研究、鉴别、整理、规范和调整工作,尽快恢复一些被淘汰的非异体字的使用;(二)某些同音、近音或借用其它字形代替的简化字兼取过多,容易造成教学、使用和繁简转换等方面的困难和混乱,需要认真研究,妥善解决好;(三)简化字偏旁类推的原则未能贯彻始终,有极少数简化偏旁处理不当,不利于识读、书写和繁简转换;(四)某些符号代替的简化字过多或考虑不当,这会打乱和破坏了汉字构件形体与功能的一致性、逻辑性、系统性、连贯性,不便人们学习、理解和记忆,应妥善处理;(五)应认真做好人名、地名等汉字的使用、转换和规范化工作,杜绝这方面的歧义和混乱现象;(六)新旧字形的差异应引起重视,有的辞书、典籍多有忽略,不利于教学和使用,应做好规范和转换工作;(七)有不少简化字不利于汉字编码输入计算机,必须进行适当调整和重新规范,这可以较好地减少汉字编码的重复率,以便提高计算机的输入速度,等等。总之,随着时代的发展和全人类社会科技文化的需要,随着中华文化在国际、国内的广泛交流与传播,华语文教学和对外汉语教学将得到更大发展,繁简汉字也将在华人圈内外并

存、并用一个较长时期,随着信息高速公路的发展和国际间信息网络的开通,计算机繁简汉字的转换工作也将日益增多和加大。因此,我们应针对“汉字简化方案”存大的问题和缺陷,好好讨论、研究,认真调整和改进,以满足语文教材的编写和修订,满足计算机繁简汉字字库、词库的设计和改造,方能很好地适应汉字教学、使用和繁简转换工作。

黄行

中国少数民族语言活力发展趋势的预测

中国不同民族语言之间的广泛接触和全国性语言社区的不断扩大,汉语在民族地区的使用将日益普及和通行,这就自然会导致少数民族语言使用功能使用范围的缩小和使用人口的下降。从中国少数民族语言发展变化的实际过程看,民族语言社会功能的保持或衰减是受制于诸多社会影响因素的,这些社会影响因素有些具有普遍性,可以作用于各种语言有些则具有特殊性,或者说有些因素对不同语言可能产生不同的影响,因此语言使用情况的变化方式和变化速度对不同的民族语言是不完全一样的。

预测中国各种少数民族语言使用情况的发展趋势,道德可能通过够被确认和把握的影响语言社会功能变化的各种因素的具体分析,对少数民族语言的发展趋势做出比较宏观的预测。这种因素或因子分析的预测未然的将来的方法;即用事实上不同程度已经或者趋向转用汉语的民族的语言使用人口比例,去估计其他民

族转用汉语或区域性通用语言的可能性。这种预测方法为类推的分析方法，是通过结果去推断原因。

第一节 影响语言社会功能变化的因素分析

我们把语言通用地位、语言政策规划、语言规范化程度、语言的书面语功能、语言使用人口的聚居程度和语言的跨境关系作为影响少数民族语言功能变化的 6 种主要社会因素，对它们在各少数民族语言中的实际状况用量化的指标加以标记，并假设，诸社会影响因素的量化指标的简单（非加权）累计值越高，语言的社会使用功能越稳定。

文章用统计表列举了中国各少数民族语言发展活力省略诸社会影响因素指标的量化描述统计结果。

各种语言社会影响因素在不同民族语言中的分布具有比较明显的聚类倾向，我们据此从语言活力保持还是衰减的角度，对中国不同类型的少数民族语言的发展前景做出比较宏观的评估。

第二节 语言使用人口状态的类推分析

少数民族使用和转用汉语的程度，和本民族语言使用之间具有密切的负相关关系，当使用和转用汉语或地区性通用语言的人口达到一定的程度或比重以后，就有可能出现明显的第二语言替代母语的现象。因此可以从少数民族人口语言使用的不同状态去预测民族语言未来的发展趋势。

从本民族语言使用的角度，中国各少数民族人口语言使用的状况包括两种情况。一种情况是民族人口的大多数仍使用本民族语言，第二种情况是多数人已不使用本民族语言，以其他民族语言为主要交际工具，本民族语言的使用功能已经收缩到极小的范围，很有可能在不久的将来没有人再使用。

从兼用、转用汉语或其他民族语言的角度，各少数民族人口语言使用的状况也可以概括为两种情况。一种是多数人兼用、转用汉语或其他民族语言，这包括 30 个左右少数民族。另一种情况是兼用、转用汉语或其他民族语言人口比例较小，主要有藏族、维吾尔族、哈萨克族等民族。

民族内部语言使用人口有 5 种基本状态类型：

单语人：只使用母语的人；

双语人：兼用母语和其他语言的人；

母语使用人：母语单语人+兼用母语和其他语言的双语人；

语言转用人：放弃母语而转用其他语言的人；

其他语言使用人：兼用母语和其他语言的双语人+转用其他语言的人。

母语使用人+其他语言使用人=民族人口。

这些语言使用人口类型之间，从逻辑上具有以下复杂的相互依赖的排斥或蕴涵涵关系

A类	B		类		
	单语人	双语人	母语使用人	语言转用人	其他语言使用人
单语人	=	≠	=>	≠	≠
双语人	≠	=	=>	≠	=>
母语使用人	<=	<=	=	≠	<=>
语言转用人	≠	≠	≠	=	=>
其他语言使用人	≠	<=	<=>	<=	=

1 对立使用关系（如果 A 类一定不是 B 类，B 类也一定不是 A 类，用 A 类 $\neq$ B 类表示）：

2 单向蕴涵使用关系（如果 A 类一定是 B 类，但 B 类未必都是 A 类，用 A 类 $\Rightarrow$ B 类表示）：

3 不充分的双向蕴涵使用关系（如果 A 类部分包含 B 类，B 类也部分包含 A 类，用 A 类 $\Leftrightarrow$ B 类表示）：

不同语言使用人口类型在各种语言中所占的人口比重，对语言社区的语言使用状况乃至发展趋势都有一定的分析和预测作用。文章用表格列出中国各少数民族语言使用人口类型在民族人口中所占的比例。

各种语言使用人口类型的数据对不同语言使用类型之间人口比例变量所做的相关分析（见下表），可以说明各种语言人口使用类型之间的相关方向、相关程度和建立在经验知识上的因果关系。

不同语言使用人口类型之间的相关系数

	单语人%	双语人%	母语人%	转用语言人%	使用其他语言人%
双语人%	-.296*				
母语人%	.749**	.411**			
转用语言人%	-.750**	-.397**	-.991**		

使用其他语言人%	-.990**	.306*	-.732**	.753**	
民族人口	.206	-.159	.087	-.065	-.181

此外，少数民族兼用汉语人口的年龄段分布，也是可以预测语言可能发生转用的相关因素。不同年龄段人口双语使用情况的差别，反映了代际语言使用能力的变化，一定程度上可以预示未来群体语言使用状况的发展趋势。

与语言活力发展最有关的语言使用人口现象是母语使用人的保持或消失，特别是母语单语人口比例对各民族语言母语的保持与否有概率上的预测意义。

据此我们可以设这样一种预测本民族语言发展趋势的公式：

母语人口比例	非母语人口比例	本民族语言发展趋势
高	低	语言保持稳定
高	高	语言保持较稳定
低	低	语言保持不稳定
低	高	无此情况

第三节 中国少数民族语言活力预测结果分析

不能简单地认为语言使用发展不稳定，语言就必然会很快发生转用。语言转用是一种复杂和比较漫长的社会过程，是语言使用状态的特例，而不是常例，如果没有特殊背景事件的强烈作用，一般不会轻易发生。语言转用过程的常例是先经过一个相当漫长的并用双语的历史时期，才可能逐渐出现第二语言替换母语的情况。

语言发展趋势预测和一切社会人文现象的预测一样，都可能存在着相当大的误差。事实和经检都已经表明，对任何社会现象发展的预测，都只能权当为概率性的和可修正的趋势去理解。一般来说，（1）原始数据越可靠，预测的结果越准确，但是社会人文现象原始数据的可靠性是难以保证的；（2）社会现象的预测，都只能是用已然去预测未然，但是我们实际不能假设过去的社会和将来的社会，发展变化的条件和背景是永远不变的，所以预测的时间越短误差越小；（3）预测总是用有限的可控制因素去估计社会整体的发展趋势，而未来真正可能出现的现象，都是极其复杂的大量相关因素合力作用的结果，其中包括了许多随机的、偶然的不可控制因素，因此预测对象的作用因素越简单，预

测结果的可靠性越大。语言是最复杂和最难以捉摸的社会现象之一，在以上预测条件方面并不理想，因此指望可以对人类语言的发展前景作出准确预见是不现实的。但是不能因为人们缺乏把握规律的能力而无法预测语言的未来，就否认语言内部与外部系统的结构性和规律性。这种矛盾现象在哲学上曾出现过决定论和概率论的争论。

中国少数民族语言发展的总体趋势，是使用功能逐渐降低，使用人口不断减少，普通话作为全国通用语言，将在包括少数民族地区在内的全国范围越来越通行。少数民族语言的社会功能之所以会趋于萎缩，一是因为社会越来越一体化的发展，必然要求形成社区的共同交际语，语言使用的多样化不利于通用语言的推广。二是因为少数民族语言自身的规范化程度都比较低，主要表现在汉有规范的标准语和成熟的书面语系统，而期望众多少数民族语言可能很快实现标准化、规范化，是不现实的。

社会通用语言的形成，虽然是以一种民族的语言为基础，但是在它的形成和发展过程中，实际上是在不断地吸纳和融合进各种语言的成分和营养，它的结构特征和它的交际行为一样，都是越来越通用的，不仅越来越具有超方言的共性，也越来越具有超语言的共性。这大概是中国语言趋同的方向。从这个意义上说，普通话（不必冠以汉语），逐渐成为由不同方言和不同民族语言构成的多元一体化社会语言格局中的全国通用语言，是符合中国语言发展的历史规律的。

张在云

关于利用计算机扫除文盲，以及帮助幼儿和外国人学习 汉语汉字的设想

二十多年前，本人曾提出根据汉语声调的规律和特点用“声调识字法”等来帮助文盲、幼儿和外国人认识汉字，用“词汇区别法”来帮助他们区别字义、词义，从而解决汉字的认读问题；十多年前，计算机在大陆开始应用普及时，本人又提出用“字根拼写法”和“拼音书写法”来分别教文盲、幼儿和外国人写字，从而解决汉字的书写问题。但是，由于种种原因，本人的建议未能实践，理想未能实现。随着时代的进步和科学技术的发展，进一步证明了本人的建议是可行的，理想是可经实现的。现分三方面简要说明如下：

（一） 声调识字法：声调是我们讲话时每一个声音的高低，是汉语区分字音、字义的重要标志、特点和规律。会讲汉语的每一个人，都能根据自己的方言特点，天然地、不知不觉地读出每一个音节的高低不同的声调来。我们大可不必花费过多的精力去教文盲和幼儿，因为他们从小时候开始说话的那天起，就在练习声调了，并都能根据不同的音节读出不同的声调和用来区分字音、字义。利用文盲和幼儿这点天然的资质和学讲话时就具有的本能，教师只要教给他们一点普通话“四声”（即阴平、阳平、上声、去声）的基本知识，帮助他们从感性上升到理性，让他们自己能根据普通话每一个音节的阴平声准确无误地推演和读出其它三声来。这样就可以利用同音字、近音字的特点和排列表举一反三、触类旁通地教文盲和幼儿快速学习或自行认读汉字了。在推演声调的教读和练习中，本人还设计了普通话《同声同韵表》和《异声异韵表》帮助练习声调，这更容易练习和掌握。外国人没有先天的声调素质和本能，但我们只要多花一点时间对他们进行声调培训，他们也是能很快学会“声调识字法”的。

（二） 词汇区别法：根据汉语音韵的特点，本人把 2500 个—3500 个常用汉字分别归并在 13 个韵辙表中，好让文盲、幼儿和外国人按照不同的要求用“声调识字法”学习和认识汉字。我又利用文盲成年人掌握词汇丰富的特点，给每个常用字都组成一个最常用的双音词（如“美”，美丽；“国”，国家；

“大”，大小；“反”，反正，等等），称为“词汇区别法”，用以区分同音字、近音字的不同用法和防止出现混淆，并巩固所学汉字和所构成的双音词。此外，我在每一识字的韵辙表后面，还编有该辙中《常用近义双音词对举表》和《常用反义双音词对举表》，利用同义构词和反义构词的特点和规律再来帮助他们巩固所学汉字和学习各所对应的汉字，这样更能收到很好的效果。

（三） 字根书写法和拼音书写法：在帮助文盲、幼儿和外国人识字、认字的同时，我又根据常用汉字的偏旁使用情况，选出了最常用、构字能力最强的 100 多个偏旁作为“字根”，分别安排在计算机的 26 个键盘上，形成汉字编码，以便教文盲一步到位，直接用计算机学习书写汉字（幼儿另当别论）。若是小学生和外国人，我们还可教会他们汉语拼音（韵辙表中注有汉语拼音），好让他们用全拼或双拼（本人还设计有易学易记的“张氏双拼”提供给他们）在计算机上学习书写汉字。我认为，学习计算机的操作方法就像学习开电梯、开电视和使用 VCD 一样，要教会文盲和幼儿使用并不太困难，何况外国人更懂计算机的操作了。最后，我根据以上所说识字、写字的几种方法，制成一张会用声音讲解的综合性的光盘，在任何时候，即使教师不在场的情况下，掌握了方法、原理的文盲、幼儿和外国人也可以通过计算机的帮助自己一步一步地学认、学写汉字了。例如在“发花韵”里，我们把“巴”（巴掌）、“八”（八月）、“疤”（疤痕）、“耙”（耙耙）等同音字放在一起，只要教会他们“巴”的读音，其它三字根据同音的特点，他们也就学会读了，并且能用四声的规律推陈演出第二声“拔”（拔河）、第三声“把”（把握）、第三声“靶”（靶子）第四声“罢”（罢工）、“霸”（霸占）、“坝”（水坝）等字的读音来，并用所列的双音词来帮助区别和记忆这些字的读音和使用场合。此外，我们还在每个字的后面注明了它是由哪几个字根组合成的（如“疤”是“广+巴”；“耙”是“米+巴”；“把”是“扌+巴”；“靶”是“艹+口+十+巴”等等。在屏幕上显像的同时，还发出声音来加以解说。这样一来，尽快教文盲、幼儿和外国人识字、写字的目的便可达到了。

张德鑫

“水至清则无鱼” ——我的新生词语规范观

[零] 恣肆汪洋

“非常男女”、“很青春”、“帅呆”、“酷毙”、“爱你没商量”……

只要翻开报纸、打开电视，这些新词新语即如汹涌波涛滚滚而来，恣肆汪洋，并会无可避免有意无意地也出现在每个人的话语书文之中。

面对这改革开放带来的新生词语“大爆炸”的热潮，我们听到了一种熟悉的挞伐之声：很多外来词、港台词、方言词、仿造词、缩略词、流行语、旧词新义、死词复活甚或胡编乱造的新潮、前卫、时尚之语，不过是一些莫名其妙的符号或符号链，有害于民族语言的纯洁和健康，纯粹是语言的垃圾，应加以清除和摒弃；由此又引发出一种逆反之音：语言根本不存在污染问题，“哇噻”、“帅呆”在老人也许认为是污染，可于新新一代就是血肉，就是精气神儿，因而语言无所谓绝对规范。

语言学是一门领先科学。语言是全民性的。语汇是语言的直接形式，且在语言系统中发展变化最为活跃。因而，究竟如何看待新生词语，应树立什么样的语言规范观，是每个人特别是语言教学与研究者当前面临并需解决好的一个紧迫而又重大的课题。

[壹] 有容乃大

冷落鲜活语言现象的“贵族化”、“经院式”遗风至今犹存。

责难最多的是对新生词语中的流行语。固然，流行的未必是品位高的，但流行的也未必是品位不高的。诚然，语言的发展不能靠流行语推动，但也不应该歧视排斥流行语。十几年前对流行歌曲的批判，结果导致了今天流行音乐的大发展。现代汉语以口语为本，倘缺少以真实鲜活极富表现力的流行语来源源不断地充实新生词语，语言的发展就是一句空话。

冷落新生词语的另一个重要因素可能是出于对基本词和新生词关系的偏误认识。基本词较稳定，已形成语言定势；新生词很活跃，常是不定变数。但基本词当初都是从新生词发展而来的。难道可以自己熬成婆婆后就忘本不善待儿媳？倘词汇系统只有基

本词，永远稳稳当当，语言还有生命力吗？新生词语代表着未来，为了未来，需要宽容。

已故语言学泰斗吕叔湘先生对新词新义主张“与其失之于严，无宁失之于宽”。在对待新生词语上，就应提倡“宁滥勿缺”，以免遗珠。中华传统文化倡导“有容乃大，厚德载物”，倘也用在对待新生词语上，善莫大焉！

〔贰〕化刚为柔

宽容，并非包容一切或包容到底。新生词语的优胜劣汰，还需给以科学的引导和调节，即所谓“规范”也。

一说“规范”，就是根据规定和法则，对新生词语给以追认或摒弃，就会想到刚正的法官和威严的裁判，这是一种消极的规范。

语言的稳定是相对的，变异是绝对的；有序是相对的，无序是绝对的；规范是相对的，突破规范是绝对的。规范的作用就是顺应其发展，给以科学的促进，而不是限制，规范就是调节，就是服务，这是积极的规范。

规范如游戏规则，没有规则就会乱套。但规则说到底只是一种手段，是为目的服务的，且是人定出来的。情况变了，规则自然也要变。规范还不完全等同规则，规范更可改变，语言在更新，规范也应更新。变消极规范为积极规范至少要转变两种观念：

一、承认并允许“中介词语”的存在，破除对新生词语只有符合规范生或不符合规范亡的“两分法”。所谓“中介词语”是指那些新生词语刚出现时不为人们理解和认可，甚至反感，但经由群众和时间的考验，这些初显的新生词语中，有的得到约定俗成，并被最终收入权威辞书；有的则被自然淘汰。这种“妾身未定”暂时处于规范词和不规范词之间的新生词权作“中介词语”，对它们不要急于否定、排斥。如“很青春”、“非常男女”等。

二、一般说，规范总是滞后的，要使被动的规范转为主动的规范，就得从仅对新生词语给以追认，发展至对可能产生的新词语进行科学预测。新词语的形成和产生应是有规律可循的。当在大洋中看到水面上有冰山时，就能预测到水面下的冰山更大，你就会躲开它航行。当然，预测是一项复杂的系统工程，其准确率受语言内部和外部各种因素的影响和制约。

前苏联语言学家科任娜<<俄语功能修辞学>>也谈到不应受规

范束缚：“有根据地突破语言规范，乃是言语修养的最高表现。”消极规范中有悖理，而积极规范是辩证的。如果把前者比为“刚性规范”，后者看作“柔性规范”，我们希望化刚为柔，甚至以柔克刚，树立一种柔性的规范来拥抱如此多采多姿的新生词语。

〔叁〕约定俗成

毕竟，规范只是对语言的一种历史总结，它不应也未必能制约未来。语言的发展不是规范出来的，而是由使用语言的群体顺应社会发展的需要并按照语言自身的特点和规律创造出来的。

汉语，包括一些强势方言，是一个成熟的、动态的、开放的、充满活力的符号系统，新生词语源源不断的产生，正是汉语具有强大生命力的反映。新生词语最终能否被接纳并发展成基本词，取决于使用者和时间，即由全社会约定俗成并长用不衰后保留了下来。如海派的“嗲”，京味儿的“盖了帽”。还要相信语言有自我调节功能。汉语作为一种历史悠久有强大融合力的语言，在历史上当外族（如元代、清代）统治中国时，汉语不仅没有被外族语言同化掉，而是将外族词语吸收并汉化。因而，汉语在自身发展过程中有很强的自我调节和净化能力，这种能力同样体现在约定俗成的过程中。

约定俗成，这是语言特别是语汇发展过程中无法抗拒的天然法宝。如果说规范是一种主观功力，约定俗成则是无可替代的客观伟力，体现了语言发展过程中适者生存、物竞天择的自然法则。

至此，我们可以将对新生词语的新的规范观归结为“宽容、柔性、约成”六字“箴言”。不由想起了《汉书·东方朔传》中两句充满哲理的名言：“水至清则无鱼，人至察则无徒”，真有异曲同工之妙。倘都能遵此善待新生词语，汉语发展幸甚！

现代汉语书写符号系统的新构想

—

现代汉语现阶段的书写符号系统是现行汉字。八十年代以来,中国的语言文字工作者关于现行汉字的研究在广度和深度上都有重要发展,特别是加强了对现行汉字的定形(规定其标准字型)、定音(规定其标准读音)、定量(规定其常用字、通用字的数量)、定序(确定其排列顺序,规定标准检字法)的研究整理。已获得的重要成果如:1985年12月中国国家语言文字工作委员会、国家教育委员会、广播电视部联合发布的《普通话异读词审音表》,1988年1月中国国家语言文字工作委员会和国家教育委员会联合发布的《现代汉语常用字表》,同年3月中国国家语言文字工作委员会和中华人民共和国新闻出版署联合发布的《现代汉语通用字表》,1997年4月仍由上述两家联合发布的《现代汉语通用字笔顺规范》,同年5月,国家语言文字工作委员会在《信息处理用 GB13000.1 字符集汉字部件规范》中给出的《汉字基础部件表》等。

与此同时,从1986年的全国语言文字工作会议开始,汉字改革的拼音化方向没有被有关方面明确重申:但是如何继续推行《汉语拼音方案》扩大使用范围的问题仍然得到了必要的关注。例如1988年7月中国国家教育委员会和国家语言文字工作委员会联合发布了《汉语拼音正词法基本规则》,这一规则规定了汉语拼音正词法中的分词连写法、人名地名拼写法、外来词拼写法、文言成分拼写法、缩略语拼写法、移行规则、标点符号使用法等等,方便了人们使用汉语拼音。在1997年全国语言文字工作会议上,中国国家语言文字工作委员会主任许嘉璐教授在其为大会所作的主题报告《开拓语言文字工作新局面,为把社会主义现代化建设事业全面推向21世纪服务》中明确指出:

《汉语拼音方案》作为国家标准和拼写中国人名、地名的国际标准,具有无可替代的重要作用和深厚的群众基础,最近三年,要进一步做好完善和推行工作。第一,发挥汉语拼音在识字教学和推广普通话方面的工具作用,配合教育主管部门总结推广小学语文“注音识字,提前读写”教改实验和其他利用汉语拼音

教学的经验。第二,进一步完善《汉语拼音方案》,研究并解决实际使用中的问题,改进和完善计算机汉语拼音输入系统,逐步扩大《汉语拼音方案》的使用范围。第三,积极推广国家标准《汉语拼音正词法基本规则》,采取措施逐步纠正拼写中的不规范现象。^①

本文就进一步扩大《汉语拼音方案》的使用范围,建构现代汉语新的书写符号系统提出一种选择。这种新的书写符号系统的基本特征是:“汉字+汉语拼音”。

二

在汉字改革研究的历史进程中,争论的双方主要是在纯方块字和纯拼音化之间做唯一的抉择。按照他们的主张,现代汉语的书写符号系统,要么实行拼音化,二者必居其一,心理上互相排斥另一方。在书写传统的强大影响下,保持方块字系统不变这一观点是当前的强势主张。

现在,在中国人的书写行为中出现了一些新情况。由于中国普及了九年制义务教育,新一代大都接受了小学和初中教育。在学校的正规教学中,小学生必须学习而且基本掌握了《汉语拼音方案》。汉语拼音成了帮助他们学习普通话、识字等等的高效工具,也给他们阅读和作文提供了方便。小学生课内作文或者课外写日记等时候,碰到不会写的字,往往改用汉语拼音,包括用它来拼写方言词。而为了顺应小学生的需要,某些老师也不得不改变原有的书写习惯,在必要时不给出汉字而给出汉语拼音。至于一般人在日常书写中用汉语拼音“d/de”代替汉字“的”,更是司空见惯。不少家长以及幼教工作者还把“汉字+汉语拼音”的书写方式看作是有利于早期开发儿童智力或促进儿童智力发展的一种方法,除了自己主动使用外,还鼓励受教育者学习、使用。观察表明:“汉字+汉语拼音”现象在小学生的手写体语料中大量出现。报刊上,也出现了夹用汉语拼音的文章。^②

社会上使用汉语拼音的场合也越来越多。给一些公众场合的标牌、张贴上加注汉语拼音几乎成了主管部门的通例。会汉语拼音,在一定程度上被看成是有知识、有眼界的表征,因此,人们在可能的情况下乐于使用汉语拼音以表现其文化修养。视媒体上汉字和汉语拼音的并用情形更是随时可见。市面上还有诸如汉语

拼音小报、汉语拼音读物一类的印刷品出售。人们对拼音字母已经从初期的不太习惯变成习以为常。在大段的汉字材料中常常出现的“非我族类”的拼音字母，已经不再像汉字改革运动初期那样给反对实行拼音化的人们造成起因于文学忠诚、文字感情的冲动。

字典、辞书对含有拼音字母的词语网开一面，也促使人们加速接受汉语拼音存在的客观事实。例如由商务印书馆出版的在中国具有极高权威性的《现代汉语词典》1998年修订本很及时地收了“卡拉OK”这类带拉丁字母的词条；而于根元主编、北京语言学院出版社1994年出版的《现代汉语新词词典》里的带拉丁字母的词更多，该词典首页的几个词例如“AA制、AB角、AID儿童、A级产品”都是。

某些相关因素对人们学习汉语拼音也起了一定的推动作用。例如，随着电子计算机的普及，为方便信息处理中的汉字输入，越来越多的人通过学习汉字的各类拼音码学会了汉语拼音。在字符集没有某个汉字时，还选用它的汉语拼音来代替。近年来中国实施的对外开放政策，也使各种拼音文字在出版物以及其他视媒体的影响得以扩大，其中拉丁字母的频繁应用，也有利于在潜移默化中增强人们对汉语拼音的亲合力。

总之，拼音字母特别是汉语拼音已经出现在人们的笔下，书面语里已经出现了一定量的“汉字+汉语拼音”用例，人们也已经在心理上接受了汉语拼音在现代汉语书写符号系统中的存在。这些事实提示人们作出了初步的判断：一方面，现代汉语的书写符号系统为了适应书写现状，有选择“汉字+汉语拼音”形式的必要性，另一方面，人们也有了接受这种“汉字+汉语拼音”形式的可能性。著名语言学家、汉字改革问题专家周有光教授指出“在广泛使用拼音的今天，字母学已经不是中国文化生活中可有可无的学问了。”^③

三

但是，仅仅人们有了接受这种“汉字+汉语拼音”形式的可能性还不够，更重要的是，现代汉语本身也应该有采用“汉字+汉语拼音”形式的可能性，一种语言的书写符号系统必须适应这种语言的语法结构、语义结构以及语音特点。中国二十世纪五十年

代以来大张旗鼓宣传的拼音化，到了八十年代不再明确重申，说明了汉语书写符号系统改革的难度，所以，还必须研究现代汉语本身是否适宜采用“汉字+汉语拼音”系统这一问题。答案自然是肯定的，因为这种新系统只是有条件地使用汉语拼音，只会关系到现代汉语的部分词。与全盘拼音化比较，其难度较小而具有较高的可行性。通过对现代汉语各个要素的理性分析，我们可以决定哪些词可以或者有必要首先实行用汉语拼音记写。

根据我们的分析，可以或者有必要首先实行用汉语拼音记写的那部分词，应该具备以下一些特性：

- A. 主要记录不与事物、行为、性状等等联系的声音。
- B. 具有一定的封闭性、可以穷举或者推断。
- C. 有类化特征，属于同一语法类别或这语法次类。

大体上具备上述特点的有拟声词、叹词、语气词。这几类词的语音、语义、语法特点有助于以汉语拼音记写它们。

拟声词是用汉语的语音形式摹拟并且改造自然界的聲音而形成的词。拟声词的语义比较虚，一般为摹拟天籁，汉字记写拟声词常是具有意符“口”的形声字，例如“噉噉噉噉、咕嚕、咿呀、吱、咩、啪”。拟声词经常作句子的独立成分如“咩，咩，咩，雨下大了”。拟声词的本质属性就是摹拟声音，用汉语拼音记写它，会使它更接近声音的本来情况。例如“啪”在摹拟以巴掌打别人脸的声音时，常常说成“pia”，用汉语拼音记写，与语音的联系更紧。拟声词具有某种不定型性，一是记词字不定型如前引“噉噉噉噉”就还有“唧唧噉噉、叭叭噉噉”等写法；二是词长不定型如“咩、咩咩、咩咩咩”都用来摹拟水声；三是拟声词中的临时词(Nonce-Word)较多，可以随时随地依声填字。^④

叹词是封闭性较强的词类。叹词在语音方面有和拟声词共同的特点，不过，叹词是用汉语的语音形式摹拟情绪化的人声。叹词的语义也比较虚，需要从其摹拟的人声的语调中去把握。叹词也是常用具有意符“口”的形声字来记写，例如“唉、呸、哎哟、哎呀呀”。叹词的语法特征是具有独用性，常常用来构成独词句或者充当独立成分。就“独用”而言，叹词与拟声词有类似的地方，但是叹词比拟声词的独立性更强。

语气词是封闭性的词类，汉语语法学界也有把它称为语气助

词而归于助词大类的。语气词在语音方面的特点是念轻声。语气词的语义同样也比较虚，要结合说话人的语气来体会。语气词也常用具有意符“口”的形声字来记写，例如“啊、哇、呀、哪、呢、哩”。语气词的语法特征是具有依附性，一般用在句末。它没有拟声词、叹词那样的独立性，不能用来充当独立成分。简言之，拟声词、叹词、语气词都具有一定的封闭性，语义都比较虚，都不能够充当句子的主要成分如主语谓语乃至次要成分如补语等，它们都以“口”为意符并且大多数用形声字记写，表明它们主要是记录语音。用汉语拼音记写这几类词，不仅不会影响到对句子主干部分的辨识，不会妨碍把握句子的基本意义；相反，用拼音记写的拟声词、叹词、语气词，比用汉字记写的更明确、更醒目，能够使学习者变经验的整字识记表音为直观的成分拼合表音。记写它们的拼音式出现在汉语书面语中，不会动摇现代汉字系统，更不会改变其意音文字属性，也不大可能引发出过滥或者过乱的情形。相反，像语气词“啊”的变读问题 na、ya、wa，叹词“啊”的写法问题如鲁迅把它写作“阿”而有人又把它写作“呵”，语气词“了”和动态助词“了”的区分问题等等，都可以迎刃而解。此外，如果把音译的外来词看作是摹拟外语词声音的拟声词，那么外来词也可以用汉语拼音记写甚至转写，这还有利于现代汉语的书写符号系统在该问题方面实现与国际接轨。

按照这一思路，新构想的现代汉语符号系统的概貌已经显现：它是一个夹用汉语拼音字母来记写拟声词、叹词、语气词的现代汉字符号系统。若试行有效，还可以在此基础上进一步探讨其他词类的拼音式记写问题。如第二步可以扩大到代词、数词、量词、助词，第三步再扩大化到副词、介词、连词。甚至名词中的专有名词、方位名词，也可以试试。⑤

四

在中国的汉字改革工作中，人们对“汉语拼音化”问题有着三种不同的理解。一是把汉语拼音当作辅助学习汉字的工具，例如用来给汉字注音、用于电脑的拼音输入、排序等等。二是把汉语拼音当作现代汉语的拼音文字类型的书写符号系统，用经取代汉字书写符号系统。三是让汉语拼音作为书写符号系统与汉字这一书写符号系统并存并用，在不同的情况下选用不同的系统。⑥

在第一种理解里，现代汉语仍然只有唯一的书写符号系统汉字，而汉语拼音作为辅助工具，根本未能进入法定的书写符号系统。第二种正相反，不再使用汉字，却把汉语拼音当作现代汉语唯一的、法定的书写符号系统；但是，众所周知，汉语拼音要想成为唯一记录现代汉语的书写符号系统，有待证明、有待完善的地方还很多，它还远远不是一种成熟的文字。第三种里，现代汉语同时使用两套各不相干的书写符号系统，一套是汉字，另一套是汉语拼音。这样，不仅第二种理解里存在的问题继续存在，还添上了学习、运用的难度增加等新问题。

我们的新构想与上述情形不同，它不是在汉字书写符号系统和拼音文字书写符号系统中二者择一，也不是将二者兼收并蓄，而是在提取二者的长处后建构的“汉字+汉语拼音”式的新书写符号系统。这个新系统具有以下性质：

A、它保留了汉字适应汉语这一本质特征。新系统里，名词、动词、形容词等类实词仍然不用或者退一步说在相当长的一个时期内不会用汉语拼音记写，因此，它能够继续像现在一样称职地完成记写现代汉语的任务，能够避免汉语拼音记写词语时可能会造成的一些问题。例如拼写同音词(包括标明四声的和不标明四声的)时可能出现的表意不清问题，由于新构想里实词仍然用汉字记写，绝大多数同音词能够凭借不同的字形区别。

B、它吸收了拼音文字易读、易写、易记、易查的优点，吸收了汉语拼音能够准确表现普通话语音话语音的优点。新系统里，汉字记写拟声词、叹词时缺少定性型的问题得到了解决，它们都能够被简单、明确的拼音字母记写的音节代替，读者可以比较容易地把握它们的意义、用法，并且学会标准的普通话发音。同时，拟声词、叹词、语气词用拼音而不用汉字记写后，它们的拼音形式也兼带着表示了它们的语法特征。

C、它整体上会更好适应现代汉语的语法结构、语义结构以及语音特点。汉字系统和汉语拼音系统经过整合构成的新的即我们所构想的书写符号系统后，其整体功能超过了汉字系统与汉语拼音系统各自的功能。人们实行新系统时，还对书面语做了一个预处理。不能够充当句法成分的词或者至多只充当次要句法成分的词被汉语拼音标记了出来。汉字系统原本只有字界，由于汉

语拼音记写的词具有另类词形，它们造成了词与词的视觉分隔，系统在它的影响下出现了词界。现代汉语的语法结构、语义结构也因此有了新的形式特征。

D、它为汉字改革的持续发展准备了较好的基础。“汉字+汉语拼音”这一新书写符号系统，还为现代汉语的汉字改革提供了一个信度较高的测试环境。现代汉语的书写符号系统要不要实行拼音化？实行拼音化又定位在什么程度？对这些长期争论不休的问题，坐而论道，怎么也有隔靴搔痒之弊。先迈出一小步，则无论成功与否都有利于汉字改革工作的发展。成功了可以总结经验继续前行，失败了可以吸收教训，重新定向。

把“汉字+汉语拼音”作为现代汉语的新的书写符号系统，肯定还会有这样或者那样的问题。例如新系统不能够有效减少汉字字种总量，在普通话不够普及的方言区，新系统可能会引发短时期的方音泛滥等等。但它符合“文字的形体发生继续不断的‘简化’……是意音文字共同的形体演变规律”，^①每一个关心汉字改革而又实事求是的人都应该认真考虑，我们也诚挚地希望能够听到各位同行就这一问题发表的真知灼见。

注释

- ① 见教育部语言文字应用管理司编《推广普通话宣传手册》，语文出版社，1999，第17-18页。
- ② 骆毅《夹用拼音的文章》，载王均主编《语文现代化论丛》，山东教育出版社，1995。
- ③ ⑦周有光著《比较文字学初探》，语文出版社，1999，第16-18页。
- ④ 耿二岭著《汉语拟声词》，湖北教育出版社，1986。
- ⑤ 郭熙《汉语、汉字和现行书面记录系统中的一些问题及其对策》，《语言文字应用》，1992，第3期。又见易洪川提交给北京广播学院应用语言学系成立暨应用语言学学术讨论会上的论文《语言应用研究视野中的文字应用研究》（1999.11北京）
- ⑥ 苏培成《现代汉字学纲要》，北京大学出版社，1994，第192页。

姚汉铭

中国大陆新时期新词语的产生途径

语言是反映社会生活的一面镜子。语言的词汇“处在几乎不断变化的状态中。”⁽¹⁾中国大陆实行改革开放以来,随着社会生活的变动,产生了一大批反映这种变动的新词新语。这些新词语主要是沿着六条途径产生的。

一、 采纳港、台词语

香港是世界商业大都会,台湾也是亚太地区“四小龙”之一。长期以来,随着经济的发展,这两个地区都产生了大量的新词新语。正如著名语言学家张斌先生说的:“大陆和港、台三地的语言变异,主要差别不在语法,而是词汇。而从汉语语言的历史来看,存在着一个从并存走向融合、走向规范的发展趋势,相互交流和影响是双向的。”“香港语言之中,引进外来词较多,而外来词中,又以译音词占了相当比重,这与香港与国外的频密交往分不开。台湾方面,除外来词外,还保留了一批传统的、大陆现已淘汰的旧词。”“近几年,随着文化交流活动的开展,词汇中互相影响已越来越大。”⁽²⁾在越来越大的“互相影响”中,大陆的出版物上已越来越多的采用了港台词语。

例如“爆棚、抢手、消肿、跳糟、围观、发廊、公关、空姐、国脚、电脑、代沟、峰会、碰碰车、精品屋、发烧友、第三者、大哥大”等等,这些词改革开放之前大陆上是并不存在的,而在香港则已经产生,是从香港进入汉语词汇库中的。⁽³⁾现在,这些香港词语已在大陆上普遍使用开来。如:

[消肿]喻指精简机构,精简人员。《人民日报》1984年12月1日第一版:“机关‘消肿’仍是个大问题”。

80年代末起大陆普遍使用的“举报中心”“举报室”中的“举报”一词,原先也是从未见于报章的。原来,这也是一个通行于香港地区的词语,是香港廉政公署的一项制度。现在“举报”一词已在大陆广泛使用。

再如“商场”一词,在大陆原指售卖百货的地方,在台湾则指商业界等。改革开放以来,在台湾用语的影响下,大陆的“商场”也出现了这样的义项,如:

[商场]扩指商业界等。《团结报》1983年6月11日第六

版：“平时，在婚、丧、喜、庆及中国传统节日里，‘山东帮’是一个长幼有序、行动一致的组织，而在商场面临经济风暴时，他们更结合成一个环环相扣的互助团体，务期使每一个山东老乡能够安然度过难关。”

相当于“……的人们”的“X X 族”的称说过去在大陆是从未有过的，可在台湾却用得很普遍。“红唇族”与“上班族”经常出现在台湾《中华电视台》的生活节目中，前者指“少女们”，后者意为“上班的人们”。(4) 现在，随着海峡两岸文化交流的扩展，“X X 族”的用法在大陆也不希罕了。“策划”，建国以来大陆上已演变为贬义词，而在台湾则仍然保持着中性用法。近几年来，在台湾用语影响下，大陆的“策划”也已经中性化。如：

[策划]出主意想办法，中性。《解放日报》1992年7月29日第七版：“为适应生产和业务不断扩大的需要，现委托上海市人才开发调剂中心诚聘以下人员：……3.在言行方面有独特策划构思能力的人员5名。”

港台的缩略语比大陆普遍。“有些事物或概念在港台已经用一个双音节词表示了，而在大陆仍用词组表示。”(5) 在新时期中，大陆也产生了许多新缩略语，这中间，不少也是受了港台缩略语造词的影响的。

香港、台湾与中国大陆同族同宗，都是以汉语为母语的，因此，一旦政治上开放，词汇上的相互扩散是十分迅速的。

二、吸收外来词语

在对外开放中，许多科技新词语自然地在国外引进来了。也有一些文化、艺术、生活方面的新词语，随着对外开放，也被引进了大陆。笔者曾详细地考察过新词语中的外来词。如果按照史有为先生的观点，以带有“外来语言文化”的标准来判别，则外来词不仅包括音译词、半意半音译词，而且也包括意译词。(6) 由于汉语长期以来形成的吸收外来词以意译为主的独特传统，这些新外来词中意译词的比例是最高的。新的音译外来词如“的士、基因、托福、雪碧、迪斯科”等，半意半音译词如“苛机、T恤衫、保龄球、爱滋病”等等，完全意译词如“热点、代沟、污染、掠影、电冰箱、软饮料、研讨会、吉祥物、航天飞机、宇

宙飞船、背景音乐、超级市场”等等。例如：

[托福]TOEFL 的英语音译词，原意是“英语作为外国语的考试”，现特指我国拟赴英语国家留学者必须通过的英语考试。

《文汇报》1986年11月22日第三版：“上海地区报考‘托福’逾三万。”

[代沟]英语 generation gap 的意译词。指不同辈份或不同年龄阶段的人在人生观、行为举止、习惯爱好、心理状态等方面的重大差异。《解放日报》1990年7月16日第四版：“美国人的阅读‘代沟’——老者喜欢看报，青年爱小说”。

三、 启用方俗词语

方俗词语，即方言土语和俚俗语词。这些词语，原先只存在于某一方地域或某一社团中，并没进入普通话的全民词汇中。

改革开放以来，粤方言词，由于粤语地区处于改革开放的先行地区，经济发展快，以经济启动文化，于是，大量的粤方言词也就来势汹汹地进入了汉语普通话词汇，成为大陆普通话中的新词语。如“爆棚、抢手、消肿、跳槽、打的、天桥、劲歌、劲舞、围观、发廊、公关、空姐、国脚、发烧友、皮包商、大哥大、寻芳客、碰碰车、洗手间、收银台”等等，原先都只通行于粤语区，现在普通话中已广泛使用了。大量的粤语等的方言词便涌进了普通话词汇中，成了新词语中引人注目的一部分。当然，由于香港话属于粤方言，因此有些例词既可以说成“启用方俗词语”，也可以说成“采纳港台词语”。

俚语词语，原是粗俗的或通行面极窄的方言词语，一般只用于口语。可是，由于其表现能力很强，很多大特写的作者笔杆子解放了，大胆地把它用进文章中去，于是，它们从口语进入了书面语，从狭窄范围流向了全民交际领域。如“扒分、拍板、进贡、肉麻、敲边、烧香、水货、坍台、倒桂、炸锅、斩客、走穴、阿混、白相、出线、懂经、分挺、坏分、白眼病、蹩脚货、擦屁股、炒鱿鱼、撑门面、打熟张、放计划、活跳货、侃大山、乒乓响、小儿科、下只角、一只鼎、筑方城、阿新户头、八级荡工、饭桌生意、胡子工程、拳头产品、弹眼落睛”等等。原先这些词语大多流行于文化层次不高的青少年或个体户中，现在则几乎已全民化了，报纸上时能见到。如：

[一只鼎]某一范围中恶劣表现出名的人。〈方俗〉《文学报》1988年1月14日第二版：“其中有一小部分人曾在某个区域是‘一只鼎’，致使上海当时的小流氓们一听见‘阿新户头’（新疆回来的）便胆寒三份卖账七分，引为同路人。”短短一段话，作者便融入了俚俗词语三个：“一只鼎、阿新户头、卖账”。

四、 自造新词语

即利用汉语中已有的词、语素来构成新词新语。内中有的的是受到港台词语、意译新词的影响的。自造新词主要有四种形式。

（一） 在双音词的基础上构成四字语，笔者从对新词语的研究中发现：借助于语素来构成双音节、三音节新词的情况固然有，但大量的是利用已有的双音词来构成四字语，如“金融债券、质量跟踪、风险投资、边缘科学、人才开发、宏观控制、袖珍企业、压缩空气、公关小姐”，等等。它们呈凝固状，在句子中客观上是像一个词那样使用的。如：

[质量跟踪]企业为了提高产品竞争力而采用的一种提高产品质量的措施。产品出售时，即有有关产口质量问题的表格发给用户，企业则定期上门采访产品使用情况，为进一步提高产品质量提供可靠依据。《经济参考》1986年9月24日第一版：“13种电冰箱接受质量跟踪。”

当然，也有合成其他多音节词语的，如“文化热、新学科丛书”等，但是，由于我们民族“喜偶”心理的作用，它们在数量上远远不及四字语多。

（二） 在双音词基础上添加类后缀或类前缀构成三音节词。语言界传统的认识是：用词根复合成词是汉语构词的主要手段；而派生法，即以添加前后缀方式等来构成新词，在汉语构词法中是微不足道的。（8）我们曾对1220个新词语逐一作了考察，惊奇地发现，形态构词法在整个新词语中相当普遍，共出现169个，竟然占了13.9%。如“合同制、股份制、筛选制、创新热、羽绒热、出国热、出口型、智力型、营养型、德语角、法律角、轮椅角、上海学、聪明学、责任学、企业家、待工者、物价员、凝聚力、归属感、肖像权、可读性、石英化、智愚观、透明度、生意眼、摊派风、放像点、中国潮”等等；还有一批用前缀或类

前缀构成的，如“高能耗、电热锅、多角度、洋经理、准退休”等等。内中尤以后缀（类后缀）“热、制、学、型、角”构成的三音节词为最。如：

[归属感]职工在某单位工作，由于该单位措施得当，使职工产生出终生有了依靠的感觉。《文汇报》1987年11月23日第一版：“广州白云山制药厂数年来持久的蓬勃活力，工厂对员工的强大凝聚力，以及员工们发自内心的归属感、安全感、责任感、需求满足感和企业成就自豪感，等等，它们究竟来自何方，人们现在捕捉到了它的无形的、然而无所不在的灵魂——企业精神。”

朱德熙先生认为：“真正的词缀只能依附在词根成分上头，它跟词根成分只有位置上的联系，没有意义上的联系。”⁽⁹⁾这种虚化程度高的“真正的词缀”，即吕叔湘先生说的“地道的语缀”⁽¹⁰⁾在汉语里并不很多。在当今汉语中，值得注意的是产生了大量的构词用的“类前缀”、“类后缀”。上举各类均然。所以说它们是“类前缀”、“类后缀”，是因为它们“虽然还存在一定词汇意义，但已经趋于比较抽象、概括的意义，即大多产生了某种附加意义，词汇意义都发生了某种程度的虚化”，而且“构词位置固定”，又往往“具有表示词性的类化作用”。沈孟纓先生在把这种现象称之为“汉语新的词缀化倾向”，⁽¹¹⁾我们认为准确的。

（三） 利用单音语素构成新双音词。新双音词虽没有新多音词语多，但也不少，同样是不容忽视的，如“联营、招股、拼搏、平疲、紧俏、特区、脱贫、致富、扶亏、优生、新秀、国格、能人、构想、鹊起、潜能、创汇、投售、缩微、冒尖、教头”等等。这些词的词成方式，大多是汉语构词法中固有的句法构词法，但有一点是值得注意的，出现了一批以往很少见的连动式构词法新词，如：“展销、投售、销纳、腾飞、联营”等等。从这些新词中可知，在表达新事物新概念时，只要能采用以单音语素构成新双音词方式的，总是优先采用这一形式。如：

[投售]把商品投放到柜台上销售，《文汇报》1987年11月19日第一版：“每天投售二百吨，上海市场鱼鲜多。”

（四） 用简缩法构成新词语。在我们曾经考察过的 1220

个新词语中，用简缩法构成的共有 72 个，占总数的 5.9%。如“退管、普法、地铁、环卫、群文、公关、体改、劣展”、“三机、三总师、三资企业、两禁三包、两用人才、双增双节、两个坚持、四项基本原则”等等。新缩语具有内涵硕大，概括力强、称说简便的特点。说“进门勿忘两禁”，显然比说“进门勿忘禁止随地吐痰、禁止乱抛纸屑”方便多了。新缩略语主要有两大类，一类是词根缩语，内中有的的是均衡的词根缩语，如“退管”等，有的是非均衡的词根缩语，如“主客观、中远程”等，另一类是数字缩语，如“四化、三机”等。比较起来，数字缩语的数量多得多。

五、 死词复活

从未出现过的服装可以称为新潮服装，几十年前流行过，这几十年来绝迹了，现在又把它推了出来的服装也可称为“新潮服装”。词语的使用亦然。王德春先生就曾明确指出：“有些新词是旧词的复活。”⁽¹²⁾ 复活死词也是产生新词的一条途径。由于极左路线的被纠正，由于体制改革的深入进行，因此，一些在极左路线年代已经禁绝了的社会活动又活跃起来了，一些已经消失了的商品又生产了，一些讳忌了的称呼又时兴起来了；由于实行社会主义民主，报纸还担负着舆论监督的任务，因此，报刊上对社会问题的暴露增加了，于是，一些几十年来几乎已经死亡了的词语，现在又回到了我们的日常生活中，它们“复活”了。例如：“债券、拍卖、招标、中标、股票、明星、官司、行情、招聘、征婚、接风、情妇、赌徒、女郎、老板、店主、小姐、嘴唇膏、洋经理、有限公司、开张志喜、生意兴隆”等等。这些词的语言意义虽未变，但它们的言语意义却往往有了变化。例如：

[拍卖] 当众出卖大额商品、企业等，由多人出价争购，到没有再报更高价时，就拍板成交，这样的售卖形式叫拍卖。《劳动报》1986 年 10 月 4 日第一版：“本市首次将一家亏损的大集体企业——黄浦区江春油酱店拍卖给个人。”

六、 旧词载新义

“死词复活”类词，词义并未改变；这里讨论的新词语，书写形式还是原先的旧词语，但词义却已通过引申、比喻等途径改变了。

获取新义的形式有下面几种。

(一) 增加新义项。如“跟踪”，原用在会行走的人和动物上面，现在则还可用于产品质量上，如“质量跟踪”，再如“反馈”，原用在电学医学方面，现在还可用于信息领域，如“信息反馈”。“老化、打入、窗口、封顶、山海经、冲击波、普通话”等都如此。这中间，由于全民文化水准的提高，“专业词语社会化”是尤为突出的。比喻引申、比拟引申、借代引申等，也是使旧词获取新义的重要手段。如：

[婆婆]原指丈夫的母亲，现又常喻指主管企事业单位的上级机关。《光明日报》1987年10月4日第二版：“重要的是有个开明的‘婆婆’”。再如“出台、窗口、网络、梯队、低谷、铁饭碗、大锅饭、毛毛雨、红眼病、松绑、浮动、挂钩、菜篮子”等等，它们都通过比喻引申等增加了新义项。

(二) 突显新义项。原来的义项并未消失，但与新增义项相比，明显地后退了，而新增义项则处于所有义项中的突显地位。如：

[第三者]现常称指插入夫妻之间的将破坏夫妻关系的人。

《文汇报》1986年6月24日第一版：“两个‘第三者’合演的悲剧”。

虽然“第三者”仍保留有“双方之外”的广义义项，但在当前的社会交际中，这个狭义“第三者”已突显在广义“第三者”之前了。又如“松绑”，虽然还保留有解开人身上的绳索的义项，但是，新增加的“给企业松绑”的“松绑”这一比喻义项则已明显地突显在原来意义之前了。“浮动、红眼病”等亦然。

(三) 移示新义项。原来的意义逐渐消失了，变之以新的含义。如“个体户”，本来可以看作是“单身户”的同义词，而现在，这个含义消失了，专门表示相当于“个体劳动者”的意义了。再如“铁饭碗”，原义已由“搪瓷饭碗”表示，现在则专指“只要不犯法，表现得再不好也不会被辞退”这样的劳动制度了。又如“持平”，原是“公正、公平”之意，现在则换之于“保持同样水平”的含义了。如：

[持平]保持既有的水平，既没增长也没减少。《解放日报》1987年2月6日第二版：“本市今年西瓜种植面积与去年持

甘肃人民出版社, 1984 年版) 即明确写有: “汉语的构词法主要是合成法, 不是派生法。”

- (9) 朱德熙《语法讲义》第 29 页, 商务印书馆, 1982 年版。
- (10) 吕叔湘《汉语语法论文集》, 第 517 页, 商务印书馆, 1984 年版。
- (11) 沈孟缨《汉语新的词缀化倾向》, 《南京师大学报》1986 年 4 期。
- (12) 王德春《词汇学研究》第 322 页, 山东教育出版社, 1983 年版。

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О ВАДИМЕ МИХАЙЛОВИЧЕ	5
В.А.Андреева О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА	7
А.А.Антиповский ЛАО ШЭ: БОЛЕЗНЬ. ТЕАТР И ЦВЕТЫ	12
В.И.Антонов, Е.В.Барина МУЗЫКАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: ОБОЗНАЧЕНИЯ ТЕМПА В РУССКОМ, КИТАЙСКОМ И ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКАХ	17
К.В.Антонян СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМА ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ	21
Н.Н.Воропаев ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ДИСКУРСА ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДА НА СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	29
Л.И.Головачева О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕСМОТРА ВЗГЛЯДОВ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ЭВОЛЮЦИЮ КИТАЙСКОГО ПИСЬМА	37
О.М.Готлиб ТАКСОНОМИЯ ИМЕН В КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ	46
Н.Я.Губарь О СИНОНИМИИ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	51
О.И.Завьялова КИТАЙСКАЯ ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ НА РУБЕЖЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ	53
М.И.Задорожный ДЕФЛЕКТИВАЦИЯ РУСИЗМОВ В ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ПРИМЕТЫ	57
Т.В.Ивченко ПРОБЛЕМА <i>huoyong / jianlei</i> В ТЕКСТАХ НА ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	64
М.Х.Имазов ПРОБЛЕМЫ ДУНГАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ТРУДАХ А.А.ДРАГУНОВА	71
В.Б.Касевич ТИБЕТО-БИРМАНСКИЙ КАУЗАТИВ И ПРИНЦИП ИКОНИЧНОСТИ	75
И.Р.Кожевников НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА ПРИМЕРЕ <i>гуаньюнъюй</i>)	80

Т.П.Коростина	
К ВОПРОСУ ОБ ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	84
И.В.Кочергин	
ОПЫТ ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НЕПОДГОТОВЛЕННОГО МОНОЛОГИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	91
В.А.Курдюмов	
СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ	95
О.М.Мазо	
О НЕКОТОРЫХ «НЕСТАНДАРТНЫХ» УПОТРЕБЛЕНИЯХ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО СУФФИКСА *-h	98
Мяо Юянь, Ян Хайюнь	
НОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ ...	102
Нгуен Ван Тхак	
ОБ ОДНОМ СПОСОБЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВЬЕТНАМСКИХ СЛОВ ОТ НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНЫХ КИТАЙСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ	108
Нгуен Туэт Минь	
К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИИ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ	114
Т.Г.Погибенко	
ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТРИЦАНИЯ В КХМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ	118
Б.В.Поспелов, К.И.Долотин	
СИНТЕЗ И АНАЛИЗ МЕЛОДИКИ КИТАЙСКИХ СЛОГОВ С УЧЕТОМ ПАРАМЕТРОВ РЕЧЕВОГО ДЖИТТЕРА	123
Л.Ш.Рахимбекова	
ПОВТОРЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ	126
Д.В.Романенко	
ВЛИЯНИЕ ПУНТУНХУА НА ДИАЛЕКТЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	132
Е.Д.Рудницкая	
ЛОКАЛЬНЫЕ И НЕЛОКАЛЬНЫЕ РЕФЛЕКСИВЫ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ И С ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ	134
М.Б.Рукодельникова	
К ВОПРОСУ ОПИСАНИЯ НЕГАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКЕ	141
М.К.Румянцев	
СЛОВОВЫЕ ТОНЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: К ПРОБЛЕМЕ УТРАТЫ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ	146
А.Л.Семенов	
ОПЫТ СОЗДАНИЯ УЧЕБНИКА ПО КИТАЙСКОЙ ЛЕКСИКЕ	151

Н.В.Солнцева, В.М.Солнцев	
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОСТИ В ИЗОЛИРУЮЩИХ ЯЗЫКАХ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	157
М.В.Софронов	
СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ МОРФЕМ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА	161
С.А.Старостин	
УТОЧНЕНИЕ СООТВЕТСТВИЙ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ И СИНО-ТИБЕТСКИХ ФИНАЛЕЙ	171
В.А.Хабибулин	
ПОРЯДОК ЗНАЧИМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ И ЕГО ИЗМЕНЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	172
А.А.Хаматова	
НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОБЛЕМЕ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	179
Хан Шаосян	
НОВЫЕ СЛОВА И ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	183
А.Н.Хохлов	
ВОСТОКОВЕД В.П.ВАСИЛЬЕВ И ЕГО ГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ	189
Цзинь Тао	
КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ОПИСАНИЯ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	202
Н.И.Шевцова	
О ПАССИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В РЕЧИ КИТАЙСКИХ ДЕТЕЙ	208
Ж.В.Шмарова	
К ВОПРОСУ О ГЛАГОЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ (СОЧИНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ)	213
Е.И.Шутова	
ЧАСТИ РЕЧИ И ЯВЛЕНИЕ АСИММЕТРИИ МЕЖДУ КАТЕГОРИАЛЬНЫМИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СИНТАКСИЧЕСКИМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	218
А.А.Шукин	
ЭЛЛИПСИС В КИТАЙСКОМ ТЕКСТЕ (РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ)	223
Р.А.Янсон	
О ФОРМИРОВАНИИ ВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ (К ПРОБЛЕМЕ ПАЛИ-БИРМАНСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ)	230
И.Н.Комарова	
ПЕРФЕКТ В СИСТЕМЕ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА	234

О.В.Семенова	
О ВИДАХ, ФОРМАХ И ПРИЕМАХ КОНТРОЛЯ НАВЫКОВ ПРОИЗНОШЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	240
А.Я.Соколовский	
К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В ЯЗЫКАХ ДВ И ЮВА	247
Чжан Тинтин	
О КИТАЙСКОЙ КАЛЛИГРАФИИ	249
D.I.Eloukov	
THE PROBLEM OF LINGUISTIC UNITS	255
David Gil	
MODIFICATION AND NOMINALIZATION IN CHINESE NOUN-PHRASES	258
Tseng Chin-Chin	
PROSODIC PROPERTIES OF THE INTONATION IN THE TWO VARIETIES OF STANDARD MANDARIN CHINESE	260
Wu Tieping	
CURRENT DEBATES IN CHINA ON THE NATURE OF CHINESE CHARACTERS	263
Ding Hong	
ON THE CHARACTERISTICS OF THE ETHNIC HUI LANGUAGE IN CHINA	270
张在云	
句子成分冗长及修正	271
Демина Н.А.	
中山大学对外汉语教学法有些什么特点	272
高尔箴	
汉语“是”动词谓语句结构特点	273
张在云	
简化汉字在教学、使用和繁简转换中应注意的几个问题	275
黄行	
中国少数民族语言活力发展趋势的预测	276
张在云	
关于利用计算机扫除文盲, 以及帮助幼儿和外国人学习汉语汉字的设想	281
张德鑫	
“水至清则无鱼”——我的新生词语规范观	283
易洪川	
现代汉语书写符号系统的新构想	286
姚汉铭	
中国大陆新时期新词语的产生途径	293

CONTENTS

IN MEMORY OF VADIM MIKHAILOVICH	5
Andreyeva V.A.	
ON SOME SOURCES OF LEXICAL SYNONYMY IN VIETNAMESE	7
Antipovsky A.A.	
LAO SHE: ILLNESS. THEATRE AND FLOWERS	12
Antonov V.I., Barinova E.V.	
MUSICAL TERMINOLOGY: NOTATION OF TEMPO IN RUSSIAN, CHINESE AND VIETNAMESE	17
Antonian K.V.	
SEMANTICS OF COMPLEMENT OF DIRECTION IN CHINESE AND THE PROBLEM OF GRAMMATICALIZATION	21
Voropayev N.N.	
IDIOMS OF OFFICIAL REPORT DISCOURSE IN CONTEMPORARY CHINESE	29
Golovacheva L.I.	
IT IS NECESSARY TO REVIEW THE CONCEPT OF EVOLUTION OF CHINESE WRITING	37
Gottlieb O.M.	
TAXONOMY OF NAMES IN CHINESE TRADITION	46
Gubar N.Y.	
SYNONYMY AND STYLISTIC PECULIARITIES OF PREPOSITIONS IN CONTEMPORARY CHINESE	51
Zavyalova O.I.	
CHINESE WRITING ON THE VERGE OF THIRD MILLENNIUM	53
Zadorozhny M.I.	
DEFLECTIVATION OF RUSSIAN BORROWINGS IN DUNGAN (HUI) LANGUAGE	57
Ivchenko T.V.	
<i>Huoyong / jianlei</i> PROBLEM IN CLASSICAL CHINESE TEXTS	64
Imazov M.H.	
PROBLEMS OF DUNGAN (HUI) LINGUISTICS IN A.A.DRAGUNOV'S WORKS	71
Kassevich V.B.	
TIBETO-BIRMAN CAUSATIVE AND THE ICONICITY PRINCIPLE	75
Kozhevnikov I.R.	
NATIONAL CULTURAL SPECIAL TRAITS OF CHINESE IDIOMS (<i>guanyoungya</i>)	80
Korostina T.P.	
ON LOANS IN MODERN CHINESE	84

Kochergin I.V.	
LINGUOSTATISTICAL ANALYSIS OF SPONTANEOUS MONOLOGIC UTTERANCES IN CHINESE	91
Kurdyumov V.A.	
COMPOUND SENTENCE IN SYNCHRONY AND DIACHRONY	95
Mazo O.M.	
ON SOME "NON-STANDART" USES OF SUFFIX *-h IN ANCIENT CHINESE	98
Myao Yuan, Yang Haiyun	
NEW LOANWORDS IN RUSSIAN AND CHINESE	102
Nguyen Van Thak	
ON THE FORMATION OF THE VIETNAMESE WORDS BASING UPON DEPENDENT CHINESE UNITS	108
Nguyen Tuet Min	
ON MORPHOLOGY OF VIETNAMESE LANGUAGE IN THE LIGHT OF THE THEORY OF FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD	114
Pogibenco T.G.	
LOGICAL-SEMANTIC ASPECTS OF NEGATION IN KHMER	118
Pospelov B.V., Dolotin K.I.	
THE SYNTHESIS AND ANALYSIS OF CHINESE SYLLABLE METHODS BY MEANS OF ACCOUNT OF JITTER SPEECH PARAMETERS	123
Rachimbekova L.Sh.	
REDUPLICATION IN CHINESE AS A STYLISTIC DEVICE	126
Romanenko D.V.	
PUTONGHUA INFLUENCE ON THE MODERN CHINESE DIALECTS	132
Rudnitskaya E.D.	
LOCAL AND NON-LOCAL REFLEXIVES IN KOREAN FROM TYPOLOGICAL POINT OF VIEW	134
Rukodelnikova M.B.	
ON DESCRIPTION OF NEGATIVE CONSTRUCTIONS IN HUI LANGUAGE	141
Rumyantsev M.K.	
SYLLABIC TONES IN CHINESE: TO THE PROBLEM OF THE LOSS OF PHONOLOGICAL FUNCTION	146
Semenas A.L.	
A HANDBOOK ON CHINESE LEXICOLOGY	151
Solntseva N.V., Solntsev V.M.	
MORPHOLOGICAL CATEGORIES AND THE NEGATIVES IN EAST AND SOUTH ASIAN LANGUAGES	157
Sofronov M.V.	
SYNTACTIC DERIVATION OF MORPHEMES IN CHINESE	161

Starostin S.A.	
<i>Revision OF CORRESPONDENCES</i>	
OF ANCIENT CHINESE AND SINO-TIBETAN <i>FINALS</i>	171
Habibulin V.A.	
THE ORDER OF SIGNIFICANT ELEMENTS AND ITS CHANGE	
(IN CHINESE, ENGLISH AND RUSSIAN)	172
Hamatova A.A.	
SOME REFLECTIONS ON THE PROBLEM OF NEOLOGISMS	
IN CONTEMPORARY CHINESE	179
Hang Shaoxiang	
NEW WORDS AND MEANINGS IN MODERN CHINESE	183
Hohlov A.N.	
RUSSIAN ORIENTALIST V.P.VASSILYEV AND HIS GRAPHIC SYSTEM	
OF CHINESE CHARACTER CLASSIFICATION	189
Jin Tao	
A COGNITIVE ANALYSIS OF VERBAL FORMS OF DIRECTION	
IN CONTEMPORARY CHINESE	202
Shevtsova N.I.	
ON PASSIVE SENTENCES IN CHINESE CHILD SPEECH	208
Shmarova Zh.V.	
ON VERB FORMATION IN CHINESE (COPULATIVE TYPE)	213
Shutova E.I.	
PARTS OF SPEECH AND THE PHENOMENON OF ASYMMETRY	
OF CATEGORIAL LEXICAL-SEMANTIC	
AND FUNCTIONAL-SEMANTIC MEANINGS IN CHINESE	218
Shchukin A.A.	
ELLIPSIS IN CHINESE TEXT (SPOKEN STYLE)	223
Yanson R.A.	
ON THE TENSE PARADIGM IN BURMESE	
(A CASE OF PALI-BURMESE INTERFERENCE)	230
Komarova I.N.	
PERFECT IN THE TIBETAN VERB SYSTEM	234
Semenova O.V.	
FORMS OF CONTROL OF PRONUNCIATION	
IN CHINESE LANGUAGE TEACHING	240
Sokolovsky A.Y.	
ON THE INNER STRUCTURE OF LINGUISTIC SIGN	
IN THE LANGUAGES OF THE FAR EAST AND SOUTH-EAST ASIA	247
Qhang Qingqing	
ABOUT CHINESE CALLIGRAPHY	249
D.I.Elovkov	
THE PROBLEM OF LINGUISTIC UNITS	255

David Gil	
MODIFICATION AND NOMINALIZATION IN CHINESE NOUN-PHRASES	258
Tseng Chin-Chin	
PROSODIC PROPERTIES OF THE INTONATION IN THE TWO VARIETIES OF STANDARD MANDARIN CHINESE	260
Wu Tieping	
CURRENT DEBATES IN CHINA ON THE NATURE OF CHINESE CHARACTERS	263
Ding Hong	
ON THE CHARACTERISTICS OF THE ETHNIC HUI LANGUAGE IN CHINA	270
张在云	
句子成分冗长及修正	271
Demina N.A.	
中山大学对外汉语教学法有些什么特点	272
高尔鏊	
汉语“是”动词谓语句结构特点	273
张在云	
简化汉字在教学、使用和繁简转换中应注意的几个问题	275
黄行	
中国少数民族语言活力发展趋势的预测	276
张在云	
关于利用计算机扫除文盲， 以及帮助幼儿和外国人学习汉语汉字的设想	281
张德鑫	
“水至清则无鱼”——我的新生词语规范观	283
易洪川	
现代汉语书写符号系统的新构想	286
姚汉铭	
中国大陆新时期新词语的产生途径	293

Научное издание

КИТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ИЗОЛИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ

Х Международная конференция.
Материалы. Москва 20–21 июня 2000 г.

Утверждено к печати
Ученым советом Института языкознания РАН

Компьютерная верстка
А.А.Некипелов

Формат 70×100/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсет № 1.
Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 600 экз.

Отпечатано в типографии издательства
«Советский писатель»

